

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

РИЧАРД

ФРИМЕН

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

РИЧАРД ФРИМЕН

Ричард О. Фримен (1862—1943) —
известный английский врач и писатель,
создатель обаятельного персонажа —
доктора Торндайка, который проводит
расследования, опираясь не на
дедуктивные способности,
а на научные методы поиска улик.

РИЧАРД
ФРИМЕН

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

.....
ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф88

Серия «Золотой век английского детектива»

Перевод с английского *Н.С. Ломановой* («Поющие кости»),
Л.Г. Мордуховича («Тайны Д'Эрбле»)

Компьютерный дизайн *Я.Е. Половцевой*

Фримен, Ричард О.

Ф88 Поющие кости. Тайны Д'Эрбле : [сборник] / Ричард О. Фримен ; [пер. с англ. Н.С. Ломановой, Л.Г. Мордуховича]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089472-7

В знаменитом сборнике рассказов «Поющие кости» доктор Торндайк расследует таинственные и запутанные преступления: кражу крупной партии бриллиантов, загадочное убийство управляющего поместьем, дела о шантаже, мошенничестве и другие.

Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряет-ся в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование.

А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089472-7

© Перевод. Н.С. Ломанова, 2015
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Особое построение первых четырех рассказов настоящего сборника, вероятно, удивит читателей и критиков. Поэтому требуется разъяснение подхода к изложению текста, которое я и предлагаю вашему вниманию.

В традиционных детективных историях все концентрируется вокруг главного вопроса — кто совершил преступление. Личность преступника не раскрывается до самого конца повествования, а его разоблачение становится кульминацией всей книги.

Мне всегда казался ошибочным подобный подход. В реальной жизни знание личности преступника чрезвычайно важно для выявления причин преступления. Однако в художественном произведении, где такие причины не рассматриваются, интерес читателя должен быть прежде всего сосредоточен на неожиданных последствиях самых заурядных поступков, тайных причинно-следственных связях и вычленении решающих улик из множества фактов, на первый взгляд не относящихся к делу. Читатель прежде всего задается вопросом «Как было раскрыто преступление?», а не «Кто его совершил?». Иными словами,

пытливый читатель в большей степени интересуется процессом, а не конечным результатом.

Однотипность всех детективных историй, где читатель узнает истину лишь в финале, побудила меня задать себе вопрос: возможно ли написать детектив, где читатель становится свидетелем преступления и узнает факты, на которых потом строится следствие? Сохранится ли интрига, если читатель будет заранее обо всем осведомлен? Мне казалось, что это никак не повлияет на его интерес к произведению, и в качестве эксперимента, призванного проверить мою правоту, я написал рассказ «Дело Оскара Бродского», где повествование как бы перевернуто и читатель с самого начала находится в курсе происходящих событий, в то время как сыщик пребывает в полном неведении и вся интрига держится на неожиданном значении самых тривиальных обстоятельств.

Знатоки по обе стороны Атлантики, включая редактора «Пирсонс мэгэзин», встретили такой подход с энтузиазмом, предложив мне написать еще несколько подобных историй.

Я написал еще три и объединил их в одну книгу, добавив туда вполне традиционный рассказ, чтобы читатели могли оценить достоинства обоих способов повествования.

Моряки, вероятно, заметят, что я позволил себе вольность, заменив плавучий маяк на отмели Гедлер свайным, что не соответствует действительности. Я отмечаю данный факт, желая избежать лишней критики и избавить читателя от необходимости указывать на мою ошибку.

Часть I

ДЕЛО ОСКАРА БРОДСКОГО

Глава 1

МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О совести наговорили множество всякого вздора. С одной стороны, существует такое понятие, как угрызения совести (или «приступы раскаяния»); с другой — имеется так называемая стоворчивая совесть, причем считается, что человеческое счастье или несчастье можно описать этими двумя понятиями. Грань между ними не всегда бывает четкой: при особо неблагоприятных обстоятельствах самая негибкая совесть может дать слабину, а колеблющаяся совесть, наоборот, приобрести несвойственную ей твердость. Есть и такие везунчики, вообще не имеющие совести, что дает им неоспоримые преимущества перед простыми смертными.

Примером мог служить Сайлас Хиклер. Глядя в веселое круглое лицо, светившееся доброжелательностью и постоянно озаряемое улыбками, вряд ли кто-то заподозрил бы в нем преступника. И менее всего его почтенная набожная экономка, ежедневно наблюдающая, как он с самым добродушным видом насвистывает веселые мелодии

и с отменным аппетитом поглощает все, что ему подают за столом.

И все же главным источником его скромного, но вполне приличного дохода были виртуозные кражи со взломом. Рискованное ремесло с непредсказуемым исходом, однако при разумном подходе и определенной умеренности его опасность можно свести до минимума. А Сайлас являлся человеком благоразумным. Работал всегда в одиночку и планировал свои вылазки самостоятельно. Сообщников избегал, так что в случае чего свидетельствовать против него было некому и никто не бежал в припадке мстительности с доносом в Скотленд-Ярд. В отличие от большинства преступников его нельзя упрекнуть ни в алчности, ни в расточительности. Знал меру и срывал свой куш не слишком часто, все заранее продумывал, совершал набеги втайне, а выручку благонамеренно вкладывал в хозяйство.

Раньше Сайлас занимался торговлей бриллиантами, да и сейчас иногда совершал небольшие сделки. Его подозревали в нелегальной торговле бриллиантами в обход «Де Бирс», а кое-какие нескромные дилеры даже позволяли себе шепотком произносить зловещее словосочетание «скупка краденого». Но Сайлас, благодушно улыбаясь, продолжал гнуть свою линию. Он проявлял разумную осторожность, а его клиенты в Амстердаме были не слишком любопытны.

Таким являлся Сайлас Хиклер. Прогуливаясь по своему саду в сумраке октябрьского вечера, он

выглядел типичным представителем среднего класса, скромным, но вполне преуспевающим. На нем был дорожный костюм, который он обычно надевал, совершая свои маленькие путешествия на континент. Во внутреннем кармане жилета лежал пакетик с бриллиантами, купленными в Саутгемптоне вполне легально, но без неуместных вопросов. Другой, гораздо более ценный, спрятан в каблуке правого ботинка. На диване в гостиной стоял собранный саквояж. Через полтора часа Сайлас должен был сесть в поезд и пересечь на пароме Ла-Манш, а пока он коротал время, бродя по увядающему саду и размышляя, куда вложить деньги от предстоящей сделки. Его экономка уехала в Велхэм за покупками и вернется не раньше одиннадцати. Он был один и немного скучал.

Сайлас уже собирался закончить прогулку и вернуться в дом, когда уловил звук шагов по грунтовой дороге, проходящей за его садом. Он остановился и прислушался. Поблизости не было никакого жилья, и дорога терялась на пустыре за домом. Какой-то посетитель? Вряд ли. К Сайласу Хиклеру редко навевывались гости. Шаги приближались, все громче отдаваясь на твердой каменистой тропе.

Сайлас подошел к калитке и с любопытством выглянул наружу. Отблеск от зажженной сигареты на мгновение высветил мужское лицо. Затем из темноты выступила смутная фигура и, приблизившись к калитке, остановилась. Незнакомец вынул изо рта сигарету и, выпустив облачко дыма, спросил:

— Скажите, эта дорога выведет меня к станции Бедхэм?

— Нет, но там дальше есть тропинка, по которой вы пройдете к станции.

— Тропинка, — проворчал незнакомец. — Я уже по ним находился. Пошел по дороге в Кэт-ли, чтобы добраться до станции, а потом какой-то осел подсказал мне короткий путь, и в результате я уже полчаса плутаю в темноте. К тому же я плохо вижу.

— А вы на какой поезд?

— Семь пятьдесят восемь.

— Мне тоже на него, но я собираюсь выходить только через час. До станции всего три четверти мили. Если хотите, можете зайти, тогда мы отправимся вместе, и вы уж точно не заблудитесь.

— Вы очень любезны, — поблагодарил незнакомец, взглянув через очки на темный дом. — Но... я думаю...

— Уж лучше здесь ждать, чем на станции, — радушно заявил Сайлас, широко распахивая калитку.

Чуть поколебавшись, незнакомец вошел и, отбросив сигарету, последовал за хозяином к дому.

В гостиной было темно, и лишь у стены чуть светился догорающий камин. Сайлас поднес спичку к газовой лампе, свисавшей с потолка. Заплясавшее пламя осветило комнату, и мужчины с любопытством оглядели друг друга.

«Бродский, ей-богу, он! — пронеслось в голове у Хиклера. — Не узнал меня, да и немудре-

но — после стольких-то лет, да и подслеповат старик».

— Присаживайтесь, сэр, — произнес он. — Может, подкрепимся, чтобы скоротать время?

Пробормотав что-то в знак согласия, Бродский положил на стул серую фетровую шляпу, поставил саквояж на край стола и, прислонив к нему зонт, опустился в небольшое кресло.

— Как насчет печенья? — предложил Хиклер, ставя на стол бутылку виски, сифон и свои лучшие хрустальные стаканы.

— Благодарю вас, не откажусь. Учитывая предстоящую поездку и после всех этих блужданий...

— Да, — согласился Сайлас. — Не дело пускаться в дорогу на голодный желудок. Вы не возражаете против овсяного печенья? Ничего другого у меня нет.

Бродский поспешил уверить, что очень любит овсяное печенье, и в подтверждение своих слов стал с аппетитом его поглощать, предварительно плеснув себе изрядную порцию виски. Ел он сосредоточенно и с увлечением, размеренно пережевывая каждую порцию, что никак не способствовало взаимной беседе, так что говорить пришлось в основном Сайласу, который первый раз в жизни почувствовал себя неуверенно. Было бы вполне естественным побеседовать о предстоящей поездке и ее целях, но именно этого Хиклер старался избежать. Он прекрасно знал, куда и зачем едет его гость, а интуиция подсказывала, что эту осведомленность лучше не показывать.

Бродский, известный торговец бриллиантами, вел свой бизнес с размахом. Скупал необработанные алмазы и считался в этой области большим знатоком. Особую слабость питал к камням необычной формы и размеров. Собрав очередную партию, сам отвозил ее в Амстердам и контролировал огранку. Будучи в курсе его дел, Хиклер ни минуты не сомневался, что Бродский едет в очередной вояж и в его потрепанной одежде спрятан бумажный пакетик с алмазами, стоивший несколько тысяч фунтов.

Бродский продолжал монотонно жевать, не вступая в беседу. Хиклер, сидевший напротив, говорил с нервной оживленностью, не спуская с гостя приветливого взгляда. Ведь он сам специализировался на драгоценных камнях, прежде всего на бриллиантах. Столового серебра избегал — оно было слишком громоздким, к золоту, за исключением монет, прикасался редко, главным предметом его промысла являлись камни, которые без труда умещались в каблуке ботинка и могли быть реализованы без особых проблем. И вот теперь перед ним сидел человек, спрятавший в кармане пакетик, стоимость которого была не меньше дюжины его собственных уловов. Сколько же за него можно выручить? Хиклер взял себя в руки и быстро, хотя и несколько отвлеченно, заговорил. В голове у него бурлил поток мыслей, никак не связанных с его словесными рассуждениями.

— По вечерам стало холодать, — заметил он.

— Да, — кивнул Бродский и продолжил медленно двигать челюстями, громко дыша через нос.

«Тысяч пять по меньшей мере, — размышлял Хиклер. — А может, и все десять».

Он заерзал на стуле и попытался сосредоточиться на чем-то другом. Его рассудок повел себя довольно странно, и он с неудовольствием отметил это новое для себя состояние.

— Вы не интересуетесь садоводством? — спросил Сайлас.

Помимо бриллиантов и собственных доходов он имел еще одну слабость — фуксии.

Бродский издал слабый смешок.

— Разве что бываю на Хаттон-Гарден*... — Чуть запнувшись, добавил: — Я ведь живу в Лондоне.

От Сайласа не укрылась эта короткая заминка, и он с легкостью объяснил ее. Человек, везущий с собой целое состояние не совсем легального свойства, должен быть осторожен в высказываниях.

— Да, подобное занятие не для лондонца, — рассеянно обронил он, занявшись мысленными подсчетами.

Предположим, камни потянут на пять тысяч фунтов. Какой недельный доход они могут обеспечить? Его последние объекты принесли ему по двести пятьдесят фунтов каждый, и эти средст-

* Квартал, где сосредоточены лондонские ювелирные магазины. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ва позволяли получать по десять шиллингов и шесть пенсов недельного дохода. При таком проценте пять тысяч фунтов равнозначны двадцати объектам с таким же недельным доходом, значит, десять фунтов в неделю — один фунт десять шиллингов в день — пятьсот двадцать фунтов в год — в общем, хватит на обеспеченную жизнь. А если сложить с тем, что он уже имеет, получается и вовсе солидный капиталец. С таким доходом он может кинуть свои инструменты в реку и всю оставшуюся жизнь прожить в комфорте, ничем при этом не рискуя.

Хиклер с беспокойством посмотрел на гостя и быстро отвел взгляд: в нем шевельнулось чувство, которое он безошибочно угадал. Нет, это надо пресечь в зародыше. Совершать насилие он всегда считал неблагоприятным. Был, конечно, один случай с полицейским в Вейбридже, но непредвиденный и неизбежный, и тот констебль сам напросился. Да, еще камердинер в Эпсومه, но этот старый идиот зачем-то завопил что есть мочи, и все произошло спонтанно, конечно, он очень жалеет о случившемся прискорбном происшествии. Но намеренное убийство с целью ограбления? На такое способен лишь сумасшедший.

Однако если уж решаться на безумный шаг, то более подходящего случая не придумаешь. Жирный кусок наживы, пустой дом вдали от проезжей дороги и соседей, позднее время, темнота — но ведь придется избавляться от тела. Спря-

тать труп — всегда проблема. Со стороны пустоши раздался гудок лондонского экспресса, и мысли Хиклера потекли в другом направлении. Подчиняясь им, он пристально посмотрел на Бродского, с отсутствующим видом потягивающего виски. С трудом отведя глаза, Хиклер резко вскочил со стула и, покосившись на каминные часы, вытянул руки над догорающим огнем камина. Ему вдруг захотелось поскорее покинуть дом. Почувствовав легкую дрожь, хотя ему было жарко, Хиклер посмотрел на дверь.

— Сквозит, — заявил он, вздрогнув. — Наверное, дверь плохо закрыта.

Пройдя через комнату, Хиклер широко распахнул дверь и выглянул в темный сад. Ему вдруг захотелось оказаться поскорее на дороге и прогнать безумные мысли, упорно донимавшие его сознание.

— Наверное, нам пора, — произнес он, тоскиво посмотрев в темное беззвездное небо.

Приподнявшись со стула, Бродский обвел глазами комнату.

— Ваши часы идут точно?

Сайлас кивнул.

— Сколько нам идти до станции?

— Минут двадцать пять — тридцать, — ответил Сайлас, невольно увеличив расстояние.

— Ну, так у нас в запасе более часа. Лучше посидим здесь. Не вижу смысла выходить раньше времени.

— Вы правы.

Сайлас немного постоял на пороге, зачарованно глядя в темноту. Потом осторожно закрыл дверь и повернул ключ в замке. Опустившись в кресло, он попытался продолжить беседу с безучастным Бродским, но слова застревали в горле. Его бросало в жар, мозг судорожно работал, в ушах тихо звенело. Он стал рассматривать своего гостя с каким-то новым, зловещим интересом, усилием воли отводил глаза, но затем снова бросал устрашающий взгляд на ушедшего в себя мужчину. В его голове мрачной чередой мелькали догадки, как бы воспользовался обстоятельствами настоящий преступник — кровавый и безжалостный, — и он невольно ставил себя на его место. Из разрозненных фрагментов складывалась картина воображаемого убийства с четко разработанной последовательностью действий.

Хиклер тяжело поднялся со стула. Сидеть напротив человека со столь драгоценным грузом было просто невыносимо. Порыв, столь удививший и напугавший его, все больше выходил из-под контроля. Оставшись в комнате, он уже не сможет побороть его, и тогда... Сайлас весь сжался от ужасной мысли, но руки у него так и чесались завладеть бриллиантами. Ведь, невзирая на свою умеренность в наживе, он оставался преступником по натуре. Хищником. Его добыча всегда была краденой или взятой силой. И любые неохраняемые ценности пробуждали в нем хищнические инстинкты и страсть непременно завладеть ими. Нежелание упустить бриллианты захва-

тило его целиком и лишило способности сопротивляться. Однако Хиклер предпринял еще одну попытку предотвратить неизбежное. Он решил не общаться с Бродским до выхода из дома.

— Прошу меня извинить, но я хочу обуть другие ботинки. Погода может измениться, а в промокшей обуви путешествовать не слишком комфортно.

— Да, и к тому же опасно для здоровья, — заметил Бродский.

Сайлас прошел в кухню, где стояли его прогулочные ботинки на толстой подошве, тщательно отмытые и начищенные до блеска. Он не собирался переобуваться для поездки, поскольку бриллианты спрятаны в каблуках ботинок, которые были сейчас на нем. Но он все-таки сменит ботинки, а потом передумает — это поможет как-то скоротать время. Сайлас глубоко вздохнул. Покинув гостиную, он почувствовал облегчение. Возможно, если он посидит в кухне, искушение исчезнет. Бродский отправится на станцию, возможность будет упущена, опасность минует... но вот бриллианты...

Медленно расшнуровав ботинки, Хиклер поднял голову. Бродский сидел за столом спиной к кухонной двери. Он перестал жевать и сосредоточенно свертывал папиросу. Сайлас тяжело задышал и, скинув ботинок, сидел неподвижно, упершись взглядом в спину Бродского. Он расшнуровал второй ботинок, стянул его с ноги и положил на пол.

Скрутив папиросу, Бродский зализал бумагу, убрал кисет и, смахнув с колен крошки табака, стал шарить по карманам в поисках спичек. Внезапно Сайлас поднялся со стула и медленно двинулся по коридору в гостиную. Он крался, как кот, беззвучно дыша через полураскрытый рот, пока не оказался на пороге комнаты. Лицо покраснелось, широко раскрытые глаза ярко блестели в свете лампы, в ушах стучала кровь.

Бродский чиркнул спичкой, прикурил и, задув спичку, бросил ее в камин. Опустив коробок в карман, стал с наслаждением курить. Сайлас медленно и бесшумно вошел в гостиную и по-кошачьи подобрался к стулу, на котором сидел Бродский, причем так близко, что ему пришлось отвернуться, чтобы тот не уловил его дыхания. Полминуты Хиклер стоял неподвижно, словно символическая фигура смерти, устремившая ужасный взгляд в макушку ничего не подозревавшего торговца бриллиантами. Сайлас быстро и беззвучно дышал, а его пальцы медленно двигались, словно щупальцы гигантской гидры. Потом так же бесшумно он попятился к двери и, развернувшись, удалился на кухню.

Там он перевел дух. Цель оказалась близка. Жизнь Бродского висела на волоске. Все оказалось очень просто. Если бы в руках у него было что-то тяжелое, например молоток или камень... Неожиданно Хиклер заметил металлический стержень, оставленный рабочими, строившими новую теплицу. Это был обрезок чугунной стойки дли-

ной около фута и толщиной три четверти дюйма. Если бы минуту назад у него в руках оказалась эта штукавина...

Он поднял обрезок, взвесил его в руке и поднес к голове. Серьезное орудие и к тому же бесшумное. Вполне годится для его замысла. Нет, лучше положить его на место.

Но Сайлас этого не сделал. Подойдя к двери, он снова посмотрел на Бродского. Тот по-прежнему сидел к нему спиной, периодически выпускающая дым.

Вдруг в Хиклере произошла разительная перемена. Его лицо побагровело, приобрело свирепое выражение, вены на шее вздулись. Вынув часы, он посмотрел на время и быстро убрал их в карман. После чего бесшумными шагами двинулся в гостиную.

Остановившись за стулом, на котором сидела жертва, он занес руку с обрезком над ее головой. Услышав легкий шорох, Бродский оглянулся как раз в тот момент, когда металлический стержень со свистом рассекал воздух. Цель сместилась, и убийца промахнулся, лишь слегка задев голову жертвы. Слабо вскрикнув, Бродский вскочил со стула и схватил нападавшего за руку. Животный страх, казалось, придавал ему силы. Началась отчаянная борьба — мужчины, сцепившиеся в смертельной схватке, неуклюже топтались на полу, раскачиваясь и напирая друг на друга. Стул перевернулся, пустой стакан слетел на пол и вместе с очками Бродского был раздавлен но-

гами дерущихся. Бродский снова закричал — громко, жалобно и пронзительно, чем поверг Сайласа в немалый испуг: а вдруг его услышит какой-нибудь случайный прохожий. Собрав все силы, он опрокинул свою жертву на стол и, схватив угол скатерти, запихнул его Бродскому в рот, открытый для очередного вопля. Целых две минуты оба оставались неподвижными, напоминая зловещую аллегорическую скульптуру. Когда подергивания жертвы прекратились, Сайлас ослабил хватку, и бездыханное тело съехало на пол.

Все было кончено. Так или иначе, но дело было сделано. Сайлас выпрямился, тяжело дыша и вытирая пот со лба. Взглянув на часы, он увидел, что они показывают без одной минуты семь. Значит, все это заняло не больше трех минут. У него оставался час, чтобы замести следы. В семь двадцать должен был пройти товарный поезд, а до железной дороги было не больше трехсот ярдов. И все же не стоило терять время. Хиклер снова обрел самообладание и был озабочен лишь тем, что кто-то мог услышать крики Бродского. Остальное не составляло труда.

Он наклонился и, осторожно вытащив ткань из плотно сжатых зубов Бродского, стал тщательно обыскивать его карманы. Вскоре он нашел то, что искал, и, вытащив бумажный пакетик, внутри которого перекатывались твердые крупы, искренне поздравил себя, ничуть не сожалея о содеянном.

Потом Хиклер деловито приступил к уборке, не забывая поглядывать на часы. Несколько капель крови упало на скатерть, на ковре под головой убитого тоже темнело кровавое пятно. Сайлас принес из кухни воду, щеточку для ногтей, сухую тряпку и стал затирать пятна на скатерти, не забыв при этом и о крышке стола. Смыв пятно с ковра, он подложил под голову убитого лист бумаги, чтобы больше не испачкать ворс. Разгладив скатерть, поднял стул, положил раздавленные очки на стол, потом поднял с пола растоптанную сигарету и швырнул ее под каминную решетку. Осколки стекла от разбившегося стакана и очков Бродского он тщательно смел в совок, затем высыпал их на лист бумаги и тщательно рассортировал. Вынув стекло от очков, Сайлас положил его на отдельный лист бумаги, а все остальное свалил обратно в совок и, торопливо надев ботинки, отнес его в мусорную кучу за домом.

Пора было идти на станцию. Торопливо отрезав кусок шпагата от мотка, Сайлас, связав сакво-ж и зонтик, повесил их на плечо убитого. Потом завернул осколки очков в бумагу и засунул вместе с оправой в карман. Подняв тело, Сайлас перекинул его через плечо — Бродский был маленьким и щуплым и вряд ли весил больше девяти стоунов. Вполне посильная ноша для крупного, атлетически сложенного мужчины, каким был Хиклер.

Снаружи была кромешная темнота. Выглянув из задней калитки на пустырь, отделявший его дом от железной дороги, Сайлас убедился, что

дальше двадцати футов ничего не разглядишь. Прислушавшись и не услышав ни звука, он вышел, тихо закрыл за собой калитку и быстро устремился к железной дороге. К сожалению, его передвижение было не столь бесшумным, как он рассчитывал.

Торфяная земля заглушала его шаги, однако покачивающиеся саквояж и зонт стучали друг о друга и затрудняли передвижение.

До путей было всего триста ярдов. Обычно Сайлас добирался до них за три-четыре минуты, но сейчас мешала его ноша и частые остановки, чтобы прислушаться. До ограды, отделявшей пути от пустыря, он добрался за шесть минут. Там остановился и вновь прислушался, настороженно вглядываясь в темноту. Но вокруг не было ни души. Раздавшийся вдали свист паровоза заставил его поторопиться. Перевалив труп через ограду, дотащил его до ближайшего крутого поворота.

Там он положил тело ничком, так чтобы шея оказалась на ближнем рельсе. Вынув складной нож, Сайлас перерезал узел на шпагате и освободил саквояж и зонт. Бросив их на полотно рядом с телом, он аккуратно спрятал шпагат в карман, не заметив, что небольшой обрывок от узла упал на землю.

Паровоз пыхтел и громыхал уже совсем близко. Сайлас быстро достал из кармана оправу от очков и пакетик с осколками. Очки он бросил рядом с головой убитого, а осколки, предвари-

тельно высыпанные на ладонь, разбросал вокруг оправы. Он успел как раз вовремя. Шум поезда становился все ближе. Сайласа так и подмывало остаться и посмотреть на финал, который превратит убийство в несчастный случай или самоубийство. Но это было небезопасно. Лучше убраться подальше, пока его кто-нибудь не увидел. Он торопливо перелез через ограду и поспешил через пустырь к своему дому.

Хиклер был уже у калитки, когда шум, донесшийся с путей, заставил его застыть. Он услышал длинный свисток, визг тормозов и грохот сталкивающихся вагонов. Стук колес сменился свистом вырывающегося из трубы пара.

Поезд остановился!

На секунду Сайлас замер, у него перехватило дыхание и отвисла нижняя челюсть. Но потом он быстро подбежал к калитке и, проскользнув внутрь, тихо опустил щеколду. Он был не на шутку озабочен. Что там могло произойти? Ясно, что машинист увидел тело. Но что там делается сейчас? А вдруг к нему придут? Сайлас вошел в кухню и прислушался — в любую минуту могли постучать в дверь, — потом вернулся в гостиную и осмотрелся по сторонам. Там царил полный порядок, но на полу лежал железный обрезок, который он бросил во время драки. Сайлас поднял его и поднес к лампе. Крови на нем не было, только прилипла пара волосков. Рассеянно вытерев обрезок о скатерть, Сайлас отнес его на задний двор и бросил через забор в крапиву. Ничего крими-

нального в этой железяке не было, просто она вызывала у него зловещие воспоминания. Пора было идти на станцию. Рановато, конечно, ведь еще только двадцать пять минут восьмого, но Хиклер не хотел, чтобы его застали дома. Шляпа и саквояж с пристегнутым зонтом лежали на диване. Хиклер надел шляпу, подхватил саквояж и направился к двери, но быстро вернулся, чтобы загасить лампу. Когда он поднял руку, чтобы прикрутить горелку, взгляд его случайно упал на стул, где лежала серая фетровая шляпа Бродского. Сайлас похолодел, на лбу выступил холодный пот. Еще одно мгновение, и он бы, загасив лампу, ушел... Рванувшись к стулу, он схватил шляпу и заглянул внутрь. На подкладке была четкая надпись: «Оскар Бродский». Одной этой шляпы достаточно, чтобы отправить его на виселицу. А что, если с обыском нагрянут сейчас?

При одной этой мысли у Хиклера подкосились ноги, но, несмотря на панику, он действовал хладнокровно. Сбежав на кухню, принес щепки для растопки и бросил их в камин на еще горячие угли, прикрыв скомканным листком из-под головы Бродского. На бумаге он заметил крошечное пятнышко крови, которое укрылось от его взора раньше. Взяв кочергу, Хиклер затолкал листок под щепки и, чиркнув восковой спичкой, поджег их. Когда пламя разгорелось, он искромсал шляпу складным ножом и стал бросать клочки в огонь.

Сердце у него колотилось, руки тряслись от страха разоблачения. Куски шляпы горели

неохотно, спекаясь в обугленную массу, которая тлела, сильно дымясь. К тому же они источали тошнотворный запах, так что Сайласу пришлось открыть кухонное окно (входную дверь он отворять побоялся). Подбрасывая клочки в огонь, он продолжал тревожно ловить каждый звук, страшась услышать роковой стук в дверь.

Время подгоняло. Уже без двадцати одной минуты восемь! Через пару минут пора выходить, иначе он опоздает на поезд. Хиклер бросил в огонь поля шляпы и побежал наверх, чтобы открыть там окно — кухонное придется перед уходом закрыть. Когда он вернулся, поля уже съжились, превратившись в черную бесформенную массу, которая пузырилась и шипела, испуская едкий жирный дым. Без девятнадцати минут восемь! Больше медлить нельзя. Хиклер взял кочергу, тщательно разделил что осталось от шляпы и смешал с тлеющими углями. Теперь решетка выглядела как обычно. Сайлас постоянно сжигал в камине письма и другой мусор, так что его экономка вряд ли что-нибудь заподозрит. Тем более что угли успеют превратиться в золу еще до ее прихода, а металлической фурнитуры на шляпе не было.

Хиклер взял саквояж, еще раз осмотрел гостиную, загасил лампу и, открыв дверь, чуть задержался на пороге. Потом запер замок, опустил в карман ключ (у экономки был свой) и поспешил на станцию.

Он успел как раз вовремя и, купив билет, вышел на перрон. Поезд еще не подошел, но на пер-

роне было необычно оживленно. Пассажиры, сбившиеся на конце платформы, смотрели на пути, и когда Хиклер с боязливым и мучительным любопытством подошел к ним, из темноты появились двое мужчин с носилками, покрытыми брезентом. Пассажиры расступились, чтобы дать им пройти, бросая любопытные взгляды на скрытое под грубым покровом тело, а когда его внесли в павильон, сосредоточили все свое внимание на носильщике, который следовал чуть поодаль с саквояжем и зонтом в руках.

Внезапно один из пассажиров бросился к нему с криком:

— Это его зонт?

— Да, сэр, — подтвердил носильщик, останавливаясь и протягивая тому зонтик для осмотра.

— О боже! — воскликнул пассажир и резко повернулся к стоящему рядом высокому мужчине. — Могу поклясться, что это зонт Бродского. Вы помните его?

Высокий джентльмен кивнул, и пассажир снова обратился к носильщику:

— Я узнаю этот зонт. Он принадлежит джентльмену по фамилии Бродский. Если вы заглянете внутрь его шляпы, то увидите это имя. Он всегда помечал свои шляпы.

— Шляпу пока не нашли, — сообщил носильщик. — Но вот идет начальник станции, он как раз оттуда.

Подождав, пока его начальник подойдет, носильщик доложил:

— Вот этот джентльмен, сэр, узнал зонт.

— Так вы узнали его, сэр? Может быть, пройдете в павильон и опознаете тело? — предложил начальник станции.

— А оно очень изуродовано? — срывающимся голосом спросил пассажир.

— Изрядно. По нему проехал паровоз и шесть вагонов, пока они сумели остановить поезд. Голову снесло начисто.

— Ужас! Ужас! — У пассажира перехватило дыхание. — Если не возражаете, я лучше воздержусь. Вряд ли это так уж необходимо, как вы думаете, доктор?

— Крайне необходимо, — возразил высокий джентльмен. — Раннее опознание очень важно.

— Ну, раз так нужно...

Пассажир неохотно последовал за начальником станции, и в тот же момент раздался звон колокола, возвещающий о прибытии поезда. Сайлас вместе с другими отъезжающими подошел к краю платформы. Через несколько секунд бледный перепуганный пассажир выскочил из павильона и бросился к своему высокому приятелю.

— Это он! — задыхаясь, воскликнул он. — Старина Бродский! Бедняга. Вот кошмар! Мы должны были здесь встретиться, чтобы вместе ехать в Амстердам.

— А он что-нибудь вез с собой? — спросил высокий, и Сайлас насторожился.

— Да, какие-то камни у него были, но я не знаю сколько. Его секретарь наверняка в курсе. Кстати, доктор, не сможете ли взять шефство над этим делом? Чтобы знать наверняка, это несчаст-

ный случай или... ну, все может быть. Мы с ним старые друзья и земляки — оба из Варшавы. Мне бы хотелось, чтобы вы немного поучаствовали в расследовании.

— Согласен. Я постараюсь убедиться, что все именно так, как кажется на первый взгляд, а потом представлю отчет. Вас это устроит?

— Да. Вы очень великодушны, доктор. А вот и поезд. Надеюсь, я не слишком расстроил ваши планы?

— Ничуть. В Уормингтоне нас ждут не раньше полудня, и я надеюсь, что до этого мы успеем кое в чем разобраться.

Сайлас пристально посмотрел на высокого джентльмена, который собирался сыграть с ним шахматную партию ценою в жизнь. Умное лицо, пронизательный взгляд, хладнокровный и решительный вид. Да, это грозный противник. Войдя в вагон, Сайлас с неудовольствием подумал о шляпе Бродского, втайне надеясь, что других промахов он не совершил.

Глава 2

МЕХАНИЗМ РАССЛЕДОВАНИЯ

*(в изложении Кристофера Джервиса,
доктора медицины)*

Необычные обстоятельства, сопровождавшие смерть мистера Оскара Бродского, известного торговца бриллиантами из Хаттон-Гардена, убеди-

тельно продемонстрировали исключительную важность метода Торндайка, который, по его глубочайшему убеждению, еще не в должной мере оценен. Я оставляю за своим другом и учителем право изложить научный метод, когда он сам сочтет это нужным, и лишь позволю себе восстановить ход событий, поскольку это дело является в высшей степени поучительным.

Уже темнело, когда октябрьским вечером мы с Торндайком, единственные пассажиры в купе для курящих, подъезжали к маленькой станции Ладхэм. Когда поезд замедлил ход, мы увидели в окно людей, толпящихся на платформе, и Торндайк вдруг удивленно воскликнул:

— Да это Боскович!

В тот же момент в наше купе влетел экспансивный маленький человек.

— Надеюсь, я не побеспокою столь ученое собрание, — произнес он и, пожав нам руки, энергично забросил на полку свой кожаный саквояж. — Я увидел вас в окно и, естественно, не упустил случая провести время в такой приятной компании.

— Вы нам льстите, — отвечал Торндайк. — Причем настолько искусно, что нам нечего возразить. Но скажите, ради всего святого, что вы забыли в этом Ладхэме?

— У моего брата домик в миле отсюда, и я погостил у него пару дней, — объяснил мистер Боскович. — В Бедхэме пересяду на паромный поезд до Амстердама. А вы куда путь держите?

Я вижу на полке ваш загадочный зеленый ящичек, стало быть, опять на тропе войны? Едете раскрывать мрачное и запутанное преступление?

— Нет, мы едем в Уормингтон по весьма прозаическому делу. Я осуществляю надзор над следствием по поручению страховой компании «Гриффин».

— А волшебная шкатулка зачем? — не отставал Боскович.

— Я не выхожу без нее из дома. Никогда не знаешь, что может случиться, поэтому лучше иметь под рукой все необходимое, несмотря на неудобства, связанные с транспортировкой.

Боскович продолжал смотреть на маленький квадратный ящичек, обтянутый холстом. Наконец он произнес:

— Помните загадочное убийство банкира в Челмсфорде? Вы еще тогда поразили полицейских своими методами расследования. С тех пор я все ломаю голову, что там у вас в этой шкатулке?

Добродушно улыбнувшись, Торндайк снял ящик с полки и откинул крышку. По правде говоря, он весьма гордился своей «передвижной лабораторией», которая, несмотря на скромный размер — не больше фута в ширину и четыре дюйма в высоту, — содержала все необходимое для следственных действий.

— Здорово! — воскликнул Боскович, когда увидел набор пузырьков с реактивами, маленькие пробирки, спиртовочку, миниатюрный микроскоп и набор инструментов таких же небольших

размеров. — Похоже на кукольный домик — словно смотришь с обратной стороны бинокля. Но эти крохотные предметы действительно работают? Микроскоп, например...

— Он дает хорошее среднее увеличение. На вид игрушка, но на самом деле настоящий прибор с самыми лучшими линзами. Конечно, микроскоп обычного размера был бы удобнее, но ведь его с собой не возьмешь. Тогда пришлось бы обходиться увеличительным стеклом. Со всем остальным то же самое — уж лучше мельче, чем совсем ничего.

Боскович сосредоточенно изучал содержимое ящичка, осторожно трогая инструменты и засыпая Торндайка вопросами об их назначении. Когда через полчаса поезд, подъезжая к станции, замедлил ход, его любопытство было удовлетворено лишь наполовину.

— Господи, да мы уже приехали! — воскликнул он, хватая свой саквояж. — Вы тоже делаете здесь пересадку?

— Да, мы едем в Уормингтон.

Выйдя на перрон, мы поняли, что там происходит что-то необычное. Пассажиры и носильщики сгрудились в конце платформы, вглядываясь в темноту.

— Что-то случилось? — обратился Боскович к контролеру.

— Да, сэр, — ответил тот. — В миле отсюда под товарный поезд попал человек. За ним пошли с носилками. Видите вон там фонарь? Это возвращается начальник станции.

Пока мы смотрели на мелькающий в темноте огонек, от кассы отошел мужчина, сразу присоединившийся к толпе зевак. Мое внимание привлекли два обстоятельства: во-первых, его круглое полное лицо было необычно бледным и на нем застыло какое-то исступленное выражение, и, во-вторых, он с напряженным вниманием вглядывался в темноту, не задавая при этом никаких вопросов.

Раскачивающийся фонарь продолжал приближаться, из темноты появились двое мужчин с носилками, покрытыми брезентом, под которым угадывались очертания человеческого тела. Поднявшись на платформу, они внесли носилки в павильон, и внимание пассажиров переключилось на носильщика, несшего саквояж и зонт, и начальника станции, замыкавшего процессию с фонарем в руке.

Когда носильщик проходил мимо, Боскович подскочил к нему с вопросом:

— Это его зонт?

— Да, сэр, — подтвердил носильщик, останавливаясь и протягивая ему зонт.

— О боже! — ахнул Боскович и резко повернулся к Торндайку: — Могу поклясться, это зонт Бродского. Вы его помните?

Торндайк кивнул, и Боскович снова обратился к носильщику:

— Я узнаю этот зонт. Он принадлежит джентльмену по фамилии Бродский. Если вы заглянете внутрь его шляпы, то увидите это имя. Он всегда помечал свои шляпы.

— Его шляпу пока не нашли, — сообщил носильщик. — Но вот идет начальник станции, он как раз оттуда.

Повернувшись к подошедшему начальнику, носильщик доложил:

— Вот этот джентльмен, сэр, узнал зонт.

— Так вы узнали его, сэр? Тогда, может быть, пройдете в павильон и опознаете тело? — предложил начальник станции.

Боскович испуганно отпрянул.

— А оно... а он... очень изуродован? — нервно спросил он.

— Изрядно. Видите ли, по нему проехал паровоз и шесть вагонов, пока они сумели остановить поезд. Голову снесло начисто.

— Ужас! Ужас! — поперхнулся Боскович. — Если не возражаете, я лучше воздержусь. Вряд ли это необходимо, как вы думаете, доктор?

— Крайне необходимо, — возразил Торндайк. — Раннее опознание очень важно.

— Ну, раз так нужно... — пробормотал Боскович и неохотно последовал за начальником станции; в тот же момент раздался звон колокола, возвещающий о прибытии паромного поезда, опоздание было небольшим. Через несколько секунд бледный испуганный Боскович выскочил из павильона и бросился к Торндайку.

— Это он! — задыхаясь, воскликнул он. — Старина Бродский! Бедняга. Вот кошмар! Мы должны были здесь встретиться, чтобы вместе ехать в Амстердам.

— А он что-нибудь вез с собой? — спросил Торндайк, и мужчина, который привлек мое внимание, придвинулся к нам поближе, словно хотел расслышать ответ.

— Да, какие-то камни у него были, но я не знаю сколько, — ответил Боскович. — Его секретарь наверняка в курсе. Кстати, доктор, вы сможете взять шефство над этим делом? Чтобы знать наверняка, это несчастный случай или... ну, вы понимаете. Мы с ним старые друзья и земляки — оба из Варшавы. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже поучаствовали в расследовании.

— Хорошо, — согласился Торндайк. — Я постараюсь убедиться, что все именно так, как кажется на первый взгляд, а потом представлю отчет. Вас это устроит?

— Да, доктор. Это очень великодушно. А вот и поезд. Надеюсь, я не слишком расстроил ваши планы?

— Ничуть. В Уормингтоне нас ждут не раньше полудня, и я надеюсь, что мы успеем во всем разобратся и не опоздать на встречу.

Когда поезд отошел, Торндайк нашел начальника станции и сообщил ему о просьбе Босковича.

— Но, разумеется, мы сначала дождемся полиции. Им уже сообщили?

— Да, я сразу же послал за инспектором, и он должен появиться с минуты на минуту. Пойду его встречу.

Начальник станции явно хотел переговорить с полицейским наедине, прежде чем делать какое-то официальное заявление.

Когда он ушел, мы с Торндайком стали прогуливаться по опустевшей платформе, и мой друг, по своему обыкновению, стал раскладывать все по полочкам.

— В подобном происшествии надо прежде всего определить, с чем мы имеем дело — с несчастным случаем, самоубийством или убийством, причем наше решение должно базироваться на заключениях, выведенных на основе анализа следующих сведений: фактических обстоятельств дела, результатов осмотра тела и данных с места происшествия. В настоящий момент мы знаем только то, что погибший был торговцем бриллиантами, совершавшим поездку особого свойства и предположительно имевшим при себе небольшой, но ценный груз. Эти факты говорят не в пользу самоубийства и скорее свидетельствуют об убийстве. К версии несчастного случая нас могут склонить такие данные, как наличие переезда, дороги или тропы, ведущей к путям, ограждения с проходом или без него или любые другие обстоятельства, объясняющие нахождение погибшего в том месте, где было найдено его тело. Поскольку такими сведениями пока не располагаем, нам следует восполнить этот пробел.

— Почему бы вам не расспросить носильщика, принесшего саквояж и зонт? — предложил я. — Сейчас он общается с контролером и будет рад лишнему слушателю.

— Отличное предложение, Джервис. Посмотрим, что он нам расскажет.

Мы подошли к носильщику, который, как я и предполагал, стремился поделиться подробностями трагического происшествия.

— Дело вот как обстоит, — начал он отвечать на вопрос Торндайка. — В том месте железнодорожное полотно круто заворачивает, и товарняк как раз шел по дуге, когда машинист увидел, что впереди на рельсах что-то лежит. Паровозный фонарь осветил рельсы, и стало ясно, что там человек. Машинист сбросил пар, дернул свисток и дал по тормозам, но, ведь сами знаете, сэр, поезд не сразу останавливается, так что по бедняге проехал паровоз и полдюжины вагонов.

— А машинист видел, как именно лежал человек?

— Да, под фонарем все было видно как на ладони. Он лежал ничком, так что его шея находилась на рельсе. Голова была на полотне, а тело снаружи на откосе. Похоже, он сам лег на рельсы.

— Там поблизости есть переезд?

— Нет, сэр. Ни переездов, ни дорог, ни тропинок — там вообще ничего нет, — с жаром произнес носильщик. — Он, должно быть, прошел по пустырю, перелез через ограду и лег на рельсы. Похоже, хотел распрощаться с жизнью.

— А как об этом узнали на станции?

— Машинист и его помощник, когда стащили тело с рельсов, побежали к ближайшей сигнальной будке и отправили телеграмму. Мне об этом начальник станции сказал, когда мы с ним шли по путям.

Торндайк поблагодарил носильщика, и мы пошли к стационарному павильону, на ходу обсуждая полученные сведения.

— Наш друг, несомненно, прав в одном, — заметил Торндайк. — Это не несчастный случай. Человек, если он близорукий, глухой или просто глупец, может перелезть через ограду и попасть под поезд. Учитывая положение тела на рельсах, можно предположить две гипотезы: либо это самоубийство, как считает наш носильщик, либо человек был уже мертв или без сознания. Выводы будем делать, когда увидим тело, если, конечно, нас к нему допустит полиция. Вот как раз идут начальник станции и полицейский. Послушаем, что они скажут.

Но эти два официальных лица решили не принимать посторонней помощи. Тело осмотрит полицейский врач, и все сведения будут сообщены по обычным каналам. Однако карточка, предъявленная Торндайком, несколько изменила ситуацию. Неуверенно помяв ее в руках и скептически хмыкнув, инспектор тем не менее разрешил нам осмотреть тело, и мы вошли в павильон вслед за начальником станции, который зажег там газовую лампу.

Носилки стояли на полу у стены, их скорбный груз был по-прежнему накрыт брезентом. Рядом на большом ящике лежали саквояж, зонт и раздавленная оправа без стекол.

— Очки были найдены рядом с телом? — поинтересовался Торндайк.

— Да, рядом с головой, а стекло рассыпалось по всему полотну.

Торндайк что-то пометил в записной книжке и, когда инспектор откинул брезент, сосредоточил свое внимание на изувеченном трупe с отрезанной головой. Склонившись над этим жутким объектом, хорошо видимым при свете большого фонаря, который держал инспектор, он с минуту молча изучал его, потом выпрямился и тихо произнес:

— Думаю, две из трех гипотез мы можем отбросить.

Инспектор, быстро взглянув на него, хотел что-то спросить, но тут его внимание переключилось на чемоданчик, из которого Торндайк вынул пару небольших пинцетов.

— Мы не имеем права проводить вскрытие, — запротестовал он.

— Разумеется, нет. Я просто хочу заглянуть к нему в рот.

Оттянув пинцетом губу, Торндайк осмотрел ее внутреннюю сторону и стал скрупулезно изучать зубы.

— Вы не дадите мне свою лупу, Джервис? — обратился он ко мне, и я вручил ему свое складное увеличительное стекло.

Направив фонарь на мертвое лицо, инспектор с интересом склонился над трупом. Торндайк со своей обычной дотошностью медленно провел лупой вдоль неровных зубов и потом внимательно осмотрел верхние резцы. После чего осторожно вынул пинцетом крошечный предмет, застрявший

между верхними передними зубами, и поместил его под лупу. Опережая его просьбу, я извлек из чемоданчика предметное стекло и препаровальную иглу. Когда Торндайк поместил предмет на стекло и расправил его иглой, я поставил на ящик его микроскоп.

— Каплю глицерина и покрывное стекло, пожалуйста, — попросил Торндайк.

Я подал ему пузырек. Торндайк капнул на предмет, опустил покрывное стекло и, поместив препарат под микроскоп, стал внимательно его рассматривать.

Взглянув на инспектора, я заметил на его лице слабую усмешку, которую он, поймав мой взгляд, вежливо попытался скрыть.

— Мне кажется, сэр, мы несколько уклонились в сторону, — извиняющимся тоном произнес он. — Нам не так важно знать о его ужине. Он ведь умер не от отравления.

Торндайк с улыбкой поднял на него глаза:

— В таких случаях для следствия нет ничего несущественного. Любой факт может иметь значение.

— Не понимаю, какое значение может иметь диета для человека, которому отрезало голову, — упрямо возразил инспектор.

— В самом деле? Разве нам не интересно знать, что ел человек, умерший насильственной смертью? Вот, например, эти крошки на жилете погибшего. О чем они могут нам рассказать?

— Да ни о чем, — упирался инспектор.

Торндайк собрал пинцетом крошки и, положив на стекло, тщательно рассмотрел их сначала под лупой, а потом под микроскопом.

— Теперь я знаю, что незадолго до смерти погибший ел печенье, скорее всего овсяное.

— Ну и что с того? Нам надо выяснить не что он ел, а какова причина его смерти. Самоубийство? Несчастный случай? Или преступление?

— Простите, но сейчас осталось узнать, кто его убил и с какой целью. Все остальное мне уже ясно.

Инспектор изумленно посмотрел на него:

— Быстро же вы делаете выводы, сэр.

— Но тут имеются все признаки убийства. Что касается мотива, то убитый был торговцем бриллиантами и предположительно имел при себе некоторое количество камней. Я бы на вашем месте обыскал его.

Инспектор презрительно хмыкнул.

— Это всего лишь домыслы. Погибший торговал бриллиантами, имел при себе нечто ценное, значит, его убили.

Он замолчал и, с упреком глядя на Торндайка, добавил:

— Вы должны понимать, сэр, что это следствие, а не конкурс для читателей в дешевой газетке. Я пришел сюда для осмотра тела.

Демонстративно повернувшись к нам спиной, инспектор стал методично выворачивать карманы погибшего, выкладывая найденное на ящик, где уже лежали зонтик и саквояж.

Оставив его за этим занятием, Торндайк стал осматривать труп, уделив особое внимание подметкам ботинок, которые он, к нескрываемому изумлению инспектора, стал разглядывать через лупу.

— Мне кажется, сэр, ноги у него достаточно большие, чтобы разглядеть их невооруженным глазом. Но, вероятно, вы несколько близоруки, — съязвил инспектор, бросив взгляд в сторону начальника станции.

Торндайк добродушно усмехнулся и стал рассматривать предметы, выложенные инспектором на ящик. Кошелек и записную книжку он открывать не стал, предоставив это инспектору, а вот очки для чтения, складной нож, футляр для визиток и другую карманную мелочь подверг самому внимательному осмотру. Инспектор иронически наблюдал, как Торндайк поднимает очки к свету, чтобы оценить их преломляющую способность, заглядывает в кисет, изучает водяные знаки на папиросной бумаге и исследует содержимое серебряной спичечницы.

— Что вы надеялись найти в его кисете? — спросил он, выкладывая на ящик связку ключей.

— Табак, — невозмутимо ответил Торндайк. — Но я не ожидал, что там будет мелкая «латакия». Для папирос чистую «латакию» вообще не используют. Я, во всяком случае, такого не встречал.

— Вы очень наблюдательны, сэр, — заметил инспектор, покосившись на начальника станции.

— Согласен. Но в этой коллекции я не вижу бриллиантов.

— А может, их при нем и не было. Мы же не знаем этого наверняка. Зато на нем были золотые часы с цепочкой, бриллиантовая булавка и кошелек... — Инспектор высыпал содержимое кошелька себе на ладонь. — Двенадцать фунтов золотом. На ограбление не похоже. И после всего этого вы продолжаете настаивать на убийстве?

— Мое мнение не изменилось, и я хотел бы увидеть место, где было найдено тело. Паровоз уже осмотрели? — обратился Торндайк к начальнику станции.

— Я телеграфировал в Брэдфилд, чтобы они там на него глянули, — сообщил тот. — Ответ, наверное, уже пришел. Пойду проверю.

Выходя из павильона, мы столкнулись с контролером, держащим в руке телеграмму. Он вручил ее начальнику станции, и тот громко прочел:

— «Я тщательно осмотрел паровоз и обнаружил небольшие пятна крови на ведущем и следующем за ним колесах. Больше ничего не найдено».

Начальник станции вопросительно взглянул на Торндайка. Тот, кивнув, заметил:

— Интересно, насколько это будет соответствовать картине, которую мы увидим на путях.

Озадаченный начальник станции хотел потребовать разъяснений, но инспектор, уже закончивший шарить по карманам погибшего, заторопился, и мы сразу же отправились к месту происшествия. Торндайк нес фонарь, а я — неизменный зеленый чемоданчик.

— Мне не совсем понятно, как вы смогли так быстро сделать вывод? — спросил я своего друга, когда наши спутники ушли вперед. — Что именно склонило вас к версии убийства?

— Одна маленькая, но очень существенная деталь. Вы заметили небольшую ранку над левым виском погибшего? Она поверхностная и вполне могла быть нанесена колесом паровоза. Ранка кровоточила, причем достаточно долго. Кровь, стекавшая двумя струйками, успела свернуться и частично засохнуть. Но ранка, возникшая на отрезанной голове, кровоточить не может. Следовательно, она была нанесена до потери головы. И еще один момент: струйки крови стекали из ранки под прямым углом друг к другу. Первая, судя по ее виду, более ранняя, стекала сбоку по лицу и падала на воротник. Вторая стекала на затылок. Как известно, Джервис, закон тяготения исключений не имеет. Если кровь стекает к подбородку, значит, голова находится в вертикальном положении; если же к затылку, то голова расположена горизонтально, причем лицом вверх. Но ведь когда мужчину увидел машинист, он лежал на рельсах ничком. Единственный возможный вывод — когда эта рана наносилась, мужчина находился в вертикальном положении, то есть сидел или стоял. Потом, еще живой, он какое-то время лежал на спине, так что кровь стекала ему на затылок.

— Понятно. Какой же я тупица, если сам об этом не догадался, — сокрушенно произнес я.

— Наблюдательность и быстрое соображение приходят с практикой, — заметил Торндайк. — А в лице вы что-нибудь заметили?

— Похоже, он страдал от удушья.

— Несомненно. У него на лице все признаки удушья. Вы, вероятно, видели, что язык заметно распух, а на внутренней стороне верхней губы остались глубокие вмятины от зубов и два повреждения вследствие сильного давления на рот. Заметьте, насколько полно эти факты согласуются с раной на голове. Повреждения, которые мы обнаружили, могли возникнуть, если предположить, что погибший получил удар по голове, боролся с нападавшим, был повержен и задушен.

— Кстати, что вы там нашли между зубов? Я не успел заглянуть в микроскоп.

— О, это не только подтвердило мое предположение, но и продвинуло наше следствие вперед. Под микроскопом был виден крохотный клочок какой-то ткани, состоящий из нескольких разных волокон неодинаковой окраски. Основная часть — это шерсть темно-красного цвета, но также имеется синий хлопок и желтый джут. Ткань соткана из цветных нитей и может принадлежать женскому платью, однако присутствие джута говорит скорее в пользу штор или дешевого ковра.

— И что это нам дает?

— Если это не клочок одежды, значит, он от мебельной обивки, то есть предполагается наличие жилища.

— Звучит не очень убедительно, — возразил я.

— Возможно. Однако это весьма ценное дополнительное доказательство.

— Доказательство чего?

— Предположения, на которое наводят ботинки погибшего. Я их скрупулезно изучил, однако не нашел следов песка, гравия или земли, несмотря на то что до железнодорожного полотна ему пришлось добираться через пустырь. Но я обнаружил на подметках табачную золу, темную отметину, похожую на пятно от раздавленного окурка папиросы или сигары, несколько крошек печенья, а за один из гвоздиков зацепилось несколько цветных ворсинок, по всей видимости, от ковра. Это дает основание предположить, что мужчина был убит в доме, где на полу лежал ковер, а уже оттуда его отнесли к путям.

Некоторое время я молчал, поражаясь способностям Торндайка; впрочем, подобное чувство я испытывал всякий раз, когда становился свидетелем его следственных действий. Его удивительное умение сопоставлять, казалось бы, незначительные факты, выстраивать из них логические цепочки и восстанавливать по ним картину преступления всегда приводило меня в восхищение.

— Если ваши умозаключения верны, проблему можно считать решенной. В доме наверняка остались многочисленные улики. Весь вопрос в том, как найти этот дом, — наконец произнес я.

— Да, вопрос именно в этом, и решить его чрезвычайно сложно. Чтобы разгадать загадку, достаточно одного взгляда на интерьер. Но мы же не мо-

жем вторгаться в каждый дом, чтобы искать там улики. Наша путеводная нить оборвалась. Ее конец находится в неизвестном нам доме, и если мы не сможем связать обрывки, то останемся ни с чем. Ведь, как вы помните, наша главная цель — ответить на вопрос «Кто убил Оскара Бродского?».

— Так что вы предлагаете?

— На следующем этапе расследования нам необходимо связать убийство с каким-то определенным домом. Для этого я намерен собрать воедино все имеющиеся факты и рассмотреть каждый из них со всех возможных точек зрения. Если я не смогу установить необходимую связь, расследование пойдет в тупик и придется начинать с другого конца, скажем, с Амстердама, если выяснится, что Бродский имел при себе бриллианты, в чем я ни минуты не сомневаюсь.

На этом наша беседа закончилась, поскольку мы пришли на место, где было найдено тело. Инспектор и начальник станции уже осматривали рельсы в свете фонарей.

— Удивительно мало крови, — заметил последний. — Я повидал немало подобных случаев, и всегда было море крови — и на паровозе, и на полотне. Очень странно.

Едва взглянув на рельсы — они его не слишком интересовали, — Торндайк осветил фонарем землю с наружной стороны полотна — рыхлую, усыпанную гравием с мелкими включениями мела, — а затем направил свет на подметки инспектора, опустившегося на колени рядом с рельсом.

— Видите, Джервис? — тихо сказал он, и я понимающе кивнул.

К подметкам инспектора прилип мелкий гравий, среди которого виднелись пятна от раздавленных кусочков мела.

— Вы не нашли шляпу? — спросил Торндайк, поднимая с земли короткий обрывок шпагата, валившийся на земле рядом с рельсом.

— Нет, но она должна быть где-то неподалеку. А вы, я вижу, нашли еще одну ценную улику, сэр, — усмехнулся инспектор, глядя на шпагат.

— Кто знает. Белый шпагат с зеленой ниткой. Возможно, позже он нам кое-что подскажет. В любом случае его стоит сохранить.

Вынув из кармана жестяную коробочку, в которой, среди прочего, находились пакетики для семян, Торндайк положил в один из них обрывок шпагата и надписал пакетик карандашом. Снисходительно улыбнувшись, инспектор продолжил осмотр полотна. Теперь к нему присоединился и Торндайк.

— Похоже, бедняга был близорук, — заметил инспектор, указывая на осколки от очков. — Вероятно, поэтому и забрел на пути.

— Возможно.

Торндайк, уже заметивший осколки, извлек из коробочки еще один пакетик.

— Дайте мне, пожалуйста, пинцет, Джервис. И еще один возьмите себе, чтобы помочь собрать осколки.

Инспектор удивленно поднял глаза:

— Надеюсь, вы не сомневаетесь, что очки принадлежали погибшему? Он точно был очкариком, я видел отметину у него на переносице.

— Почему бы не удостовериться в этом лишний раз? — ответил Торндайк и тихо добавил, обращаясь ко мне: — Соберите все, что найдете, Джервис. Это может нам помочь.

— Не вижу, каким образом, — возразил я, ползая по гравию в поисках мельчайших осколков стекла.

— Неужели? Посмотрите на эти осколки: некоторые из них довольно приличных размеров, а вот те, что на шпале, совсем крошечные. И обратите внимание на их количество. Состояние стекла явно не согласуется с обстоятельствами произошедшего. Это толстые вогнутые линзы, разлетевшиеся на массу мелких осколков. Как же они разбились? Явно не в результате падения: такие линзы при падении разбиваются на несколько крупных кусков. И не паровоз их переехал, иначе они превратились бы в порошок, который обязательно остался бы на рельсах, а там его нет. С оправой та же история: при падении ее повреждения были бы менее значительны, а если бы по ней проехал паровоз, тогда мало бы чего осталось.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Состояние оправы говорит о том, что на очки наступили. Но если тело сюда принесли, вполне возможно, что и очки тоже, причем они были уже разбиты. Скорее всего, на них наступи-

ли, но не здесь, а раньше, во время борьбы. Поэтому так важно собрать каждый кусочек.

— Но почему? — никак не мог понять я.

— Если мы соберем все осколки, которые сможем найти, и окажется, что их меньше, наша гипотеза найдет подтверждение и недостающие следует искать совсем в другом месте. Если же осколков наберется точно на две линзы, значит, очки были разбиты здесь.

Пока мы собирали осколки, официальные лица кружили с фонарями вокруг путей в надежде обнаружить шляпу. Когда все осколки были найдены и дальнейшие поиски с помощью лупы уже не приносили результатов, мы увидели, что блуждающие огоньки фонарей удалились на весьма приличное расстояние.

— Пока наши друзья не вернулись, мы можем рассмотреть наш улов, — предложил Торндайк. — Поставьте чемоданчик на траву у ограды — он послужит нам столом.

Достав из кармана письмо, Торндайк разложил его на чемоданчике и прижал парой камней, хотя ночь была безветренной. Потом он высыпал на бумагу содержимое пакетика и, тщательно разровняв осколки, какое-то время молча изучал их. Вдруг на лице его появилось какое-то странное выражение, и он стал энергично выбирать крупные осколки, раскладывая их на две карточки, вынутые им из футляра. После чего начал быстро и ловко складывать осколки вместе, пока на карточках не появились очертания восстановленных

линз. Я с растущим волнением наблюдал за его манипуляциями: что-то подсказывало мне, что мы находимся на пороге открытия.

Через некоторое время на карточках появились два стеклянных овала, в которых не хватало всего лишь пары мелких осколков. Оставшиеся фрагменты были столь незначительными, что дальнейшая реконструкция не представлялась возможной. Торндайк поднял голову и тихо рассмеялся.

— Довольно неожиданный результат, — объявил он.

— А в чем дело?

— Разве вы не видите, друг мой? Здесь слишком много стекла. Мы почти полностью собрали линзы, а осколков осталось гораздо больше, чем требуется, чтобы заполнить пустоты.

Взглянув на кучку мелких осколков, я понял, что он прав. Они явно были лишними.

— Удивительно. И как вы это объясните?

— Ответ нам подскажут сами осколки, если мы сумеем найти к ним подход.

Торндайк снял карточки с линзами и осторожно опустил их на землю. Вынув из чемоданчика микроскоп, он установил на нем объектив с десятикратным увеличением и поместил на предметное стекло оставшуюся стеклянную мелочь. Направив на нее свет фонаря, мой друг стал сосредоточенно смотреть в окуляр.

— Ха! — наконец воскликнул он. — Интрига усложняется. Стекла здесь одновременно и много и мало. Иными словами, очкам принадлежит

лишь пара осколков, которых явно недостаточно, чтобы полностью воссоздать линзы. Остальное — это мягкое, неровное формованное стекло, не имеющее ничего общего с твердым оптическим. Все эти посторонние осколки имеют изогнутую форму, что указывает на то, что они были частью цилиндра, скорее всего стакана или бокала.

Немного переместив предметное стекло, Торндайк продолжал:

— Нам повезло, Джервис. На одном из осколков видны две расходящиеся гравированные линии, образующие острие восьмиконечной звезды. А на другом я вижу три точки — скорее всего, это концы трех лучей. По ним мы можем судить о характере сосуда. Это был тонкий прозрачный стакан со звездами. Я думаю, вам знаком этот узор. Иногда его дополняет ободок с орнаментом, но чаще наносят одни звезды. Вот, взгляните.

Не успел я приложить глаз к окуляру, как появились инспектор с начальником станции. Вид мужчин, сидящих на земле с микроскопом, чрезвычайно развеселил инспектора, и он, уже не скрываясь, расхохотался.

— Извините, джентльмены, но такому тертому калачу, как я, все это кажется немного... ну, вы понимаете. Микроскоп — вещь, конечно, занимательная, но здесь от него мало толку, верно?

— Возможно, — не стал спорить Торндайк. — Кстати, вы нашли шляпу?

— Нет, ее не обнаружили, — признался инспектор.

— Тогда мы поможем вам в дальнейших поисках, если чуточку подождете.

Торндайк капнул на карточки немного ксилола, чтобы зафиксировать осколки в собранных линзах, и убрал их вместе с микроскопом в чемоданчик, после чего объявил, что мы готовы идти.

— Здесь рядом есть какое-нибудь жилье? — спросил он у начальника станции.

— Ближе Корфилда ничего нет, а до него около полумили.

— А где проходит ближайшая дорога?

— В трехстах ярдах отсюда есть заброшенная дорога, которую прокладывали к дому, который так и не построили. От нее к станции ведет тропинка.

— А еще какие-нибудь дома там есть?

— Только один, и от него до ближайшего жилья не меньше полумили. А других дорог здесь нет.

— Есть вероятность, что Бродский шел отсюда, ведь его нашли с этой стороны путей.

Инспектор согласился, и мы последовали за начальником станции к дому, попутно разглядывая землю у себя под ногами. Пустырь, по которому мы шли, зарос щавелем и крапивой. Надеюсь найти шляпу, инспектор шарил фонарем по каждому пригорку и ворошил заросли носком ботинка. Через триста ярдов мы подошли к низкой ограде, за которой был виден сад с небольшим коттеджем. Инспектор стал яростно пинать

крапиву, росшую у забора. Внезапно что-то звякнуло, послышался вопль, и инспектор, поджав ногу, отскочил, оглашая воздух проклятиями.

— Какой идиот бросил в крапиву эту дрянь! — возмущался он, потирая ушибленную ногу.

Торндайк поднял с земли металлический прут толщиной в три четверти дюйма и длиной около фута.

— Похоже, он здесь недавно, — заметил он, внимательно рассматривая прут в свете фонаря. — На нем совсем нет ржавчины.

— Мне от этого не легче, — проворчал инспектор. — По башке бы съездить того придурка, который бросил сюда эту железку.

Не обращая внимания на страдания инспектора, Торндайк продолжал рассматривать прут. Потом он поставил фонарь на ограду, вынул лупу и продолжил свое занятие с удвоенным усердием. Разъяренный инспектор захромал прочь, и вскоре мы услышали, как он отчаянно колотит в ворота.

— Будьте любезны, подайте мне предметное стекло с капелькой раствора, — попросил меня Торндайк. — К пруту прилипли какие-то волокна.

Подготовив необходимое, я передал его Торндайку вместе с пинцетом, иглой и покрывным стеклом и установил на садовой ограде микроскоп.

— Сочувствую инспектору, — заметил Торндайк, заглядывая в окуляр. — Но для нас это был поистине счастливый удар. Взгляните в микроскоп.

Расположив предметное стекло так, чтобы рассмотреть весь образец, я сообщил свое мнение:

— Красная шерсть, синий хлопок и желтые растительные волокна, похожие на джут.

— Все правильно. Та же комбинация волокон, что и на кусочке, застрявшем между зубами трупа, и, вероятно, из того же источника. Похоже, этот прут вытирали о ковер или штору, которой удушили беднягу Бродского. Мы в любом случае должны проникнуть в этот дом. Слишком явная улика, чтобы ею пренебречь.

Быстро упаковав чемоданчик, мы поспешили к воротам, где увидели обоих должностных лиц, задумчиво глядящих на заброшенную дорогу.

— В доме горит свет, но там никого нет, — сообщил инспектор. — Я уже много раз стучал, но никто не отзывается. И вообще, что мы здесь забыли? Шляпа, вероятно, лежит неподалеку от того места, где был найден труп, и утром мы ее обязательно разыщем.

Торндайк молча вошел в сад и, подойдя к двери дома, тихо постучал и приложил ухо к замочной скважине.

— Я же сказал, сэр, что там никого нет, — раздраженно бросил инспектор и, видя, что реакции не последовало, пошел прочь, сердито бормоча себе под нос.

Как только он отошел, Торндайк стал шарить лучом фонаря по двери, порогу, тропинке и небольшим клумбам, с одной из которых он поднял какой-то предмет.

— Весьма ценная улика, Джервис, — объявил он, выходя из ворот и показывая мне недокуренную папиросу.

— Что же в ней ценного? Что она нам дает?

— Очень многое. Ее зажгли и кинули недокуренной, что говорит о внезапной перемене планов. Она брошена у входа в дом, значит, куривший собирался туда войти. Он не был знаком с хозяином, иначе прошел бы в дом с папиросой. Сначала этот человек вообще не намеревался входить на участок, иначе не стал бы закуривать перед воротами. Это, конечно, общие предположения, а теперь перейдем к деталям. Папиросная бумага известной марки «Зигзаг», водяные знаки видны очень четко. У Бродского была обнаружена пачка папиросной бумаги той же марки. Посмотрим, какой там табак.

Вытащив из лацкана булавку, Торндайк вытащил из папиросы кусочек темно-коричневого табака и показал мне.

— Мелкая «латакия», — не колеблясь, определил я.

— Прекрасно. Перед нами папироса с табаком, точно таким же, как в кисете Бродского, причем свернута она из необычной бумаги, имевшейся в пачке, найденной у Бродского. Руководствуясь правилом силлогизма, я могу предположить, что данная папироса была свернута Оскаром Бродским. Тем не менее мы будем искать подкрепляющие улики.

— А что это?

— Как вы могли заметить, Бродский пользовался круглыми деревянными спичками, которые и были обнаружены в его коробке. Такие спички тоже не вполне обычны. Поскольку он зажег папиросу где-то рядом с воротами, мы можем попытаться найти там обгоревшую спичку. Давайте посмотрим на дороге, по которой он, видимо, и пришел.

Мы медленно пошли по дороге, освещая фонарями землю, и буквально через несколько шагов я обнаружил валявшуюся в грязи спичку. Быстро подняв ее, я увидел, что она круглая и деревянная.

С интересом осмотрев спичку, Торндайк положил ее вместе с папиросой в свою коробочку для вещественных доказательств.

— Теперь уже нет сомнений, Джервис, что Бродский был убит здесь. Нам удалось связать это место с преступлением, так что осталось лишь проникнуть в дом и найти там другие улики.

Мы пошли вдоль ограды и на ее противоположной стороне обнаружили инспектора, недовольно беседующего с начальником станции.

— Думаю, сэр, нам пора возвращаться, — заявил он. — Мне вообще непонятно, зачем мы сюда забрели, но... Эй, сэр, остановитесь!

Торндайк, чуть подпрыгнув, закинул свою длинную ногу на забор.

— Я не разрешаю вам вторгаться в личные владения, сэр! — продолжал инспектор, но Торндайк уже преодолел ограду и смотрел на инспектора с другой стороны.

— А теперь послушайте меня, инспектор. Есть все основания полагать, что Бродский перед смертью был в доме, и я готов поклясться в этом. Сейчас важно не упустить время, мы должны идти по горячему следу. Я не предлагаю вам вламываться в дом. Мне нужно только проверить мусорный бак.

— Мусорный бак! — поперхнулся инспектор. — Нет, вы действительно джентльмен со странностями! Что же хотите там найти?

— Разбитый стакан или бокал. Тонкий, с узором из маленьких восьмиконечных звездочек. Он может быть в мусорном баке или в доме.

Инспектор колебался, но уверенность Торндайка произвела на него впечатление.

— Мы, конечно, можем покопаться в мусоре, хотя какое отношение разбитый стакан имеет к нашему делу, я ума не приложу. Это выше моего понимания. Ну, да ладно, идем.

Он перелез через ограду, и за ним последовали мы с начальником станции.

Торндайк чуть задержался у ворот, осматривая землю, а официальные лица торопливо пошли по тропинке. Не найдя ничего интересного, доктор направился к дому, внимательно оглядываясь по сторонам. На полдороге мы услышали взволнованный голос инспектора:

— Скорее сюда, сэр!

Поспешив в том направлении, мы обнаружили наших должностных лиц, с изумленным видом склонившихся над мусорной кучей. Свет их фона-

рей освещал осколки тонкого узорчатого стекла, сверкающие среди мусора.

— Не представляю, сэ, как вы догадались, что они здесь есть, — произнес инспектор с ноткой уважения в голосе. — Но зачем они вам, я понять не могу.

— Это всего лишь одно звено в цепи доказательств, — пояснил Торндайк, доставая пинцет и склоняясь над мусорной кучей. — Возможно, мы найдем здесь кое-что еще.

Он поднял несколько кусочков стекла и, рассмотрев их, бросил обратно в кучу. Внезапно внимание доктора привлек маленький осколок, валявшийся в самом низу. Подхватив стекло пинцетом, Торндайк стал пристально разглядывать его под лупой.

— Да, это именно то, что я искал, — произнес он наконец. — Дайте мне те две карточки, Джервис.

Я вынул визитные карточки с восстановленными линзами очков и, поместив их на чемоданчик, осветил фонарем. Торндайк некоторое время изучал их, поглядывая на осколок, который он держал пинцетом. Потом повернулся к инспектору и спросил:

— Вы видели, как я поднял этот осколок из мусорной кучи?

— Да, сэ, — ответил тот.

— Вы знаете, где мы обнаружили осколки от разбитых очков и кому они принадлежали?

— Да, сэр. Они принадлежали погибшему и найдены рядом с телом.

— Отлично. А теперь посмотрите сюда.

Когда Торндайк вставил найденный осколок в дырочку на одной из линз и чуть нажал на него, тот точно вошел в нее, полностью совпав с соседними осколками. Инспектор с начальником станции изумленно раскрыли рты.

— Бог ты мой! — воскликнул полицейский. — Как же вы догадались?

— Позже я все вам объясню. А пока мы должны осмотреть дом. Надеюсь найти там растоптанную папиросу или, может быть, сигару, овсяное печенье, деревянную спичку и даже пропавшую шляпу.

При упоминании шляпы инспектор ринулся к задней двери, но, обнаружив там засов, решил толкнуться в окно. Оно также оказалось закрытым, и мы, по совету Торндайка, обошли дом, чтобы попытаться войти в переднюю дверь.

— Она тоже заперта, — сообщил инспектор. — Боюсь, нам придется ее взломать. Весьма неприятная ситуация.

— Проверьте окно, — предложил Торндайк.

Инспектор последовал его совету, безрезультатно пытаясь открыть задвижку складным ножом.

— Не выходит, — пожаловался он, возвращаясь к двери. — Нам все-таки придется...

Он осекся, изумленно взирая на открытую дверь, в то время как Торндайк что-то опустил в карман.

— Ваш дружок не теряет времени даром, вот и дверь успел вскрыть, — заметил инспектор, обращаясь ко мне, когда мы вслед за Торндайком входили в дом.

Однако вскоре его критический настрой в очередной раз сменился изумлением. Мы вошли в небольшую гостиную, чуть освещенную газовой лампой. Торндайк прибавил газ и осмотрелся. На столе стояли бутылка виски, сифон, стакан и коробка печенья. Указав на нее, Торндайк скомандовал:

— Взгляните, что там в ней.

Приоткрыв крышку, инспектор посмотрел внутрь, начальник станции заглянул через его плечо в коробку, и затем они оба уставились на Торндайка.

— Во имя всего святого, сэр, как вы узнали, что в доме есть овсяное печенье? — воскликнул начальник станции.

— Вас разочарует мой ответ. Посмотрите теперь сюда.

Он указал на камин, в котором лежала недокуренная раздавленная папироса и круглая деревянная спичка. Инспектор пораженно уставился на эти предметы, в то время как начальник станции продолжал смотреть с суеверным благоговением на Торндайка.

— У вас с собой личные вещи покойного? — спросил мой коллега.

— Да, я положил их в карман для надежности.

— Тогда давайте взглянем на кисет, — предложил Торндайк, поднимая расплюсченную папиросу.

Когда инспектор вынул и открыл кисет, Торндайк осторожно разрезал папиросу своим острым карманным ножом.

— Итак, какой табак в кисете покойного? — спросил он.

Инспектор взял щепотку и, посмотрев на табак, с отвращением понюхал.

— Эта какая-то вонючая смесь, скорее всего «латакия».

— А здесь что у нас? — поинтересовался мой друг, указывая на вскрытую папиросу.

— Да то же самое.

— Теперь давайте посмотрим, какая папиросная бумага у него в пачке.

Инспектор извлек из кармана небольшую книжечку и вырвал из нее один листок.

— На обеих водяной знак «Зигзаг», тут ошибки быть не может, — заявил инспектор. — Эту папиросу свертывал погибший, это абсолютно точно.

Торндайк положил рядом полуобгоревшую бумагу от папиросы, и инспектор поднес их к свету.

— Еще один момент, — продолжал Торндайк, выкладывая на стол обгоревшую деревянную спичку. — У вас ведь есть его спичечница?

Инспектор вытащил маленькую серебряную коробочку, сравнил лежавшие там спички с обгоревшим экземпляром и со щелчком захлопнул спичечницу.

— Ваша взяла. Если мы найдем шляпу, считайте, дело сделано.

— Мне кажется, мы уже ее нашли. Вы заметили, что в камине горел не только уголь?

Резво подбежав к камину, инспектор стал лихорадочно ворошить золу.

— Зола еще теплая, и в ней не только уголь. Там еще горело дерево, а вот маленькие черные комочки явно другого происхождения. Возможно, это остатки сгоревшей шляпы, но разве сейчас поймешь? Вы, конечно, можете сложить осколки разбившихся очков, но шляпу из золы вряд ли восстановите.

С сожалением взглянув на Торндайка, инспектор протянул ему пригоршню черных ноздреватых угольков, и тот разложил их на листе бумаги.

— Шляпу, конечно, восстановить я не в силах, — согласился мой друг. — Но мы можем установить происхождение этих угольков. Возможно, они вообще не от шляпы.

Он зажег восковую спичку и поднес пламя к одному из кусочков. Черная шлакообразная масса тотчас же с шипением расплавилась и задымилась, наполняя воздух едким запахом резины и какого-то вещества животного происхождения.

— Похоже на лак, — заметил начальник станции.

— Да, это шеллак, так что первый тест дал нам положительный результат. Следующий потребует немного больше времени.

Торндайк извлек из своего чемоданчика небольшую колбу с воронкой и отводной трубкой, складной треножник, спиртовку и асбестовую сет-

ку. Бросив в колбу несколько спекшихся угольков, налил туда спирт, взял треножник, положил сверху асбестовую сетку и поставил на нее колбу. Зажег под треножником горелку и стал ждать, пока не закипит спирт.

— А пока мы можем еще кое-что проверить, — сказал он, когда в колбе побежали пузырьки. — Дайте-ка мне предметное стекло с каплей глицерина, Джервис.

Пока я готовил стекло, Торндайк вытащил пинцетом несколько волокон из скатерти.

— Похоже, мы уже знакомы с этой тканью, — заметил он, помещая клочок на предметное стекло и устанавливая его под микроскопом. — Да, вот они, наши старые знакомые: красные шерстяные волокна, синие хлопчатобумажные и желтые джутовые. Надо их пометить, иначе мы спутаем их с другими образцами.

— И как, по-вашему, был убит покойный? — спросил инспектор.

— Я считаю, что убийца заманил его в дом и угостил. Хозяин сидел на том самом стуле, где сейчас находитесь вы, а Бродский расположился вот в этом маленьком кресле. Потом убийца напал на него с тем прутом, который нашли в крапиве, но не смог убить с первого удара. Завязалась борьба, и в конце концов Бродский был задушен скатертью. Есть еще одна деталь. Вы узнаете этот обрывок шпагата?

Торндайк вынул из своей коробочки кусочек шпагата, найденный им у рельсов. Инспектор кивнул.

— Обернитесь, и вы увидите, откуда он взялся.

Посмотрев назад, полицейский обнаружил моток белого шпагата, лежащий на каминной доске. Отмотав небольшой кусок, Торндайк сравнил его с обрывком, который держал в руке.

— Они оба с зеленой ниткой, что значительно облегчает опознание. Убийца использовал шпагат, чтобы связать саквояж и зонт. В руках он их нести не мог, так как тащил на себе труп. Однако, наш препарат уже готов.

Торндайк снял колбу с треножника и, энергично встряхнув, посмотрел на ее содержимое через лупу. Спирт стал темно-коричневым и приобрел густую консистенцию.

— Думаю, для общего анализа достаточно, — заметил он, вынимая из чемоданчика пипетку и предметное стекло.

Взяв со дна немного спирта, Торндайк капнул им на предметное стекло, положил сверху покрывное и поместил под микроскоп. Мы молча наблюдали, как он приткнулся к окуляру. Наконец Торндайк поднял глаза и, обращаясь к инспектору, спросил:

— Вы знаете, из чего делают фетровые шляпы?

— Точно не скажу.

— Лучший фетр делают из кроличьей и заячьей шерсти, точнее, из мягкого подшерстка, который пропитывают шеллаком. В этих угольках явно содержится шеллак, а под микроскопом видны крошечные волоски кроличьей шерсти. Поэтому я без колебаний могу утверждать, что это то, что

осталось от жесткой фетровой шляпы. Следов краски я не обнаружил, так что шляпа, по всей видимости, была серой.

В этот момент наше тайное совещание было прервано торопливыми шагами по садовой тропинке, и в комнату влетела женщина.

Застыв от изумления, она молча смотрела на нас, а потом возмущенно произнесла:

— Кто вы? Что вы здесь делаете?

Ей навстречу поднялся инспектор.

— Я полицейский, мадам. А вы, простите, кто?

— Я экономка мистера Хиклера.

— А мистер Хиклер скоро придет?

— Нет. Он только что уехал на паромном поезде.

— В Амстердам? — предположил Торндайк.

— Полагаю, что так, хотя вам-то какое до этого дело?

— Он, вероятно, торгует бриллиантами? Этим поездом обычно ездят торговцы драгоценностями.

— Так оно и есть. Он и вправду имеет дело с бриллиантами.

— Ах так. Нам пора идти, Джервис. Здесь мы все закончили, а нам еще надо поискать гостиницу. Можно вас на минуточку, инспектор?

Инспектор полиции, окончательно смирившись, последовал за нами в сад, чтобы выслушать там напутственное слово Торндайка.

— Сразу же займитесь домом и постарайтесь избавиться от экономки. Все должно оставаться на своих местах. Сохраните золу и угли, проследи-

те, чтобы мусорную кучу никто не трогал. И, самое главное, не позволяйте мести пол. Вам на помощь пришлют еще одного полицейского.

Дружески распрощавшись, мы ушли в сопровождении начальника станции, и на этом наше участие в расследовании закончилось. Хиклер (которого, как выяснилось, звали Сайласом) был арестован, как только он сошел с корабля; при нем был найден пакетик с бриллиантами, принадлежавшими Оскару Бродскому. Но перед правосудием Сайлас Хиклер так и не предстал: когда судно приблизилось к английскому берегу, он сумел ускользнуть от охраны, и его дальнейшая судьба стала известна лишь через три дня, когда на пустынном берегу у Офорднесса было обнаружено бездыханное тело в наручниках.

— Драматичный, но закономерный конец вполне ординарного дела, — заключил Торндайк, откладывая газету. — Надеюсь, Джервис, оно существенно обогатило ваш жизненный опыт и позволило сделать несколько полезных выводов.

— Предпочитаю слушать ваши медико-криминалистические заповеди, — ответил я, иронично усмехаясь.

— Не сомневаюсь, — ответил он насмешливо. — Однако меня весьма печалит ваше нежелание проявлять умственную активность. Тем не менее вот основные постулаты, которые следуют из этого дела. Первое — медлить очень опасно. Надо сразу же действовать, пока такая хрупкая и быстротечная вещь, как ключ к разгадке, не ис-

чезла навсегда. Проволочка в несколько часов может лишить нас всех улик. Второе — необходимо тщательно анализировать даже самую тривиальную улику, прослеживая ее до логического конца, как в случае с очками. Третье — полиция при расследовании должна опираться на научную базу, привлекая соответствующих специалистов, и последнее, — заключил Торндайк с улыбкой. — Никогда не следует расставаться с зеленым чемоданчиком.

Часть II

ПРЕСТУПНЫЙ ТАЛАНТ

Глава 1

УБИЙСТВО МИСТЕРА ПРАТТА

Виноторговец, который вместо марочного вина, заказанного и оплаченного клиентом, пытается всучить ему дешевый ординарный напиток, должен быть готов к самым нелестным комментариям в свой адрес. Мало того, за подобного рода действия он рискует понести ответственность. С моральной точки зрения его поведение мало чем отличается от действий железнодорожной компании, взявшей с пассажира плату за проезд в первом классе и навязавшей ему попутчиков, которых он всеми силами стремился избежать, за что и платил по повышенному тарифу. Но корпоративная совесть, по утверждению Герберта Спенсера, существенно недотягивает до совести индивида.

Так рассуждал мистер Руфус Пембери, когда на станции Мейдстоун проводник привел в его купе плотного грубоватого мужчину (по виду типичного пассажира третьего класса). Он ведь заплатил немалые деньги не за мягкие диваны,

а за возможность путешествовать в уединении или, по крайней мере, в обществе приличных джентльменов. Появление столь неотесанного господина лишило мистера Пембери подобной возможности и крайне раздосадовало.

Но если присутствие подобного соседа лишь нарушало правила, то его поведение было в высшей степени возмутительным: как только поезд тронулся, мужчина бесцеремонно устался на своего попутчика тяжелым немигающим взглядом полинезийского идола.

Это приводило в замешательство и было оскорбительным. Мистер Пембери заерзал на диване, чувствуя, как в нем закипает гнев. Он заглянул в свою записную книжку, прочитал пару писем и перетасовал колоду визитных карточек. У него даже мелькнула мысль открыть зонтик и отгородиться от нахала. Наконец терпение его истощилось, а гнев достиг точки кипения. Он повернулся к незнакомцу и холодно произнес:

— Вы, вероятно, с легкостью узнаете меня, если нам случится встретиться вновь — не приведи господь.

— Я узнаю вас даже из десяти тысяч, — последовал ответ, столь неожиданный, что мистер Пембери на мгновение потерял дар речи.

— У меня память на лица, я помню всех, кого видел, — со значением произнес незнакомец.

— Весьма ценное качество, — заметил мистер Пембери.

— И очень полезное для меня. Во всяком случае, оно мне здорово пригодилось, когда я работал тюремщиком в Портленде. Вы ведь меня наверняка помните. Моя фамилия Прагг, и я был помощником тюремного надзирателя, когда вы там сидели. Чертова дыра этот Портленд, и я всегда радовался, когда меня посылали в город для опознания. Тогда предварительное заключение находилось в Холлоуе, это уж потом они переехали в Брикстон.

Прагг прервал свои воспоминания, и ошеломленный Пембери с трудом взял себя в руки.

— Вы, вероятно, обознались, — возразил он.

— Ну, уж нет. Вы Фрэнсис Доббс. Двенадцать лет назад сбежали из тюрьмы. На следующий день вашу одежду прибило к берегу. Беглеца так и не нашли. Смылся подчистую. Но в картотеке осталась парочка фотографий и отпечатки пальцев. Хотите посмотреть?

— С какой стати?

— Да, и вправду, к чему это вам? Вы ведь человек состоятельный, и небольшой капиталец, оформленный на нужного человека, может избавить вас от такой необходимости.

Пембери пару минут молча смотрел в окно. Потом резко повернулся к Праггу:

— Сколько вы хотите?

— Полагаю, пара сотен в год вам вполне по карману.

Пембери немного подумал и спросил:

— А почему вы решили, что я человек состоятельный?

Пратт недобро усмехнулся:

— Черт, да я все про вас знаю, мистер Пембери. Последние полгода я жил в полумиле от вашего дома.

— Что за вздор!

— А вот и нет. Когда я ушел со службы, генерал О'Горман нанял меня присматривать за своим поместьем в Бейсфорде — сам он появлялся там довольно редко. В первый же день я наткнулся на вас и сразу узнал, но виду не подал. Решил сначала выяснить, имеете ли наличность, ну, и оказалось, что пара сотен вам вполне по силам.

Установилось молчание, которое вскоре было прервано бывшим тюремщиком:

— Вот что значит иметь хорошую память на лица. Возьмем того же Джека Эллиса. Вы пару лет жили прямо у него под носом, а он и в ус не дул. Ну пусть себе отдыхает, — добавил Пратт, уже сожалея о том, что, поддавшись тщеславию, позволил себе излишнюю откровенность.

— А кто такой Джек Эллис? — осведомился Пембери.

— Да что-то вроде внештатного сыщика в полицейском участке Бейсфорда. Кое в чем им помогает, разнохивает, и все такое. Он служил конвоиром в Портлендской тюрьме, как раз в те времена, когда вы там сидели, но ему оторвало указательный палец, и его отправили на пенсию. Поскольку Джек родом из Бейсфорда, его там и пристроили. Но не бойтесь, он вас не узнает.

— Если только вы меня не продадите.

— Нет, к чему мне это? — засмеялся Пратт. — Можете не сомневаться, буду сидеть тихо и не высовываться. И потом мы с ним не очень-то ладим. Он стал увиваться за нашей горничной — и это женатый человек, подумать только! Но я его быстренько выставил, и теперь Джек Эллис имеет на меня зуб.

— Понимаю, — задумчиво произнес Пембери и после некоторой паузы спросил: — А кто такой генерал О'Горман? Мне это имя кажется знакомым.

— И правильно. Он был начальником тюрьмы в Дартмуре, когда я там служил — как раз перед отставкой, — и вот что я вам скажу: если бы вы сидели при нем, нипочем не сбежали бы, это уж точно.

— Почему?

— Генерал обожал ищеек и держал в Дартмуре целую свору. Заключение об этом знали и даже не пытались бежать. У них просто не было шансов.

— Он и сейчас держит собак?

— Да, и все время их натаскивает. Все надеется, что в наших местах кого-нибудь ограбят или убьют и он сможет испытать собак в деле. Но пока ничего такого у нас не случилось. Видно, жулики прознали про этих псов. Но ближе к делу. Как насчет двух сотен в год с выплатой раз в квартал?

— Мне надо подумать.

— Отлично. Я возвращаюсь в Бейсфорд завтра вечером. У вас будет целый день на раздумья. Не возражаете, если я загляну к вам завтра вечером?

— Нет, дома нам лучше не встречаться. Обсудим все в каком-нибудь укромном месте, чтобы нас никто не видел вместе. Это ведь не займет много времени, а осторожность никогда не помешает.

— Это верно, — согласился Пратт. — Тогда вот что. К нашему дому ведет аллея, вы ее наверняка знаете. Сторожки у ворот нет, и их запирают только ночью. Я приезжаю в Бейсфорд в шесть тридцать. До дома идти минут пятнадцать. Так что ждите меня в аллее без пятнадцати семь.

— Согласен, если там не будут рыскать генеральские ищейки.

— Да что вы! — засмеялся Пратт. — Разве генерал допустит, чтобы его драгоценные собачки бегали без присмотра, чтобы любой жулик мог подсунуть им отравленную колбасу. Нет, их содержат в вольерах позади дома. Ага! Мы уже подъезжаем к Свонли. Я пойду в вагон для курящих, а вы пока как следует все обмозгуйте. Пока. Завтра вечером в аллее, без четверти семь. И вот что, мистер Пембери, принесите с собой первый взнос — пятьдесят фунтов мелкими купюрами или золотом.

— Договорились, — бесстрастно проговорил мистер Пембери, но румянец на щеках и злой огонек в глазах выдавали его истинные чувства.

Все это не укрылось от бывшего тюремщика, который, уже выйдя за дверь, вдруг просунул голову в окошко и угрожающе произнес:

— И вот еще что, мистер Пембери-Доббс: не вздумайте меня надуть. Я тертый калач и пови-

дал вашего брата. Так что никаких штучек. До встречи.

С этими словами он удалился, оставив Пембери в нелегких раздумьях.

Характер его мыслей был таков, что если бы какой-нибудь телепат мог бы транслировать их в голову мистера Пратта, то бывший страж порядка был бы немало удивлен и в сердце закрался холодок. Его опыт общения с преступниками ограничивался лишь тюрьмой, что несколько исказило представление об их поведении на воле. Короче говоря, бывший тюремщик сильно недооценил способности беглого узника.

Руфус Пембери — именно так его звали на самом деле, а «Доббс» был псевдоним — обладал недюжинным умом и твердостью духа. Причем эти качества были в нем так сильны, что, начав криминальную карьеру и быстро убедившись в ее бесперспективности, он решительно порвал со своим прошлым. На судне для перевозки скота, подбравшем его у мыса Портленд, он прибыл в один из американских портов. Употребив всю свою энергию и способности на то, чтобы успешно заняться легальным бизнесом, Руфус Пембери через десять лет смог вернуться в Европу с приличным состоянием. Купив небольшой домик на окраине захолустного городка, он скромно жил два года на свои сбережения, держась в стороне от местного общества. И мог бы мирно прожить там до конца своих дней, если бы не злой рок, приведший в эти места злополучного Пратта. Имея его под

боком, о безопасности можно забыть. Ведь шантажист личность ненадежная. С ним невозможны никакие прочные договоренности, и все его обещания ничего не стоят. Предмет торга остается у него в руках, и он склонен регулярно повышать цену, беря плату за свободу, оставляя ключи от кандалов у себя в кармане. Короче, шантажист — это совершенно невыносимый тип.

Таковыми были мысли Руфуса Пембери, возникшие еще в тот момент, когда Пратт делал ему свое абсолютно неприемлемое предложение. Совет бывшего тюремщика «как следует все обмозговать» был совершенно излишним. Пембери уже все решил, причем в тот самый момент, когда Пратт раскрыл карты. Вывод напрашивался сам собой. До появления Пратта он жил в мире и покое. Существование свидетеля угрожает его свободе и благополучию. Если же Пратт исчезнет, опасность минует и все пойдет по-старому. Следовательно, его надо устранить.

Очень простая логика.

Все оставшееся время Пембери был погружен в размышления, никак не связанные с ежеквартальными выплатами шантажисту. Ход его мыслей был целиком направлен на устранение бывшего тюремщика.

Надо сказать, что Руфус Пембери по натуре не был жесток и беспощаден, скорее ему присущ некий утонченный цинизм, лишенный банальных сантиментов и принимающий во внимание лишь здравый смысл. Если над его чаем кружилась оса,

он, не колеблясь, давил ее, но отнюдь не голой рукой. У ос имеется жало, которое они подчас пускают в дело. А его задача — избежать укуса.

Так и с Праттом. Этот человек из соображений собственной выгоды посягнул на свободу Пембери. Ну что же, значит, он взял на себя определенный риск. Это его личное дело. Пембери же заботило лишь собственное благополучие.

Выйдя на станции Чаринг-кросс, Пембери направился в сторону Стрэнда, где на Бэкингем-стрит располагалась небольшая частная гостиница. Его уже ждали: женщина-портье, приветливо улыбнувшись, вручила ему ключ от номера.

— Вы надолго у нас, мистер Пембери? — поинтересовалась она.

— Нет, завтра утром я уеду, но, вероятно, скоро вернусь. Помнится, у вас была энциклопедия. Можно мне ее посмотреть?

— Она в гостиной. Вас проводить? Впрочем, вы и сами знаете, куда идти.

Конечно, мистер Пембери знал, куда идти. Гостиная была на втором этаже — старомодный зал, выходящий на тихую улочку. В ней были полки с книгами, где помимо романов стояли солидные тома энциклопедии Чемберса.

Стороннему наблюдателю вряд ли показалось бы странным, что джентльмен из сельской местности интересуется статьей «Охотничьи собаки». Но когда от «Гончих» он перешел к «Крови», а затем к «Ароматическим веществам», этот наблюдатель мог бы почувствовать легкое удивление.

Оно, несомненно, возрастало бы, если проследить дальнейшие действия мистера Пембери, рассматривая их как подготовку к сокращению населения на одну единицу.

Оставив саквояж и зонтик в номере, мистер Пембери решительно покинул гостиницу, как человек, имеющий вполне определенную цель. Первым делом он направился в магазин, где продавали зонты, и выбрал толстую ротанговую трость. В этом не было ничего необычного, кроме того, что трость поражала своей толщиной, поэтому продавец сделал попытку его отговорить.

— Мне нравятся толстые трости, — возразил мистер Пембери.

— Конечно, сэр, но для джентльмена вашей комплекции (Пембери был мал ростом и тщедушен) я бы предложил...

— Я хочу толстую трость, — настаивал Пембери. — Обрежьте ее до нужной длины и не приклепывайте наконечник. Дома я сам посажу его на клей.

Следующее его приобретение было уже ближе к делу и отличалось первобытной простотой. Он купил большой норвежский нож, но этим не ограничился, а пошел в другую лавку и приобрел там второй, который был точной копией первого. Зачем ему два одинаковых ножа? И почему он не купил их в одном магазине? Весьма загадочное поведение.

Казалось, Руфуса Пембери просто поглотила страсть к покупкам. В следующие полчаса он при-

обрел дешевый ручной чемоданчик, черный лакированный футляр для кистей, трехгранный напильник, палочку клея и тигельные щипцы. Все еще не удовлетворившись, он направился в старомодную аптеку в одном из переулков, где пополнил свою коллекцию пачкой ваты и унцией марганцовки. Когда аптекарь с видом чернокожника, характерным для всех представителей этого ремесла, заворачивал покупки в бумагу, Пембери небрежно спросил:

— А мускус у вас есть?

Запечатав сверток сургучом, аптекарь, казалось, был готов произнести заклинание. Но вместо этого лишь коротко ответил:

— Нет, сэр. Натуральный мускус слишком дорог. Но у меня есть эссенция.

— Но она ведь слабее чистого мускуса?

— Да, конечно, она чуть слабее, но это не меняет дела, — загадочно улыбнулся аптекарь. — Эти природные ароматы, они очень сильные и стойкие. Осмелюсь предположить, что если вы разбрызгаете столовую ложку эссенции посередине собора Святого Павла, запах будет стоять полгода.

— Да что вы говорите! Этого достаточно для любых целей. Налейте мне чуть-чуть и ради бога не запачкайте пузырек снаружи. Я беру эссенцию не для себя, и мне бы не хотелось благоухать, как мускусная крыса.

— Известное дело, сэр, — согласился аптекарь, доставая крошечный пузырек, маленькую стеклян-

ную воронку и бутылочку с надписью «Ess. Moschi».

Поколдовав над ними с ловкостью фокусника, аптекарь протянул пузырек мистериу Пембери:

— Возьмите, сэр. Снаружи ни одной капли не пролилось, а с резиновой пробкой и вовсе можете не опасаться.

Неприятность мистера Пембери к мускусу была столь сильной, что, когда аптекарь удалился в подсобную комнату с видом медиума, готовящегося к контакту с духами (на самом же деле чтобы разменять полкроны), он вынул из чемоданчика футляр для кистей, откинул крышку и, взяв щипцами пузырек, осторожно опустил в футляр, после чего закрыл его и спрятал вместе с щипцами обратно в чемоданчик. Сверток мистер Пембери сунул в карман и, когда вернувшийся кудесник, волшебным образом превративший полкроны в четыре пенса, отдал ему сдачу, покинул аптеку и зашагал в сторону Стрэнда. Внезапно его посетила новая мысль. Он остановился, чуть-чуть подумал и пошел в северном направлении, чтобы сделать самую неожиданную из своих покупок.

Сделка состоялась в зоомагазине, чей ассортимент включал широкий спектр представителей животного мира — от улиток до ангорских кошек. Увидев в витрине клетку с морскими свинками, мистер Пембери решительно вошел в магазин.

— У вас, случайно, не завалялось какой-нибудь дохлой морской свинки? — поинтересовался он.

— Нет, мои все живы-здоровы, — уверил его хозяин. — Но ведь и они не вечны, — добавил он с недоброй улыбкой.

Пембери неодобрительно посмотрел на него. Между морской свинкой и шантажистом есть большая разница.

— Сгодится любое мелкое животное.

— У меня есть дохлая крыса, если вас устроит. Сдохла только утром, так что почти свежая.

— Вполне подойдет. Я ее беру.

Маленький трупик был завернут в бумагу, и Пембери схоронил его в своем чемоданчике. Отдав символическую плату, он направился к себе в гостиницу.

После скромного завтрака он вышел в город и посвятил весь день делам. Пообедав в ресторане, он в десять вечера вернулся в гостиницу и, взяв ключ, удалился в свой номер.

Но прежде чем раздеться, Пембери, заперев дверь, проделал в высшей степени странные манипуляции. Сняв наконечник с приобретенной трости, он острием напильника проделал в нем дыру и затем расширил ее так, что от наконечника остался лишь узкий ободок. Скатав шарик из ваты, он затолкал его в наконечник и, смазав нижний конец трости клеем, насадил наконечник и слегка нагрел над газовым пламенем, чтобы клей лучше схватился.

Покончив с тростью, Пембери перешел к одному из норвежских ножей. Прежде всего он сточил напильником желтый лак с ручки. Потом извлек

из пакета дохлую крысу и, положив зверька на лист бумаги, отрезал ему голову, после чего взял за хвост, дал крови стечь на нож и размазал ее по всему лезвию.

Положив нож на бумагу, он осторожно открыл окно. Из темноты внизу послышалось мяуканье. Швырнув туда крысиную голову и тело, Пембери закрыл окно. Потом вымыл руки, бросил в камин оберточную бумагу и лег спать.

Наутро Пембери предпринял не менее загадочные действия. Рано позавтракав, он вернулся к себе в номер и запер дверь. Повернув трость рукояткой вниз, привязал ее к ножке стола. Вынув щипцами пузырек с мускусной эссенцией и убедившись, что от него не пахнет, он вынул резиновую пробку. Потом с величайшей осторожностью налил половину чайной ложки эссенции на вату, торчащую из дыры в наконечнике, и подождал, пока жидкость полностью впитается. Потом то же самое проделал с ножом, накапав на его деревянную ручку эссенцию, которая легко впиталась в дерево. Покончив с этим, Пембери открыл окно и выглянул наружу. Прямо под его окном был крошечный дворик, в котором росла пара хилых лавровых кустов. Останков крысы не наблюдалось, скорее всего, их утащила кошка. Пембери выбросил пузырек и резиновую пробку в кусты.

Затем он вынул из несессера тюбик вазелина и, выдавив немного на пальцы, тщательно смазал края крышки футляра для кистей, чтобы уплотнить стык. Вытерев руки, он взял щипцами нож,

положил его в футляр и плотно закрыл крышку. Подержав щипцы над горящим газом, чтобы уничтожить запах, он положил их вместе с футляром в чемоданчик. Отвязал трость, стараясь не прикасаться к наконечнику, и, взяв чемоданчик и саквояж, вышел из гостиницы, держа трость за ее середину.

Найти пустое купе было несложно: пассажиры первого класса редко ездили по утрам. Дождавшись свистка кондуктора, Пембери вошел в купе, захлопнул дверь и положил трость на сиденье, так чтобы ее наконечник высовывался в окно. Доехав до Бейсфорда, он оставил саквояж в камере хранения и вышел в город, по-прежнему держа трость.

Дом Пембери находился к западу от станции на расстоянии около мили, и ровно на полпути к нему располагалось поместье генерала О'Гормана. Он хорошо знал это место. Бывший фермерский дом, к которому вела аллея старых деревьев. Ее отделяли от дороги железные ворота, которые играли чисто декоративную роль, поскольку аллея не имела ограждения и в нее легко можно было зайти с окружающих дом лугов по еле заметной тропинке, пересекавшей аллею. По ней и двинулся Пембери, задерживаясь у каждого забора, чтобы оглядеть окрестности. Наконец он добрался до аллеи и, пройдя между двумя деревьями, остановился и огляделся вокруг.

Некоторое время он стоял, прислушиваясь, но кроме шороха листьев до него не доносился ни единый звук. Здесь явно никого не было. Если

Пратт позволил себе отлучиться, значит, генерал сейчас в отъезде.

Пембери стал осматривать деревья, проявляя к ним необычный интерес. Рядом росли вяз и огромный дуб с толстым, покрытым наростами стволом, на высоте семи футов разделявшимся на три массивные ветки, каждая из которых была толщиной с приличное дерево. Самая большая из них простиралась на всю ширину аллеи, прикрывая ее, как навес. Этому старожилу Пембери уделил особое внимание: обойдя его вокруг, он положил под ним саквояж и трость, так чтобы ее наконечник не касался земли, и, цепляясь за наросты, стал карабкаться наверх. Едва он ступил на развилку, как послышался скрип ворот и быстрые шаги. Пембери скатился с дуба и, схватив свои пожитки, спрятался за огромным стволом.

«Только бы не увидели», — мысленно повторял он, прижимаясь к дереву и боязливо выглядывая из-за ствола. Вскоре на аллее появилась движущаяся тень, и Пембери прижался к стволу. Когда человек прошел, он, осторожно высунувшись, посмотрел вслед удаляющейся фигуре. Это был почтальон, знавший его, и Пембери счел за благо не показываться ему на глаза.

Дуб явно не отвечал его требованиям, и Пембери стал высматривать другое дерево. За вязом он заметил старый граб, причудливое дерево, ствол которого раструбом поднимался вверх, переходя в раскидистую крону, тянущую к небу руки-ветви, словно мифическая лесная нимфа.

Это дерево понравилось Пембери с первого взгляда, но он продолжал жаться к дубу, пока почтальон с веселым свистом не прошел обратно, оставив его в одиночестве. Тогда он решительно направился к грабу, крону которого отделяли от земли какие-нибудь шесть футов. Пембери мог легко достать ее рукой, в чем немедленно убедился. Прислонив трость к дереву — на этот раз наконецником вниз, — он вынул из чемоданчика футляр для кистей, откинул крышку и, взяв щипцами нож, пристроил их на ветке. Он уже собирался положить футляр в чемоданчик, но его посетила новая мысль. Понюхав сильно пахнущий футляр, он закрыл крышку и закинул его на дерево, где тот скатился в центральное углубление в стволе. Закрыв чемодан и взяв трость за ручку, Пембери вернулся на тропинку и, пройдя между вязом и дубом, двинулся в обратном направлении.

Его передвижение было не совсем обычным. Он шел крайне медленно, волоча за собой трость и поминутно останавливаясь, чтобы вдавить наконецник в землю. Любой, кто увидел бы Пембери в этот момент, счел, что тот пребывает в мечтательной задумчивости.

Пройдя луг, он не стал возвращаться на главную дорогу, а свернул в узкий переулок, выходящий на Хай-стрит как раз напротив полицейского участка, отличавшегося от окрестных домов лишь фонарем и объявлениями на распахнутой двери. Перейдя улицу, Пембери, все еще волочивший за собой трость, остановился у двери участка и,

поставив трость на ступеньку, стал читать объявления. В открытом проеме был виден человек, что-то пишущий за столом. Он сидел спиной к двери, но Пембери все же сумел разглядеть, что у него нет указательного пальца. Значит, это Джек Эллис, бывший охранник Портлендской тюрьмы.

Мужчина повернул голову, и Пембери его тотчас же узнал. Он часто встречал Эллиса на дороге в Торп, деревушку неподалеку от Бейсфорда, причем всегда в одно и то же время. Похоже, он ежедневно навещает в Торп — вероятно, чтобы получить отчет от тамошнего констебля, — выходя из участка между тремя и четырьмя часами и возвращаясь вскоре после семи. Пембери посмотрел на часы. Было как раз пятнадцать минут четвертого. Он задумчиво побрел прочь, снова держа трость за середину и медленно двигаясь в сторону Торпа, то есть в западном направлении.

Какое-то время Пембери был погружен в раздумья. Внезапно его хмурое лицо прояснилось, и он прибавил шагу. Дойдя до просвета в живой изгороди, он вышел в поле и, двигаясь параллельно дороге, вынул из кармана маленький кошелек из свиной кожи. Оставив там несколько шиллингов, он сунул наконечник трости в отделение, куда обычно кладут банкноты. После чего неторопливо двинулся дальше, осторожно неся трость, на конце которой висел смятый кошелек.

Дойдя до двойного поворота, откуда хорошо просматривалась дорога, Пембери сел у изгороди рядом с узким проходом. Изгородь надежно скры-

вала от взглядов прохожих — весьма, впрочем, немногочисленных, — не ограничивая обзора ему самому.

Прошло четверть часа, и Пембери забеспокоился. Неужели он ошибся и Эллис ходит в Торп не каждый день, а только иногда? Это, конечно, не катастрофа, но все же довольно досадно. Однако его размышления были прерваны появлением человеческой фигуры, бодро шагающей по дороге. Он тотчас же ее узнал. Это был Эллис. Но навстречу ему тоже кто-то шел. Похоже, это был фермер. Пембери уже приготовился сменить дислокацию, но скоро понял, что фермер пройдет мимо него первым, и стал терпеливо ждать. Фермер прошествовал мимо, а Эллис в этот момент скрылся за поворотом. Пембери просунул в проход трость, стряхнул с нее кошелек и подтолкнул его к середине дороги. Потом отполз от прохода в сторону приближавшегося пешехода и замер. Послышались размеренные шаги ничего не подозревавшего Эллиса, и, когда он прошел, Пембери отвел закрывавшую дорогу ветку и посмотрел вслед удалявшейся фигуре. Увидит ли Эллис кошелек? Он ведь не слишком заметен на земле.

Внезапно шаги затихли. Выглянув на дорогу, Пембери увидел, как полицейский нагнулся, поднял кошелек и, проверив его содержимое, сунул в карман брюк. Пембери с облегчением вздохнул и, когда Эллис исчез за поворотом, поднялся с земли и, потянувшись, быстро зашагал прочь.

Когда он проходил мимо скирд соломы, в голову ему пришла новая идея. Быстро посмотрев по сторонам, он подошел к одной из них, глубоко воткнул в нее трость и, взяв валяющуюся рядом палку, стал заталкивать трость внутрь, пока ее рукоятка полностью не скрылась в соломе. Теперь у него оставался один пустой чемоданчик — все остальные покупки лежали в саквояже, который пребывал в камере хранения. Пембери открыл чемоданчик и втянул носом воздух. Запаха он не почувствовал, но тем не менее решил при первой же возможности избавиться и от этого приобретения.

Когда он вышел на дорогу, мимо проехала повозка, груженная мешками. Задний борт у нее был откинут. Догнав повозку, Пембери незаметно сунул в нее свой чемоданчик и отправился на станцию за саквояжем.

Вернувшись домой, он сразу же прошел в спальню и, позвонив экономке, велел подавать обед. Потом снял с себя одежду, включая рубашку, галстук и носки, и положил все в кофр, где хранились его летние вещи, пересыпанные от моли нафталином. Достав из саквояжа пакетик с марганцовкой, Пембери направился в ванную комнату, где высыпал кристаллы в ванну и пустил воду. Вскоре ванна наполнилась розовым раствором, и Пембери погрузился в него полностью, не забыв намочить волосы. Спустив воду, он ополоснулся чистой водой и, насухо вытершись полотенцем, вернулся в спальню, где оделся во все чистое. Плотно пообедав, он растянулся на диване, чтобы

немного отдохнуть. В половине седьмого Пембери был уже на станции и ждал поезда рядом с платформой, куда не попадал свет единственного фонаря. Он видел, как из поезда вышли пассажиры, один из которых зашагал по дороге в Торп. Это был Пратт, с самодовольным и веселым видом торопившийся к месту встречи. Ботинки его торжественно скрипели на ходу.

Пембери последовал за ним, сохраняя безопасную дистанцию и ориентируясь по звуку его шагов. Убедившись, что Пратт направляется к аллее, Пембери поспешил туда же, но уже через луга.

Очутившись в темноте аллеи, он первым делом пробрался к грабу и, запустив руку в его крону, убедился, что щипцы с ножом на месте. Потрогав их железные кольца, он успокоился и медленно пошел по аллее. Второй нож, уже раскрытый, лежал в левом внутреннем кармане плаща, и Пембери время от времени касался его рукоятки.

Наконец ворота зловеще проскрежетали, и слышался ритмичный скрип ботинок. Пембери, не торопясь, двигался навстречу, пока из темноты не вынырнула расплывчатая фигура.

— Это вы, Пратт?

— Собственной персоной, — весело ответил тот. — Ну что, приволок деньжонки, старина?

Оскорбительная фамильярность несколько не покорила Пембери, а лишь укрепила его решимость.

— Конечно, но нам надо четко обо всем договориться.

— Послушай, дорогой, у меня нет времени на трепотню. Вот-вот появится генерал, он с другом едет сюда из Бингфилда. Давай бабки, а языки будем чесать в другой раз.

— Все это прекрасно, но вы должны понять...

Пембери вдруг замолчал и остановился. Они уже поравнялись с грабом, и он поднял голову, вглядываясь в крону.

— Что там такое? — заинтересовался Пратт. — На что ты уставился?

Он тоже задержался, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

И тут Пембери выхватил нож и со всей силой всадил его в широкую спину бывшего тюремщика, точно под левую лопатку. Дико вскрикнув, Пратт повернулся и обхватил руками нападавшего. Сил ему было не занимать, и через минуту он уже держал Пембери за горло. Но тот, прижавшись к нему всем телом, продолжал наносить удары с яростью скорпиона, и скоро Пратт захрипел и забулькал горлом. Наконец он рухнул на землю, накрыв Пембери своим тяжелым телом. Борьба была окончена. Издав последний булькающий звук, Пратт ослабил хватку и через мгновение затих. Столкнув его с себя, Пембери поднялся с земли, весь дрожа и тяжело дыша. Времени у него было в обрез. Он не предполагал, что будет столько шума. Подойдя к грабу, он потянулся рукой к веткам. Пальцы нащупали кольца щипцов, держащих нож, он перенес его к трупу, бросив на землю в нескольких футах от тела. Потом вернулся к де-

реву и снова просунул щипцы в крону. Вдруг на аллее раздался женский голос:

— Это вы, мистер Пратт?

Вздвогнув, Пембери на цыпочках подошел к телу. Надо любой ценой забрать второй нож. Труп лежал на спине, в которой все еще торчал нож, всаженный по самую рукоятку. С трудом приподняв тело, Пембери попытался вытащить лезвие. А голос между тем слышался все ближе.

Наконец он выдернул нож и сунул его во внутренний карман плаща. Труп опять завалился на спину, и Пембери, задыхаясь, выпрямился.

— Мистер Пратт! Вы здесь?

Голос раздался так близко, что Пембери испуганно вздрогнул. Быстро обернувшись, он увидел между деревьями свет. Потом услышал громкий скрип ворот, и по гравию застучали копыта лошади.

Пембери удивленно застыл. Он никак не ожидал, что есть лошадь. Теперь намерение ретироваться в Торп через луга вряд ли осуществимо. Если же его застанут здесь, все пропало — руки и одежда у Пембери в крови, не говоря о ноже во внутреннем кармане.

Но замешательство длилось недолго. Он вдруг вспомнил про дуб и, подбежав к нему, вскарабкался на ствол, стараясь не запачкать его кровью. Нижняя ветвь была не меньше трех футов в диаметре, и когда он лег на нее, плотно завернувшись в плащ, то снизу стал совершенно незаметен.

Не успел он устроиться на ветке, как на аллее показалась женщина с фонарем в руке. И в тот же момент с противоположной стороны на дорожку упал яркий луч света. Всадника сопровождал велосипедист.

Заметив женщину, всадник громко спросил:

— Что случилось, миссис Партон?

В это время фонарь велосипеда осветил распростертое тело. Мужчины одновременно вскрикнули, женщина завизжала. Всадник соскочил с лошади и подбежал к труп.

— Да это Пратт! — воскликнул он и, увидев лужу крови, добавил: — Похоже, здесь произошло преступление, Хэнфорд.

Тот пошарил фонарем вокруг тела.

— Что это там за вами, О'Горман? — вдруг спросил он. — Да это же нож!

Он хотел его поднять, но О'Горман предостерегающе вскинул руку.

— Не прикасайтесь к нему! — воскликнул он. — Мы дадим понюхать его собакам. Они уж точно разыщут негодяя, кто бы это ни был. Считайте, что он у нас в руках.

Торжествуяще взглянув на нож, генерал повернулся к своему другу:

— Поезжайте в полицейский участок, до него всего три четверти мили, так что через пять минут будете там. Пришлите или привезите сюда полицейского, а я тем временем прочешу луга. Если не поймаю этого типа, мы дадим собакам нож, и они вмиг нападут на след.

— Будет сделано, — коротко ответил Хэнфорд и, сев на велосипед, исчез в темноте.

— Миссис Партон, — обратился к женщине О'Горман, — проследите, чтобы в мое отсутствие этот нож никто не трогал.

— Мистер Пратт мертв? — всхлипнула миссис Партон.

— Черт! Я об этом как-то не подумал. Посмотрите сами, но ни в коем случае не трогайте нож, иначе спутаете все запахи.

Вскочив в седло, генерал поскакал в сторону Торпа. Слушая топот копыт, Пембери радовался, что не попытался сбежать: О'Горман устремился в том направлении, которое он выбрал для отступления, и был бы без труда достигнут в полях.

Как только генерал удалился, миссис Партон, испуганно оглядываясь, подошла к трупу и осветила фонарем мертвое лицо, но тут же, вздрогнув, отшатнулась — на аллее послышались шаги.

— Что случилось, миссис Партон? — окликнул ее знакомый голос.

Вопрос задала одна из горничных, которая отправилась на поиски экономки в сопровождении молодого человека.

— Боже правый! — воскликнул он, выйдя на свет. — Кто это?

— Мистер Пратт, — ответила миссис Партон. — Его убили.

Девушка вскрикнула и вместе с парнем в ужасе уставилась на труп.

— Только не трогай нож, — распорядилась миссис Партон, видя, что парень собирается его

поднять. — Генерал хочет, чтобы его понюхали ищейки.

— Так, значит, он приехал? — спросил парень.

Ответом ему был топот копыт. Натянув поводья, генерал остановился около слуг.

— Так он мертв, миссис Партон?

— Боюсь, что да, сэр.

— Ах так! Ну, тогда надо послать за доктором. Нет, Бейли, ты оставайся здесь. Возьми собак и жди моей команды.

Генерал снова ускакал в поля, а Бейли поспешил на псарню, оставив женщин наедине с трупом.

Пембери было очень неудобно на дереве. Но от женщин его отделяло несколько ярдов, и он не смел даже пальцем пошевелинуть. Увидев огоньки, движущиеся по дороге из Бейсфорда, он вздохнул и снова напрягся. Потом они исчезли за деревьями, и вскоре на аллее послышался шум колес, замелькал свет, и появились три велосипедиста — мистер Хэнфорд, инспектор полиции и сержант. Вскоре на лошади прискакал генерал.

— А Эллис тоже с вами? — спросил он, спешившись.

— Нет, сэр. Эллис еще не вернулся из Торпа. Сегодня он что-то припозднился.

— Вы послали за доктором?

— Да, сэр. Я послал за доктором Хилсом, — ответил инспектор, прислонив свой велосипед к дубу. Пембери почувствовал запах от его фонаря и крепче вжался в сук. — Пратт мертв?

— Похоже на то, — ответил О'Горман. — Но оставим решать доктору. Убийца оставил здесь нож. К нему никто из нас не прикасался. Я намерен пустить в дело своих собак.

— Это мысль, — согласился инспектор. — Убийца вряд ли успел далеко уйти.

Он с довольным видом потер руки, и генерал, пустив лошадь в галоп, поскакал по аллее. Через минуту из темноты послышался громкий лай и торопливые шаги, и в круге света появились три поджарые собаки, рвущиеся с поводков, которые держали двое мужчин.

— Возьмите собаку, инспектор! — крикнул генерал. — Я не справлюсь с обеими.

Инспектор схватил один из поводков, и генерал подвел свою собаку к лежащему на земле ножу. Осторожно выглянув из-за ствола, Пембери с любопытством наблюдал, как здоровенная псина, наморщив высокий лоб, подозрительно обнюхивала нож. Потом собака забегала вокруг, опустив голову к земле, громко залаяла и, метнувшись между дубом и вязом, потащила генерала в луга.

Собака инспектора тоже понюхала нож, и вскоре тот последовал за генералом, увлекаемый рванувшей по следу ищейкой.

— Эти уж не ошибутся, как пить дать, — заявил Бейли, выводя на сцену следующего пса. — Сейчас увидите...

Однако слова его были прерваны резким рывком поводка, и в следующий момент собака умчалась вслед за другими, а за ней и мистер Хэнфорд.

Сержант осторожно поднял нож за кольцо и, завернув его в носовой платок, опустил в карман. После чего бросился в поле вслед за ищейками. Пембери злорадно усмехнулся. Его план отлично сработал, несмотря на некоторые непредвиденные обстоятельства. Теперь нужно, чтобы эти две курицы поскорее ушли, тогда он сможет слезть с дерева и унести ноги. Слушая, как постепенно затихает лай, Пембери проклинал медлительность доктора. Черт бы его побрал! Он что, не понимает, что речь идет о жизни и смерти? Но вдруг затренькал звонок, на аллею упал луч света, и на месте трагедии появился невысокий пожилой мужчина, соскочив с велосипеда. Вручив его миссис Партон, он склонился над телом, пощупал пульс, оттянул веко и поднес к глазу горящую спичку.

— Плохо дело, миссис Партон, — объявил он, поднимаясь. — Бедняга мертв. Помогите мне перетащить его в дом. Вы двое возьмите его за ноги, а я буду поддерживать за плечи.

Пембери увидел, как они подняли тело и, с трудом переступая, направились по аллее к дому. Он слышал, как затихли шаги и хлопнула дверь особняка, но все еще медлил. Из лугов время от времени доносился собачий лай. Больше ничто не нарушало тишину. Наконец вернулся доктор и, сев на велосипед, уехал. Путь к отступлению был открыт. С трудом отойдя от дерева, Пембери быстро спустился вниз. Прислушавшись, крадучись пересек аллею, сделав небольшой круг, чтобы не попасть в свет фонаря, и зашагал по лугу.

Вокруг царили мрак и безмолвие. Пембери быстро шел вперед, взглядываясь в темноту и по-минутно останавливаясь, чтобы прислушаться. Но ни единый звук не долетал до его ушей, лишь изредка в отдалении лаяли собаки. Он знал, что недалеко от его дома есть канава с деревянным мостом, и держал путь именно туда, чтобы привести себя в надлежащий вид. Когда он наклонился, чтобы вымыть руки, нож выпал из нагрудного кармана и упал у самого края канавы. Нашупав его в мелкой воде, Пембери бросил нож подальше в ил. Потом вытер руки о какое-то водное растение, перешел через мостик и направился к дому.

Подойдя к нему с тыла, он удостоверился, что экономка сидит на кухне, тихо отпер дверь своим ключом и быстро прошел в спальню. Там тщательно вымылся в ванне, переменял одежду и спрятал все снятое в дорожную сумку. В это время раздался гонг, зовущий его к ужину. Сев за стол, бодрый и свежий, Пембери с веселым видом обратился к экономке:

— Завтра утром опять поеду в Лондон. Не успел покончить со всеми делами.

— Вы к вечеру вернетесь?

— Может, да, а может, и нет. Будет зависеть от обстоятельств.

От каких именно обстоятельств, он не уточнил. Мистер Пембери не был склонен к излишней откровенности. Как человек благоразумный, он предпочитал не болтать лишнего.

Глава 2

СЫЩИК ПРОТИВ ИЩЕЕК

*(в изложении Кристофера Джервиса,
доктора медицины)*

Те полчаса после завтрака, когда в комнате разгорается камин, а над утренней трубкой вьется ароматный дымок, пожалуй, самое приятное время суток. Особенно когда над городом нависло хмурое небо, по улицам гуляет холодный утренний ветер, а предостерегающие гудки буксиров, доносящиеся с реки, напоминают об упорных туманах — наследии только что ушедшей ночи.

Было раннее осеннее утро, и в гостиной весело горел камин. Протянув к огню ноги в домашних тапочках, я, как кошка, нежился в тепле, не отягощая свою голову размышлениями. Услышав недозвольное ворчание Торндайка, я лениво повернулся к нему. Он вырезал из утренней газеты какие-то заметки и, взяв одну из них, проговорил:

— Опять эти ищейки. Вероятно, скоро мы услышим о возвращении к испытанию огнем.

— В такое утро я бы от него не отказался, — воскликнул я, с удовольствием потягиваясь в кресле. — А что это за дело?

Но ответить Торндайк не успел. Громкий стук дверного кольца возвестил о приходе незваного гостя. Открыв дверь, Торндайк впустил инспектора полиции, а я встал спиной к камину, чтобы, поддерживая беседу, не лишать себя тепла.

— Я имею честь говорить с доктором Торндайком? — спросил инспектор.

Мой друг молча кивнул.

— Я инспектор Фокс из полиции Бейсфорда, сэр. Вы читали утреннюю газету?

Показав инспектору газетную вырезку, Торндайк придвинул к огню стул и спросил, успел ли тот позавтракать.

— Да, благодарю вас, сэр. Я приехал в город вчера поздно вечером и остановился в гостинице. Вы, вероятно, уже знаете, что пришлось арестовать одного из наших людей. Это весьма неприятно.

— Еще бы, — согласился Торндайк.

— Страдает престиж полиции. Но ничего другого нам не оставалось. И все же мы бы хотели дать обвиняемому шанс. Это ведь и в наших интересах. Поэтому старший констебль решил обратиться к вам, чтобы вы высказали свое мнение и, возможно, выступили на стороне защиты.

— Тогда я должен знать все обстоятельства дела, — заявил Торндайк, вынимая из ящика стола блокнот и опускаясь в кресло. — Начните с самого начала и расскажите все, что известно.

Слегка откашлявшись, инспектор приступил к изложению событий:

— Начнем с убитого: его имя Пратт, он бывший тюремный надзиратель, работал управляющим у генерала О'Гормана, отставного начальника тюрьмы. Возможно, вы слышали о нем в связи с его знаменитыми ищейками. Итак, вчера Пратт вернулся из Лондона поездом, который прибыл в Бейсфорд

в шесть часов тридцать минут вечера. Его видели проводник, кондуктор и носильщик. Последний утверждает, что Пратт покинул станцию в шесть тридцать семь. Дом генерала О'Гормана находится в полумиле от станции. Без пяти минут семь генерал, а вместе с ним джентльмен по имени Хэнфорд и экономка генерала миссис Партон обнаружили тело Пратта на аллее, ведущей к дому. Его зарезали — рядом с телом было много крови и валялся складной норвежский нож. Миссис Партон показалось, что кто-то в аллее зовет на помощь, и она вышла с фонарем, поскольку как раз в это время должен был вернуться Пратт. Она встретила там генерала с мистером Хэнфордом, и все трое заметили тело одновременно. Мистер Хэнфорд приехал к нам на велосипеде, чтобы сообщить о случившемся. Мы сразу же послали за доктором, после чего вместе с сержантом и мистером Хэнфордом поехали на место преступления, куда и прибыли в семь часов двенадцать минут. Генерал уже успел обскákat на лошади все окрестные поля, но так никого и не увидел. Тогда он привел своих ищеек и дал им понюхать нож. Все три собаки сразу же взяли след — я держал на поводке одну из них — и потянули нас в луга. Пробежав через луг, они вывели нас в город, пересекли дорогу и все как одна напрямик направились к полицейскому участку, ворвались туда через открытую дверь и кинулись к столу, за которым сидел наш внештатный сотрудник Эллис. Собаки прямо из кожи вон лезли, чтобы в него вцепиться, и нам стоило немалых трудов

удержать их на поводках. А Эллис, тот сразу побледнел как полотно.

— А в помещении еще кто-нибудь был? — спросил Торндайк.

— Да. Там сидели два констебля и посыльный, но собаки не обратили на них никакого внимания. Они стремились только к Эллису.

— И что вы сделали?

— Арестовали Эллиса. А как еще мы могли поступить? Тем более в присутствии генерала.

— А он тут при чем?

— Он мировой судья и бывший начальник Дартмурской тюрьмы. И потом, это же его собаки напали на след. Хотя мы в любом случае арестовали бы Эллиса.

— Против него есть какие-нибудь улики?

— Имеются. Они с Праттом здорово не ладили, хотя раньше были приятелями: Эллис служил охранником в Портлендской тюрьме, а Пратт был там тюремщиком. Потом Эллиса комиссовали, потому что он лишился пальца на левой руке. А недавно у них произошла ссора из-за женщины, горничной генерала. Эллис, женатый, стал уделять ей слишком много внимания — хотя, может, Пратту только так показалось, — но он выставил Эллиса вон. И с тех пор они друг с другом не разговаривали.

— А что за человек этот Эллис?

— Очень порядочный парень, тихий, спокойный, незлобивый. О таких говорят, что и мухи не обидит. У нас все его любили, причем гораздо

больше, чем Пратта. Бедняга Пратт был скрытный и себе на уме.

— Вы обыскали Эллиса?

— Конечно. Ничего подозрительного не нашли, разве что у него оказалось два кошелька. Но он сказал, что один из них — маленький такой, из свиной кожи — нашел вчера по дороге в Торп, и у нас нет никаких оснований ему не верить. Во всяком случае, этот кошелек Пратту не принадлежал.

Торндайк что-то пометил в блокноте, потом спросил:

— На его одежде не было пятен крови?

— Нет. Ни крови, ни грязи. Она была в полном порядке.

— А порезов, царапин или синяков вы на нем не заметили?

— Нет.

— В котором часу вы арестовали Эллиса?

— Ровно в половине восьмого.

— Вы проследили его передвижения в тот день?

Он мог оказаться рядом с местом убийства?

— Да, он ходил в Торп и на обратном пути должен был пройти мимо ворот аллеи. В этот вечер он вернулся в участок позже обычного, хотя ему приходилось задерживаться и раньше.

— Теперь об убитом. Тело осмотрели?

— Да. Перед уходом я прочитал протокол доктора Хилса. На теле имелось семь глубоких ран, и все на левой стороне спины. Земля была залита кро-

вью, и доктор считает, что Пратт умер от потери крови уже спустя пару минут.

— Раны соответствуют размеру найденного ножа?

— Я спрашивал у доктора, и он сказал «да», хотя и не мог поклясться, что удары были нанесены именно этим ножом. Но это не так уж важно. На ноже была кровь, и он лежал рядом с телом.

— И как вы с ним поступили?

— Сержант поднял его, завернул в носовой платок и положил в карман. Потом я его забрал и спрятал в чемоданчике для вещественных доказательств.

— Есть какие-нибудь свидетельства, что этот нож принадлежал Эллису?

— Нет, сэр.

— На месте преступления остались отпечатки ног или следы борьбы?

Инспектор виновато улыбнулся:

— Я не осматривал землю, сэр, но после того, как на ней потоптались собаки, генеральская лошадь и сержант с мистером Хэнфордом, вряд ли это имело смысл.

— Согласен. Ну, что же, инспектор, я готов выступить на стороне защиты. Мне кажется, что улики против Эллиса не слишком убедительны.

Инспектор искренне удивился:

— Мне так не показалось, сэр.

— Нет? Впрочем, это мое личное мнение. Думаю, надо поехать с вами и все посмотреть на месте.

Инспектор радостно согласился. Снабдив его газетой, мы удалились в лабораторию, чтобы согласовать план действий и подготовиться к экспедиции.

— Я полагаю, вы тоже поедете, Джервис? — поинтересовался Торндайк.

— Если от меня будет какой-нибудь толк.

— Конечно, будет. Две головы лучше, чем одна. И мне почему-то кажется, что в данной ситуации только эти головы и смогут рассуждать здраво. Мы возьмем с собой наш волшебный чемоданчик и фотоаппарат. Поезд от Чаринг-кросс отходит через двадцать минут.

Первые полчаса Торндайк сидел в углу купе, изучая свои записи и задумчиво поглядывая в окно. Я видел, что ему интересно это дело, и старался не нарушать ход его мыслей. Наконец Торндайк отложил свои записи и, готовый к общению, стал набивать трубку. Инспектор, весь извертевшийся от нетерпения, с ходу задал вопрос:

— Значит, вы считаете, сэр, что у Эллиса есть шансы?

— Я считаю, что шансы имеются у его защиты. Улики против него достаточно шаткие.

Инспектор даже поперхнулся.

— А как же нож, сэр?

— Ну что нож? Чей это нож? Вы этого не знаете. На нем была кровь. А чья кровь? Этого вы тоже не знаете. Предположим, нож принадлежал убийце. Значит, на нем была кровь Пратта. В таком случае собаки привели бы вас к его телу, поскольку кровь

имеет очень сильный запах. Однако они этого не сделали, полностью проигнорировав убитого. Отсюда следует, что на ноже была еще чья-то кровь.

Инспектор снял фуражку и почесал затылок:

— Вы абсолютно правы, сэр. Нам всем это как-то не пришло в голову.

— Далее. Предположим, что нож принадлежал Пратту и он использовал его для самообороны. Но ведь это норвежский складной нож, довольно громоздкое орудие, которое не так-то просто открыть. Для этого требуется определенное время и две руки. Разве у Пратта обе руки были свободны? Разумеется, нет, ведь он боролся с нападавшим. На его теле семь ран, и все на левой стороне спины, что говорит о том, что он обхватил убийцу руками, а тот обхватил его. Из этого следует, что убийца действовал правой рукой, то есть он не левша. Если нож принадлежал Пратту, значит, на нем кровь убийцы. Следовательно, убийца был ранен. Но Эллис ведь не был ранен. Значит, он не убийца. Короче, нож нам ничем не поможет.

Инспектор надул щеки и медленно выпустил воздух.

— Это выше моего понимания. А как же с ищейками, сэр? Они же четко показали, что нож принадлежит Эллису. Как на это прикажете реагировать?

— Реагировать пока не на что. Ищейки ничем вам не помогли. Вы сделали из их поведения некие

выводы, которые не являются уликами и могут быть в корне неверными.

— Похоже, вы не слишком доверяете этим псам.

— Для следствия они совершенно бесполезны. Вы же не можете использовать ищейку в качестве свидетеля. Какие показания она может дать? Даже если ей что-либо известно, сказать-то она ничего не сможет. Все дело в том, что использование ищеек для раскрытия преступлений основано на ложных посылках. Да, американские плантаторы ловили с их помощью беглых рабов, причем довольно успешно. Но личности рабов были им хорошо известны, и задача состояла лишь в том, чтобы обнаружить, где они скрываются. Однако при раскрытии преступления главное не это. Сыщику надо установить личность неизвестного преступника, а не местонахождение какого-то определенного человека. А для этой цели ищейки совершенно бесполезны.

— Теперь возвратимся к нашему делу, — продолжал Торндайк после небольшой паузы. — Мы использовали некое орудие — ищеек, — с которыми мы не можем входить в контакт, как говорят спириты, а медиума у нас нет. Ищейка обладает особым чутьем, которое у человека находится в зачаточном состоянии. Мы дали собаке понюхать нож, и она уловила определенный запах; такой же она учуяла на земле и на некоем человеке — Эллисе. Мы не можем проверить ее ощущения. Что остается? Только утверждать, что существует некая связь между запахами ножа и Эллиса. Но пока мы

не установим причину этой связи, ее вряд ли можно считать полновесной уликой. Все остальные «улики» — лишь плод вашего с генералом воображения. Так что пока против Эллиса нет никаких свидетельств.

— Но он находился рядом с тем местом, где произошло убийство.

— Как и многие другие. Но разве у него было время, чтобы умыться и сменить одежду? Ведь будь он убийцей, ему обязательно пришлось бы приводить себя в порядок.

— Скорее всего, — неуверенно согласился инспектор.

— Несомненно. Ведь на теле Пратта обнаружено семь ран, и вряд ли он стоял неподвижно, когда убийца наносил их. Расположение ран указывает на то, что была борьба. Мужчины сцепились друг с другом. Убийца обхватил Пратта двумя руками — одной держал его за спину, а другой наносил удары. Значит, на его руках должна быть кровь. Но вы сказали, что Эллис не был запачкан кровью, а времени и возможности вымыться и переодеться у него не было.

— Весьма загадочная история, — произнес инспектор. — Но я так и не понял, как объяснить поведение ищек.

Торндайк нетерпеливо пожал плечами.

— Дались вам эти ищейки! Главная проблема — это нож, и все вопросы возникают вокруг него. Чей он? Есть ли какая-то связь между ним и Эллисом? Подумайте над этим, Джервис, — сказал Торндайк,

поворачиваясь ко мне. — Возможные ответы хранят массу неожиданностей.

Когда мы сошли в Бейсфорде, Торндайк взглянул на часы и засек время.

— Проведите нас тем путем, по которому шел Пратт, — попросил он инспектора.

— Он мог пойти по дороге или по тропинке, разницы в расстоянии почти нет.

Мы зашагали по дороге в сторону Торпа и вскоре справа увидели тропинку.

— Она пересекает аллею как раз посередине, — объяснил инспектор. — Но нам лучше пойти по дороге.

Через четверть мили показались ржавые железные ворота, одна из створок которых была открыта. Войдя, мы очутились на широкой аллее с высокими деревьями, между которыми виднелись обширные луга. Над головой шелестела густая желтеющая листва.

Пройдя от ворот сто пятьдесят ярдов, инспектор остановился.

— Это здесь, — объявил он, и Торндайк отметил в блокноте время.

— Девять минут ровно. Значит, Пратт был здесь уже без четырнадцати минут семь, а тело нашли без пяти — то есть девять минут спустя. Убийца не мог далеко уйти.

— Да, запах был совсем свежий. Вы хотели осмотреть тело, сэр?

— Да, и нож, если можно.

— Тогда я должен послать за ним в участок.

Войдя в дом, он отправил посыльного с поручением, а потом повел нас к сараю, где лежал труп. Торндайк бегло осмотрел раны и отверстия в одежде, которые мало о чем свидетельствовали. Было только ясно, что они нанесены толстым односторонним лезвием, подобным тому, что было найдено у тела, а синева вокруг ран указывала на то, что у него был ободок, характерный для норвежских ножей, и удары наносились с дикой яростью.

— Вы обнаружили что-нибудь проливающее свет на преступление? — спросил инспектор, когда осмотр тела был завершен.

— Не могу ничего сказать, пока не увижу нож. А сейчас давайте сходим на место трагедии. Это ботинки Пратта, я полагаю?

Торндайк взял со стола массивные ботинки на шнурках и стал рассматривать подошву.

— Да, это его ботинки: следы от них ни с чем не спутаешь. Рисунок на подметке все равно что товарный знак.

— Мы заберем их с собой, — заявил Торндайк.

Инспектор взял у него ботинки, после чего мы вернулись к месту преступления. Его было легко определить по большому темному пятну на гравии с краю аллеи как раз напротив двух деревьев — старого граба и вяза. Рядом с вязом рос дуб с кряжистым стволом, который в семи футах от земли разделялся на три мощные ветви, одна из которых простиралась над аллеей. Земля между этими двумя деревьями была испещрена следами людей, собак и лошадиных копыт.

— Где был найден нож? — осведомился Торндайк.

Инспектор указал на место посередине аллеи почти напротив граба, и Торндайк отметил его, положив туда камень. Потом он задумчиво осмотрелся и медленно пошел к просвету между вязом и дубом, пристально разглядывая землю.

— Да, в следах здесь нет недостатка, — недовольно заметил он, глядя на истоптанную почву.

— Весь вопрос в том, чьи они, — отозвался инспектор.

— Сейчас разберемся. И начнем со следов Пратта.

— Не понимаю, чем это может нам помочь. Мы и так знаем, что он здесь был.

Торндайк удивленно взглянул на него. Должен признаться, что и меня озадачило столь простодушное замечание. Джентльмены из Скотленд-Ярда соображали гораздо быстрее.

— Вся эта шумная компания проходила между вязом и дубом, в других местах практически не топтано, — отметил Торндайк.

Он обошел вокруг вяза, по-прежнему внимательно изучая землю, и в конце концов заключил:

— Здесь на земле у границы с дерном имеются следы небольших ног в остроносых ботинках. Судя по размеру обуви и длине шагов, они принадлежат низкорослому человеку, который не относился к топтавшейся здесь компании. Но следов Пратта я рядом не вижу, похоже, тот не сходил с гравия.

Торндайк медленно направился к грабу, все так же не отрывая глаз от земли. Внезапно он оста-

новился и, нагнувшись, стал с интересом что-то изучать. Когда мы с Фоксом подошли, он выпрямился и объявил:

— Следы Пратта, слабые и фрагментарные, но не вызывающие сомнения. Теперь, инспектор, вы понимаете, насколько они для нас важны? Здесь главное — временной фактор. Посмотрите на этот отпечаток, а потом на тот.

Он указал на два нечетких следа убитого.

— Вы хотите сказать, что они свидетельствуют о борьбе?

— Я хочу сказать нечто большее. Один из следов Пратта отпечатался поверх маленького следа от остроносого ботинка, а второй, тот, что на краю гравия, оказался под ним. Значит, первый след остроносого ботинка был оставлен прежде следа Пратта, а второй — после него. Отсюда следует вывод, что обладатель остроносых ботинок был здесь в то же самое время, что и Пратт.

— Так, значит, он и есть убийца! — воскликнул Фокс.

— Вероятно. Но давайте посмотрим, куда он пошел потом. Заметьте, человек стоял рядом с этим деревом, — Торндайк указал на граб. — И пошел в сторону вяза. Давайте последуем за ним. Он проходит мимо вяза, его следы идут ровной цепочкой и не смешиваются со следами борьбы. Возможно, они появились уже после убийства. Мы также видим, что они находятся за деревьями, то есть рядом с аллеей. О чем это говорит?

— О том, что на аллее кто-то появился именно в тот момент, когда убийца готовился скрыться, — произнес я после того, как инспектор с безнадежным видом помотал головой.

— Совершенно верно. Тело было найдено через девять минут после появления здесь Пратта. Но ведь для убийства потребовалось какое-то время. Экономке показалось, что кто-то зовет на помощь, и она вышла с фонарем. И в это же время на аллее появились генерал с мистером Хэнфордом. Вполне логично предположить, что человек спрятался за деревьями, чтобы его не заметили. Давайте проследим, как идут следы. Мимо вяза и следующего дерева, но обратите внимание на одну деталь.

Торндайк зашел за большой дуб и посмотрел на землю у его корней.

— Здесь видны два следа, более глубокие, чем все остальные, и они не относятся к той цепочке следов, которая тянется вдоль деревьев, поскольку обращены носками к дубу. Что вы об этом думаете?

Не дожидаясь ответа, он стал пристально рассматривать ствол, обратив особое внимание на корявый нарост в трех футах от земли. Прямо над ним на коре виднелась вертикальная отметина, как будто кто-то поцарапал дерево, а на земле лежал отломившийся сухой сучок. Указав на эти знаки, Торндайк поставил ногу на нарост и, приподнявшись, оказался на уровне кроны, где ствол разделялся на три толстые ветви.

— О, здесь имеется уже нечто более определенное! — воскликнул он.

Воспользовавшись еще одним наростом, он залез в крону и, быстро оглядевшись, кивнул сверху нам. Ступив на нарост, я поднял голову и вдруг заметил на стволе блестящий бурый след от руки. Взобравшись наверх, мы с инспектором встали на развилке ветвей, где нас уже ждал Торндайк. Посмотрев на верхнюю часть ветви, нависавшей над аллеей, увидели на ее покрытой лишайником поверхности красновато-коричневый отпечаток двух ладоней.

— Обратите внимание, что человек был небольшого роста. Иначе он не стал бы держаться за ветку так близко от развилки. И еще: вы видите, что оба указательных пальца у него на месте? Значит, это точно не Эллис.

— Вы хотите сказать, что отпечатки были оставлены убийцей, сэр? — усомнился Фокс. — Но это невозможно. Иначе означало бы, что он сидел на дереве и смотрел, как мы пускаем собак по его следу. Присутствие ищеек доказывает, что данный человек никак не мог быть убийцей.

— Как раз наоборот: присутствие человека с окровавленными руками лишь подтверждает, что собаки так и не напали на след убийцы. Сейчас я поясню, инспектор. Вот лежит убитый, и на руках убийцы наверняка осталась его кровь; а вот человек с окровавленными руками прячется на дереве в нескольких футах от трупа, который вот-вот будет обнаружен. Что из этого следует?

— Но вы забываете о ноже и ищейках, сэр, — возразил инспектор.

— Да полно вам, старина! Опять про этих ищейек. Просто какая-то идея фикс. Но я вижу, сюда идет сержант. Надеюсь, он принес нож и мы сумеем разгадать загадку.

Сержант, принесший небольшой чемоданчик, с некоторым изумлением взирал, как мы спускаемся с дерева. Подойдя ближе, он отдал честь и вручил чемоданчик инспектору, который достал оттуда что-то завернутое в носовой платок.

— Вот нож, сэр. В том виде, в котором я его получил. Платок принадлежит сержанту.

Развернув платок, Торндайк критически взглянул на большой норвежский нож, после чего отдал его мне. Пока я рассматривал лезвие, он, встряхнув платок, осмотрел его с обеих сторон и повернулся к сержанту:

— В какое время вы подняли нож?

— Приблизительно в семь часов пятнадцать минут, сэр, сразу после того, как собаки бросились по следу. Я поднял его за кольцо и сразу же завернул в платок.

— В семь пятнадцать. Меньше чем через полчаса после убийства. Немного странно. Посмотрите на этот платок. Нет ни пятнышка, значит, когда вы подняли нож, кровь на нем уже высохла. Но осенью довольно сыро и все сохнет медленно, если вообще просыхает. Похоже, что на ноже, брошенном на землю, кровь успела засохнуть. Кстати, сержант, чем вы надушили свой платок?

— Надушил, сэр? — обиженно переспросил сержант. — Да я сроду не пользовался никакими одеколонами.

Торндайк протянул ему платок, и сержант недоверчиво поднес его к носу.

— И правда духами пахнет. Но это, наверное, от ножа.

Мне пришла в голову та же мысль, я поднес ручку к носу и ощутил сладковатый запах мускуса.

Когда все мы перенюхали платок и нож, инспектор произнес:

— Вопрос в том, откуда идет такой запах: от ножа или от платка?

— Вы слышали, что сказал сержант? — спросил Торндайк. — Платок не был надушен, когда в него заворачивали нож. Знаете, инспектор, этот запах наводит меня на очень любопытное предположение. Рассмотрим обстоятельства этого дела: по горячим следам мы выходим на Эллиса, на котором тем не менее не обнаруживаем ни единой царапины или пятна крови; на такое несоответствие я указывал еще в поезде; теперь находим этот нож, который был брошен с уже высохшей кровью и благоухает мускусом. На мой взгляд, это тщательно спланированное преступление. Убийца знал о генеральских ищейках и использовал их как прикрытие. Он нарочно бросил здесь окровавленный и пахнувший мускусом нож, чтобы навести собак на ложный след, который также имел запах мускуса и каким-то образом был проложен по земле. Это лишь предположение, но его стоит рассмотреть.

— Но, сэр, если убийца дотрагивался до этого ножа, на нем тоже должен был остаться запах, — с жаром отметил инспектор.

— Правильно, но, допуская, что преступник не совсем дурак, мы можем предположить, что он к ножу не прикасался, заранее спрятал его где-нибудь наверху, а потом сбил вниз палкой, не трогая руками.

— Может, как раз на этом дереве, сэр? — предположил сержант, указывая на дуб.

— Нет, убийца не стал бы прятаться на дереве, где раньше лежал нож. Собаки могли учуять запах мускуса и кинуться к дереву вместо того, чтобы бежать по следу. Скорее всего, нож был спрятан рядом с тем местом, где его обнаружили.

Подойдя к камню, которым он обозначил это место, Торндайк продолжал:

— Видите, здесь рядом растет граб, крона у него низкая и раскидистая, как раз то, что нужно для невысокого человека. Посмотрим, есть ли там что-нибудь интересное. Лестницы у нас нет, так что придется вам ее заменить, сержант.

Тот с усмешкой согласился и, став рядом с грабом, нагнулся и крепко уперся руками в колени, как бы играя в чехарду. Ухватившись за толстую ветку, Торндайк взобрался на широкую спину сержанта и заглянул в крону. Потом раздвинул ветки и, ступив на край впадины, откуда они расходились, исчез в листве. Когда он снова появился, в руках у него было два довольно странных предмета: тигельные щипцы и черный лакированный фут-

ляр для кистей. Первый из них он протянул сверху мне, а вместе со вторым спрыгнул на землю.

— Эти вещи говорят сами за себя. Щипцами он держал нож, а в футляре принес его сюда, чтобы запах не пропитал одежду или сумку. Все было продумано до мелочей.

— Если так, то футляр должен пахнуть мускусом изнутри, — заметил инспектор.

— Несомненно. Но прежде чем мы его откроем, необходимо кое-что предпринять. Вас не затруднит передать мне йодоформ, Джервис?

Открыв лабораторный чемоданчик, обтянутый серым полотном, я достал оттуда предмет, похожий на крохотную перечницу, и вручил моему другу.

Держа футляр за металлическую ручку, он щедро обсыпал порошком его крышку. Потом сдул все лишнее, и оба полицейских радостно ахнули — на черной поверхности ясно обозначились отпечатки пальцев с отчетливым рисунком.

— Похоже, это правая рука, — заключил Торндайк. — А теперь займемся левой.

Он точно так же обработал корпус футляра, и когда излишек порошка был удален, на футляре появились многочисленные желтые следы.

Открыть крышку не составило труда, так как по краю она была смазана вазелином — вероятно, чтобы создать герметичность, — и когда ее сняли, из футляра пахнуло слабым запахом мускуса.

— Остальную часть следствия лучше провести в полицейском участке, там, кстати, мы сможем

сфотографировать отпечатки пальцев, — сказал Торндайк, закрывая крышку.

— Самый короткий путь — через луга, — подсказал Фокс. — Именно так побежали собаки.

Туда мы и отправились, возглавляемые Торндайком, который бережно нес футляр за ручку.

— Одного не понимаю: как Эллис угодил в эту историю, — недоумевал инспектор, шагая по лугу. — Они ведь с Праттом повздорили и избегали друг друга.

— А я понимаю, — отозвался Торндайк. — Вы сказали, что оба они служили в Портлендской тюрьме, причем в одно и то же время. Похоже, это убийство дело рук бывшего заключенного, которого узнал и шантажировал Пратт, возможно, вместе с Эллисом. Поэтому для нас так важны отпечатки пальцев. Если убийца сидел в тюрьме, его пальчики есть в Скотленд-Ярде. В ином случае нам от них мало проку.

— Это правда, сэр. Я так понимаю, вы желаете встретиться с Эллисом?

— Но прежде мне бы хотелось увидеть кошелек, о котором вы упомянули. Может быть, он дополнит картину.

Когда мы пришли в участок, инспектор отпер сейф и вынул оттуда сверток.

— Это вещи Эллиса. А вот его кошелек, — сказал он, протягивая Торндайку небольшой кошелек из свиной кожи.

Понюхав его изнутри, мой коллега протянул кошелек мне. Запах мускуса был достаточно отчетлив.

— Вероятно, все, что было в свертке, тоже пахнет мускусом, — предположил Торндайк, обнюхивая каждый предмет. — Однако пахнет только кошелек. Больше ни от чего такой запах не исходит. Возможно, меня подводит обоняние. А теперь я могу поговорить с Эллисом?

Взяв ключ, сержант пошел к камерам, откуда вскоре вернулся с узником — высоким плотным мужчиной, пребывающим в крайне подавленном состоянии.

— Не дрейфь, Эллис, — подбодрил его инспектор. — Доктор Торндайк приехал нам помочь, и он хочет задать тебе пару вопросов.

С надеждой взглянув на Торндайка, Эллис воскликнул:

— Да я ничего не знаю об этом деле, сэр, Богом вам клянусь!

— Ничуть не сомневаюсь, но мне бы хотелось кое-что от вас услышать. Начнем с кошелька: где вы его нашли?

— По пути в Торп, сэр. Он лежал как раз посередине дороги.

— Кто-нибудь еще там проходил? Вы кого-нибудь встретили по дороге?

— Да, сэр. За минуту до этого я встретил фермера. Не понимаю, как он мог не заметить этот кошелек.

— Вероятно, кошелек там просто не было. А изгородь там есть?

— Да, сэр, живая изгородь на невысоком валу.

— Ха! А теперь скажите, вы, случайно, не видели здесь кого-нибудь из ваших бывших подопеч-

ных? Проще говоря, какого-нибудь экс-заключенного, которому вы с Праттом чем-то насолили?

— Нет, сэр, клянусь. Но за Пратта не поручусь. У него редкая память на лица.

Торндайк на минуту задумался.

— А во время вашей службы были побеги?

— Только один раз. Сбежал заключенный по имени Доббс. Он прыгнул в море, когда был сильный туман, и считался утонувшим. Одежду его прибило к берегу, но тела так и не нашли. Потом о нем никто не слышал.

— Благодарю вас, Эллис. Вы не возражаете, если я возьму у вас отпечатки пальцев?

— О чем речь, сэр, — с готовностью согласился тот.

Потребовав штемпельную подушечку, Торндайк получил отпечатки пальцев подозреваемого и, сравнив их с теми, что были на футляре, не нашел между ними никакого сходства, после чего Эллис вернулся в камеру в чрезвычайно приподнятом настроении.

Сфотографировав отпечатки на футляре, мы отправились на станцию, забрав с собой негативы. Пока ждали поезд, Торндайк давал последние наставления инспектору.

— Учтите, что убийца мог вымыть руки, прежде чем показаться на публике. Осмотрите каждый пруд, канаву или ручей в окрестности: возможно, вы найдете там такие же следы, как и на аллее. А если найдете, исследуйте дно — возможно, он бросил нож в воду.

Фотографии, которые мы в тот же вечер доставили в Скотленд-Ярд, позволили опознать отпечатки: они принадлежали Фрэнсису Доббсу, бежавшему из тюрьмы. В Бейсфорд послали два его фото — в профиль и анфас — с подробным описанием примет. Спустя некоторое время личность подозреваемого была установлена — им оказался некий таинственный джентльмен, уже два года живший в Бейсфорде под именем Руфуса Пембери. Однако найти его не удалось — ни в собственном уютном жилище, ни где-либо еще. Стало лишь известно, что на следующий день после убийства он обратил все свое движимое имущество в ценные бумаги на предъявителя, а затем бесследно исчез.

— Между нами говоря, он вполне заслуживает снисхождения, — заявил Торндайк, когда мы позже обсуждали раскрытое дело. — Это был явный шантаж, а убийство шантажиста, когда нет других способов защитить себя, вряд ли можно считать преступлением. Что касается Эллиса, то он в любом случае был бы оправдан, и Доббс-Пембери отлично об этом знал. Его бы судила выездная сессия суда присяжных, которая, как известно, собирается не чаще трех раз в год, а к этому времени все улики были бы утрачены. Надо отдать должное Доббсу — он весьма умен, решителен и находчив. И к тому же развеял миф о безошибочном чутье ищек.

Часть III

ЭХО МЯТЕЖА

Глава 1

СМЕРТЬ НА МАЯКЕ

Существует мнение, что дети и животные обладают некими чудесными способностями, непостижимыми для разума взрослых и стоящими неизмеримо выше любых соображений, диктуемых здравым смыслом. Это суждение, объясняемое любовью к парадоксам и весьма популярное среди населения, в основном среди дам определенного круга, для миссис Томас Солли являлось непреложной истиной.

— Просто диву даешься, как они все понимают, эти малые дети и твари бессловесные, — рассуждала она. — А вот поди ж ты, все видят насквозь. Их не проведешь. Умеют отличить золото от грязи и сердца человеческие читают словно книжку. Чудеса, да и только. Видно, чутье у них такое.

Высказав этот бесценный перл философской мысли, она по локти погрузила руки в корыто с мыльной водой и с обожанием взглянула на своего постояльца, сидевшего у двери и державшего на колене толстого полуторугодовалого младенца.

На другом его колене примостилась красивая полосатая кошка.

Джеймс Браун, пожилой моряк, маленький и щуплый, имел вкрадчивые манеры, был учтив и слегка хитроват. Но, как все моряки, он любил детей и животных и умел располагать их к себе. Вот и сейчас, когда он сидел, перекатывая пустую трубку в беззубых деснах, младенец радостно улыбался и пускал слюни, а кошка, свернувшись пушистым клубком, мурлыкала и восторженно перебирала лапами, словно собиралась примерить новую пару перчаток.

— Должно, скучно вам будет на маяке, — предположила миссис Солли. — Трое мужчин и никого вокруг, даже поговорить не с кем. Господи, представляю, какой там кавардак, без женщин. Некому присмотреть и навести порядок. Да и делать весь день, поди, нечего. Темнеет ведь сейчас поздно. Ума не приложу, как вы там станете коротать время.

— Да у меня будет много дел, — возразил Браун. — Лампы и стекла почистить да помыть, решетки покрасить. Кстати, мне уже пора, — добавил он, оглянувшись на часы. — В половине одиннадцатого начнется прилив, а сейчас уже восемь.

Поняв намек, миссис Солли начала торопливо вытаскивать из воды белье, скручивая его в короткие жгуты. Потом, вытерев руки о фартук, забрала у Брауна протестующего малыша.

— Комната всегда наготове, мистер Браун. Можете приходить, когда наступит ваш черед отдыхать. Мы с Томом будем только рады.

— Спасибо, миссис Солли, — ответил Браун, осторожно спустив кошку на пол. — А я пуще вашего буду рад.

Он приветливо пожал хозяйке руку, поцеловал младенца, потрепал кошку под подбородком и, закинув на плечо сундучок, вышел из дома.

Его путь лежал через болота, и, подобно кораблям в море, он прокладывал свой курс, ориентируясь по двум церковным шпилям Рекалвера, маячившим на берегу. Кудрявые овцы Тома Солли провожали его бессмысленными взглядами, напутственно бляя. Дойдя до ворот шлюза, он остановился и посмотрел на прекрасный кентский пейзаж: серую колокольню церкви Святого Николая у Брода, возвышавшуюся над кронами деревьев, мельницу в Сарре с медленно вращающимися крыльями под летним ветерком; одинокий сельский дом, где впервые в своей бурной жизни он познал простые радости мирного домашнего бытия. Но с ними пока придется распрощаться — впереди высился маяк. Чуть вздохнув, Браун прошел через ворота и двинулся в сторону Рекалвера.

На побеленном здании с черными трубами старшина береговой охраны устанавливал флагшток. Он весело приветствовал подошедшего Брауна.

— Явился, весь разодетый как на парад. Но у нас тут кое-какие проблемы. Утром при-

шлось плыть в Уайтстебл, так что я не смогу дать тебе лодку и провожатого.

— Мне что, добираться туда вплавь?

— Ну, не при таком же параде, старина, — улыбнулся старшина. — Есть еще лодка старого Уиллета. Он сегодня собирался в Минстер, чтобы повидать дочку, и разрешил нам попользоваться его посудинной. Но провожатого у меня нет, а за лодку я отвечаю.

— Ну и что с того? — усмехнулся Браун с непоколебимым апломбом моряка, уверенного в своей способности управлять парусной лодкой. — Думаешь, я не справлюсь с этим корытом? Я ходил в море еще десятилетним юнцом.

— Ну, ладно, а кто пригонит ее назад?

— Тот парень, которого я сменю. Ему тоже не с руки возвращаться вплавь.

Старшина направил подзорную трубу на проплывавшую баржу.

— Ладно, черт с тобой. Плохо, конечно, без провожатого. Но если ты ручаешься, что она вернется, так и быть, бери. Пойдем столкнем ее в воду. Время-то уже подпирает.

Взяв на подмогу двух своих сослуживцев, старшина отправился на берег, где лежала лодка Уиллета «Эмили». Это была дубовая гребная плоскодонка с просмоленным днищем и двумя парусами. Рассчитана она была на четверых, и, толкая ее по мягкому известняку, охранники обсуждали, не выкинуть ли балласт. Наконец лодку стащили к кромке воды, и пока Браун устанавли-

вал мачту, старшина давал ему последние наставления:

— Тебе надо воспользоваться приливом. Правь к северо-востоку, и северо-западный бриз подгонит тебя как раз к маяку. Только смотри, не слишком отклоняйся к востоку, а то отлив утащит тебя в море.

Но Браун, натягивающий паруса, оставил этот инструктаж без внимания. Наконец вокруг лодки запенилась приливная волна, и Браун, выставив весло, энергично оттолкнул ее от берега и, закрепив руль, сел и завел главный шкот на кнехт.

— Ну вот, и этот закрепляет шкот. Прямо руки у них чешутся, — проворчал старшина, хотя сам всегда поступал точно так же. — А потом лодки опрокидываются. Дай-то бог, чтобы старина Уиллет заполучил свою посудину обратно

Он немного постоял, глядя, как удаляющаяся лодка скользит по воде, и пошел обратно на пункт.

На юго-западной оконечности отмели Гедлер на длинных винтовых сваях стоял маяк, похожий на большую неуклюжую цаплю. Было время максимального прилива, и вода покрыла даже самые высокие подводные камни. Маяк одиноко возвышался над неподвижной гладью моря подобно судну, попавшему в штиль.

На галерее вокруг световой камеры находились два человека — вся команда маяка. Один из них сидел на стуле с вытянутой ногой, под которую была подложена подушка, а другой, положив

на перила подзорную трубу, вглядывался в серую полоску земли с двумя крошечными точками церковных шпилей Рекалвера.

— Не вижу никакой лодки, Гарри, — сообщил он.

Второй простонал:

— Так я весь прилив пропущу, и придется еще день здесь париться.

— Они могут отвезти тебя в Берчингтон и посадить в поезд.

— Только не поезд, — простонал инвалид. — Хватит с меня и лодки. Том, а мимо нас никто не должен проходить?

Том повернул лицо к востоку и козырьком приложил ко лбу руку:

— С севера подходит бриг. Похоже, это углевоз.

Он направил подзорную трубу на приближавшееся судно.

— У него две заплаты на носовом топселе, по одной на каждой шкаторине.

— А какой у него трисель, Том?

— Пока не вижу. А, вот теперь разглядел. Рыжий такой. Да это старушка «Утопия», Гарри. Только у нее ведь смоленный трисель.

— Послушай, Том, если это «Утопия», она как раз плывет в мой края. Капитан Мокет меня подбросит, он уж точно не откажет.

— Но ты должен дождаться сменщика, Барнет, — неуверенно произнес Том. — Это не по правилам — вот так бросать маяк.

— К черту правила! — рявкнул Барнет. — Мне нога важнее. Я не хочу стать калекой. Все равно от меня здесь никакого толка, а этот новый парень, Браун, рано или поздно причалит. Будь другом, Том, подай им сигнал.

— Ладно, дело твое. Честно говоря, я на твоём месте тоже бы смылся отсюда подлечиться.

Подойдя к шкафчику, он вынул два сигнальных флажка и, не торопясь, прикрепил их к фалу. Когда бриг подошел поближе, он, дернув фал, вывесил флажки, подавая сигнал «прошу помощи». На мачте брига тотчас же был поднят грязноватый ответный флажок, и углевоз, развернувшись, медленно направился к маяку. Потом с него была спущена лодка, и двое матросов энергично заработали веслами.

— Эй, на маяке! — крикнул один из них, когда лодка оказалась в пределах слышимости. — Что стряслось?

— Гарри Барнет сломал ногу и спрашивает, не подкинет ли его капитан Мокет в Уайтстебл.

Лодка повернула обратно к бригу и после коротких, но громогласных переговоров снова поплыла к маяку.

— Шкипер согласен! — прокричал матрос. — Только давай побыстрее, а то прилив кончается.

Пострадавший с облегчением вздохнул:

— Повезло. Черт, а как же я спущусь по лестнице? Что делать, Джефрис?

— Да я тебя на таях спущу. Сделаем петлю, ты в нее сядешь и будешь держаться за веревку.

— Идет. Только ты уж трави фал потихоньку, Том.

Все было подготовлено так быстро, что, когда лодка пришвартовалась к маяку, пострадавший, висевший на таях, словно гигантский паук, уже медленно спускался вниз, отчаянно чертыхаясь в такт поскрипыванию блоков. Его сундучок и сумка с инструментами последовали за ним, и как только их сняли с крючка, матросы стали быстро грести к дрейфовавшему кораблю. Больного подняли на борт, и бриг взял курс на юг к кентскому берегу.

Джефрис стоял на галерее, глядя на удалявшееся судно, с которого доносились постепенно затихавшие голоса матросов. Теперь, когда его грубоватый компаньон покинул маяк, он вдруг почувствовал себя непривычно одиноко. Все корабли уже прошли, и море выглядело пустынным и каким-то заброшенным. Черные точки буев и конусы бакенов, отмечавших мели, только усиливали ощущение пустоты, а звон колокола на одном из буев звучал таинственно и слегка зловеще. Вся дневная работа была сделана: линзы отполированы, лампы протерты, небольшой моторчик, приводивший в действие туманный горн, вычищен и смазан маслом. Оставались еще кое-какие мелочи, но у Джефриса не было настроения работать. Сегодня в его жизнь войдет новый человек, незнакомец, с которым он будет изолирован здесь на целый месяц и чей нрав, вкусы и привычки совершенно непредсказуемы: он может

оказаться вполне приятным компаньоном, или, наоборот, их ждут бесконечные распри и ругань. Кто такой этот Браун? Чем он занимался раньше? И как поведет себя сейчас? Вопросы роились в голове зрителя маяка, не давая ему сосредоточиться на чем-то другом.

Наконец Джефрис заметил на горизонте какую-то точку. Схватив подзорную трубу, он стал всматриваться в море. Да, это была лодка, но не катер береговой охраны, которого он ждал. Похоже на рыбацкую лодку с одним гребцом. Он со вздохом положил трубу и, набив трубку, облокотился на перила, задумчиво глядя на далекую полосу земли.

Уже три года он сидит здесь в уединении, столь ненавистном для его деятельной натуры. Три пустых безрадостных года с бесконечной чередой летних штилей, штормовых ночей и промозглых зимних туманов, когда невидимые пароходы гудят в пустоте, а туманный горн хрипло оповещает об опасности.

Как занесло его в это богом забытое место? И почему он торчит здесь, скрываясь от мира? В голове у него возникла картина, которая часто представала перед его внутренним взором. На ней все сияло яркими красками. Безоблачное небо над синим тропическим морем и белый барк, чуть покачивающийся на ласковых волнах. Паруса небрежно подняты, реи дергаются на обвисших канатах, а брошенный штурвал крутится вслед за раскачивающимся рулем.

Судно не брошено командой — на палубе не меньше дюжины матросов, но все они пьяны и спят мертвецким сном.

Потом он видит каюту. Судя по картам, компасу и хронометрам, это каюта капитана. В ней находятся четверо мужчин, двое из которых мертвы. Еще один, маленький, с плутоватым лицом, стоит на коленях рядом с трупом, вытирая нож о его одежду. Четвертым был он сам.

Потом двое убийц отплывают на лодке, а барк вместе со своей пьяной командой дрейфует в сторону полосы прибоя. Вскоре он исчезает в волнах, а позже двое моряков с потерпевшего крушение судна высаживаются на берег в американском порту.

Вот почему он здесь, убийца. Второй негодяй, Эмос Тодд дал против него показания в суде, так что едва удалось скрыться. И с тех пор он похоронил себя вдали от мира, скрываясь не от закона — теперь, когда вся команда корабля погибла, опознавать некому, — а от своего сообщника. Это страх перед Тоддом заставил его сменить имя с Джеффри Рорка на Тома Джефриса и обречь себя на пожизненное заключение в этом захолустье. Даже если Тодд умрет, а возможно, уже умер, он никогда об этом не узнает. И весть о его освобождении сюда не дойдет.

Джефрис еще раз посмотрел в телескоп. Лодка была уже значительно ближе и, похоже, направлялась к маяку. Возможно, сидящий в ней человек везет ему какое-то известие. Ведь катер береговой охраны так и не появился.

Он пошел на кухню, чтобы перекусить. Готовить было особенно нечего. Со вчерашнего дня осталось холодное мясо, а вместо картошки можно обойтись галетами. Он чувствовал себя не в своей тарелке, его угнетало одиночество и раздражал бесконечный плеск волн у подножия маяка. Когда он снова вышел на галерею, уже начался отлив и лодка была в миле от маяка. Через подзорную трубу он разглядел в ней человека в форменной фуражке маячно-лоцманской корпорации. Значит, это его будущий сослуживец, Браун, но почему он один? Кто тогда отгонит лодку обратно?

Бриз почти затих. Человек в лодке опустил парус и взялся за весла. Торопливость, с которой он греб, заставила Джефриса взглянуть на горизонт. С востока наползал туман, уже поглотивший бакен на восточной оконечности отмели. Он поспешил внутрь, чтобы включить компрессор для туманного горна, и некоторое время стоял над ним, чтобы удостовериться, что тот работает. Услышав звук горна, снова вышел на галерею.

Туман уже добрался до маяка, и лодка исчезла из виду. Джефрис прислушался. Казалось, туман поглотил и все звуки. Лишь время от времени сигналил горн и с песчаной отмели едва доносился скорбный звон колокола. Наконец он услышал приглушенный скрип весел в уключинах, и из тумана вынырнула лодка с призрачной фигурой, отчаянно машущей веслами. Тут проревел горн, и человек, оглянувшись по сторонам, сменил курс и стал грести к маяку.

Спустившись на нижнюю галерею, Джефрис встал у лестницы, внимательно наблюдая за приближавшимся незнакомцем. Он уже успел устать от одиночества и жаждал общения. Но кого посылает ему судьба? И какое место займет этот человек в его жизни?

Лодка быстро скользила под углом к приливной волне. Она подходила все ближе, но Джефрис по-прежнему не мог разглядеть лица своего будущего товарища. Наконец лодка достигла маяка и ткнулась в одну из опор. Вытащив из воды весло, незнакомец ухватился за ступеньку лестницы, и Джефрис кинул в лодку моток веревки. Лица мужчины по-прежнему не было видно.

Свесившись с лестницы, Джефрис с волнением наблюдал, как тот закрепляет веревку, снимает парус и убирает мачту. Пришвартовав лодку, незнакомец закинул на плечо свой сундучок и стал медленно подниматься по лестнице. Джефрис с растущим любопытством смотрел на него. Наконец мужчина добрался до верха, и Джефрис протянул ему руку. Тут незнакомец в первый раз поднял голову, и Джефрис, побелев, отшатнулся.

— Господь всемогущий! — ахнул он. — Да это же Эмос Тодд!

Туманный горн отозвался воплем, похожим на рев голодного чудовища. Джефрис молча отвернулся и стал подниматься по лестнице. Тодд последовал за ним. Они не произносили ни слова, и только стук шагов по железу нарушал тишину.

Так же молча Джефрис вошел в комнату и, повернувшись к своему компаньону, жестом указал, куда поставить сундучок.

— Что-то ты не больно разговорчив, дружище, — заметил Тодд, удивленно озираясь. — Может, поздороваемся? Надеюсь, мы поладим. Меня зовут Джим Браун, я новый смотритель. А тебя как звать?

Джефрис подвел его к окну.

— Взгляни на меня получше, Эмос Тодд, — жестко произнес он. — Может, и сам догадаешься, как меня звать.

При звуке его голоса Тодд вздрогнул и, подняв глаза, побелел как полотно.

— Не может быть, — прошептал он. — Да это же Джеф Рорк!

Хрипло рассмеявшись, тот тихо произнес:

— «Вот и нашел ты меня, о, враг мой!»

— Не говори так! — воскликнул Тодд. — Не называй меня врагом, Джеф. Господь свидетель, я рад, что мы встретились, хотя тебя и не узнаешь — совсем поседел и бороды нет. Я виноват перед тобой, Джеф, что и говорить, но какой толк ворошить прошлые обиды. Кто старое помянет, тому глаз вон. Правда ведь, Джеф? Мы ведь с тобой были приятелями.

Он вытер платком лицо и взглянул на бывшего товарища.

— Присядь, — сказал Рорк, указывая на расшатанное репсовое кресло, — и рассказывай, куда ты дел деньги. Видно, ты их все спустил, раз приплелся сюда.

— Меня ограбили, Джеф. Забрали до последнего пенни. Эх! Нам с этим дельцем не повезло с самого начала. Но с проклятой посудиною «Морской цветок» покончено, и что теперь вспоминать. Мы одни с тобой остались живы, так что бояться некого, если язык за зубами держать. Другие давно на дне морском, там им и место.

— Ну да, для тех, кто слишком много знал, лучше места не придумаешь. Кому на дно, а кому и в петлю.

Рорк начал мерить шагами маленькую комнату, и всякий раз, когда он приближался к креслу, Тодд испуганно втягивал голову в плечи.

— Что ты на меня уставился? Закурил бы, что ли, или еще чем занялся.

Тодд торопливо достал из кармана трубку и, набив ее табаком из кротового кисета, стал шарить по карманам в поисках спичек. Наконец он выудил одну и, чиркнув ею по стене, зажег трубку. Раскуривая табак, он не спускал глаз с Рорка, который, прекратив шагать по комнате, взял большой складной нож и стал строгать плитку табака, мрачно поглядывая на Тодда.

— Трубка засорилась, — сообщил тот, безуспешно втягивая воздух. — У тебя, случайно, нет куска проволоки, Джеф?

— Нет, — отрезал Рорк. — Надо будет потом купить в лавке. На, покури пока мою. У меня есть запасная.

На какое-то время морская солидарность взяла верх над враждебностью, и он кинул Тодду только

что набитую трубку. Тот с готовностью подхватил ее, кинув обеспокоенный взгляд на раскрытый нож. На стене за его креслом висела грубо сработанная полка с несколькими трубками, за одной из которых потянулся Рорк. Когда он навис над креслом, Тодд слегка побледнел.

— Ну, что, Джеф, станем друзьями, как бывало? — спросил он, пока Рорк настругивал новую порцию табака.

Рорк снова почувствовал злобу.

— Ты хочешь, чтобы я взял в приятели человека, который чуть не отправил меня на виселицу? Надо хорошенько подумать, а пока пойду проверю мотор.

Когда Рорк ушел, новый смотритель погрузился в раздумье. Сунув в рот подаренную трубку, он бросил свою засорившуюся на полку и потянулся за спичкой. Закурив, поднялся с кресла и стал прокрадываться к двери, поминутно оглядываясь и прислушиваясь. Выйдя на галерею, он, взглядевшись в туман, пошел на цыпочках к лестнице. Внезапно его остановил громкий голос Рорка:

— Эй, Тодд, куда это ты?

— Хочу покрепче привязать лодку.

— О лодке я сам позабочусь.

— Ладно, Джеф, — согласился Тодд, незаметно двигаясь к лестнице. — А где, кстати, тот парень, которого я должен сменить?

— Нет его здесь. Уплыл на углевозе.

Лицо Тодда посерело.

— Так, значит, мы одни, — ахнул он.

Потом, скрывая страх, спросил:

— А кто же отгонит назад лодку?

— Потом подумаем. А ты давай распаковывай вещички.

Рорк вышел на галерею, лицо его было мрачнее тучи. Испуганно взглянув на него, Тодд опрометью кинулся к лестнице.

— Назад! — рявкнул Рорк, бросаясь вслед за ним, но Тодд уже скатился вниз по ступенькам.

Когда Рорк подбежал к лестнице, беглец был уже внизу, но споткнулся и, вцепившись в перила, едва удержался от падения. Когда он выпрямился, едва сохранив равновесие, Рорк был уже прямо над ним. Тодд побежал к следующему пролету, но не успел взяться за стойку, как преследователь схватил его за воротник. Он мгновенно вывернулся и сунул руку под бушлат. Почувствовав удар, Рорк громко выругался, нож, крутясь, упал вниз на форпик лодки.

— Ах ты, подлая сволочь! — зловеще произнес Рорк, окровавленной рукой хватая беглеца за горло. — У тебя, как всегда, нож наготове? Значит, побежал на меня стучать?

— Да нет, что ты, Джеф, — задыхаясь, запротестовал Тодд. — У меня и в мыслях не было. Отпусти, Джеф. Я просто хотел...

Внезапно он высвободил руку и попытался ударить Рорка в лицо. Но тот, отклонив удар, изо всех сил толкнул противника. Тодд отлетел к самому краю площадки, где, с выпученными глазами и открыв рот, безуспешно пытался сохранить

равновесие, раскачиваясь и хватая воздух руками, но потом все же опрокинулся назад и, ударившись об опору, с криком полетел в воду. Однако удар его не оглушил, и вскоре он вынырнул и попытался плыть, сдавленным голосом призывая на помощь. Стиснув зубы и тяжело дыша, Рорк смотрел, как отлив уносит врага в море — его голова превращается в черную точку, а отчаянные крики становятся все слабее. Потом эту точку стал затягивать туман, и до маяка донесся последний отчаянный вопль. В ответ прогудел горн, голова исчезла и больше не показывалась над водой. Над морем повисла зловещая тишина, нарушаемая лишь отдаленным звоном церковного колокола.

Рорк некоторое время стоял неподвижно, о чем-то размышляя. К действительности его вернул гудок парохода. Начинаясь отлив, туман мог рассеяться в любой момент, а лодка все еще была здесь. Надо срочно избавиться от нее. Никто не видел, как она причалила, и когда лодка исчезнет, нельзя будет догадаться, что Тодд был здесь. Рорк сбегал по ступеням и прыгнул в лодку. Там был тяжелый балласт, и если она заполнится водой, камнем пойдет ко дну.

Передвинув несколько мешков с галькой, Рорк приподнял доски и вытащил затычку. В лодку сразу же хлынула вода. Оценив скорость струи и решив, что ее затопит уже через несколько минут, он положил на место доски, закрепил мачту с парусом, обмотав полотнище вокруг банки, и, отвязав лодку, прыгнул на лестницу.

Когда лодку стал уносить отлив, Рорк взбежал по лестнице на верхнюю галерею посмотреть, как она утонет. Внезапно вспомнив, сбежал вниз, забрал сундучок Тодда из комнаты и отнес на нижнюю галерею. Беспокойно оглядевшись, перекинул его через перила, и когда тот с громким плеском упал в воду, немного подождал, чтобы увидеть, как этот ящик поплывет вслед за своим владельцем и лодкой. Но он так и не всплыл, и Рорк вернулся на верхнюю галерею.

Туман стал редеть, и дрейфующая лодка была хорошо видна. Однако она погружалась в воду медленнее, чем можно было ожидать, и Рорк с растущей тревогой схватил подозрную трубу, чтобы ничего не упустить из виду. Не дай бог, лодку кто-нибудь увидит. Если ее обнаружат рядом с маяком, да еще без затычки, это будет полная катастрофа.

Рорк был близок к панике. В трубу он видел, что лодка заполнена водой и едва держится на плаву, но узкая кромка бортов все еще выступала над морской гладью, а туман быстро рассеивался.

Вдруг где-то рядом загудел пароход. Рорк посмотрел вокруг, но, ничего не увидев, снова навел трубу на тонущую лодку. Наконец у него вырвался вздох облегчения. Посудина закачалась, планшир исчез под водой, потом на секунду вынырнул, но вода уже хлынула через борта, и лодка стала медленно погружаться на дно.

Через несколько секунд лодка исчезла под водой. Рорк опустил трубу и глубоко вздохнул. Те-

перь ему ничего не грозит. Никто не видел, как утонула лодка. Мало того, теперь он свободен. Злой дух, проклятие всей его жизни, ушел навсегда, открыв ему дорогу в мир полноценного существования со всеми земными радостями.

Через несколько минут туман рассеялся. Солнце заиграло на красной трубе парохода, гудок которого так напугал его недавно, море и небо засверкали летней синевой, на горизонте появилась полоска земли. Рорк, весело насвистывая, остановил мотор, смотал веревку, которую он бросал Тодду, убрал сигнал о помощи и со спокойной душой приступил к одинокой трапезе.

Глава 2

ПОЮЩИЕ КОСТИ

*(в изложении Кристофера Джервиса,
доктора медицины)*

Любая научная деятельность сопряжена с определенной долей ручного труда, который не может быть выполнен самим ученым, поскольку «жизнь коротка, а искусство бессмертно». Химический анализ требует мытья оборудования и уборки лаборатории, на которые у химика просто нет времени. Чтобы изготовить скелет — размочить, отбелить, собрать и скрепить кости, — нужны люди, для которых время не столь драгоценно. И так обстоит дело в любой научной сфере. За спиной ученого с его обширными по-

знаниями всегда стоит незаменимый ассистент с его техническими навыками.

Полтон, ассистент Торндайка, мог служить живой иллюстрацией этого постулата — умелый, находчивый и неутомимый помощник. Он был своего рода гением в области изобретательства, и с помощью его прибора мы раскрыли преступление, о котором я хочу рассказать.

По роду занятий Полтон был часовщиком, однако сердце его принадлежало оптике. Он страстно занимался оптическими приборами и в один прекрасный день представил на наш суд усовершенствованную призму для газовых буюв. Торндайк тотчас же показал ее своему другу из правления маячно-лоцманской корпорации.

В результате мы трое — Торндайк, Полтон и я — в одно прекрасное июльское утро очутились на Миддл-Темпл-лейн и зашагали к пирсу. У понтона швартовался небольшой катер, с которого нас приветствовал краснолицый джентльмен с седыми бакенбардами.

— Отличное утро, доктор, — пробасил он зычным голосом морского волка. — В такой денек одно удовольствие пройти по реке. Привет, Полтон! Пришел, чтобы лишить нас куска хлеба? Ха-ха!

Его раскатистый смех смешался с рокотом мотора, и катер отошел от пирса.

Капитан Грампас был ветераном маячно-лодочной корпорации. Когда-то он обращался к Торндайку и, подобно многим его клиентам, пе-

решил в категорию друзей, не обделив своим расположением и нашего бесценного ассистента.

— Хорошенькое дело, — усмехнувшись, продолжал капитан. — Юристы и доктора теперь обучают нашего брата морскому делу, каково? Плохи, видно, у вас дела. Дьявол найдет, чем занять праздные руки, а, Полтон?

— Сейчас по гражданским делам не слишком много работы, зато по уголовным хоть отбавляй, — улыбнувшись, ответил Полтон.

— Ха! Все загадки разгадываете и тайны раскрываете? Кстати о загадках, доктор. У наших ребят возникла кое-какая проблемка, как раз по вашей части. И раз уж вы здесь, почему бы мне, черт возьми, не попользоваться вашими мозгами?

— Почему бы и нет? — отозвался Торндайк.

— Ладно, по рукам!

Капитан зажег сигару и, сделав несколько затяжек, начал излагать:

— Короче говоря, вот в чем загвоздка. Один из наших зрителей исчез, просто как сквозь землю провалился. Может, дал деру, утонул или его убили. Но давайте все по порядку. В конце прошлой недели баржа привезла в Рэмсгейт письмо с маяка, что на отмели Гедлер. Там только два зрителя, и один из них, Барнет, сломал ногу и попросил, чтобы за ним прислали катер. Но случилось так, что местный катер «Смотрящий» отправили на стапель в Рэмсгейтскую гавань — ему скоблили днище, — и он застрял там на пару дней. Поэтому из Рэмсгейта послали на маяк письмо

с прогулочным пароходом, где сообщалось, что пострадавшего на следующее утро, то есть в субботу, заберет лодка. Еще одно письмо отправили новому смотрителю, Джеймсу Брауну, который квартировался неподалеку от Рекалвера. Ему велели отправляться на маяк в субботу утром на катере береговой охраны. Третье письмо было направлено офицеру береговой охраны в Рекалвере: его просили отвезти Брауна на маяк и забрать оттуда Барнета. Ну а они все свалили дурака. Офицер береговой охраны не смог дать ни катера, ни сопровождающего; все, что у него было, это чужая рыбацкая лодка, на которой Браун и поплыл, как идиот, в одиночку, надеясь, что обратно ее пригонит Барнет, это со сломанной-то ногой!

А в это время Барнет, который родом из Уайтстебла, подал сигнал углевозу, направлявшемуся именно туда, и капитан согласился его подбросить. Так что второй смотритель, Томас Джефрис, остался дожидаться Брауна один. Но тот на маяке так и не появился, хотя офицер береговой охраны помог ему отплыть и наблюдал, как он ушел в море. А смотритель Джефрис видел, как к маяку приближалась лодка с одним гребцом. Но потом опустился туман, и она пропала из виду. А когда туман рассеялся, ее уже не было. Лодка бесследно пропала вместе с гребцом.

— Возможно, на нее налетело какое-то судно, — предположил Торндайк.

— Вероятно, только о подобном происшествии никто не сообщал. Береговая охрана считает,

что лодку мог опрокинуть шквалистый ветер — они видели, как Браун намертво закрепил парус. Но ветра в тот день не было, и море было спокойно.

— С ним было все в порядке, когда он отплыл? — спросил Торндайк.

— Да. Береговая охрана представила обстоятельный отчет, но там полно ненужных подробностей. Вот послушайте, что они пишут.

Капитан достал официальное письмо и прочитал:

— «При отплытии пропавший сидел в кормовой части лодки, у руля, с наветренной стороны. Парусный шкот был заведен на кнехт. В руках он держал трубку и кисет, а руль придерживал локтем. Потом набил трубку, насыпав туда табак из кисета». Ну, каково? Он, видите ли, трубку держал рукой, а не ногой! И насыпал табак из кисета, а не из угольного ведерка или детского рожка, как можно было ожидать. Тьфу!

Засунув бумагу в карман, капитан презрительно выпустил облачко дыма.

— Вы слишком строги к береговой охране, — засмеялся Торндайк. — Свидетель обязан сообщать все факты без разбора.

— Но, уважаемый сэръ, какая к черту разница, откуда бедняга сыпал табак в свою трубку?

— Кто знает? Этот факт может оказаться весьма важным для следствия. Заранее никогда не угадаешь. Значение каждого обстоятельства зависит от его взаимосвязи с другими уликами.

— Может, и так, — буркнул капитан и продолжил курить, пока мы не достигли мыса Блэкуол.

Вдруг он вскочил на ноги.

— У нашей пристани какой-то траулер. Какого черта он тут торчит?

Всмотревшись в небольшой парходик, он продолжал:

— Похоже, они что-то сгружают. Дайте-ка мне бинокль, Полтон. Черт, да это труп! Какого дьявола они выгружают его на нашей пристани? Должно быть, они знали, что вы приедете, доктор.

Когда наш катер причалил, капитан быстро соскочил на помост и подошел к людям, сгрудившимся вокруг тела.

— Зачем вы его сюда приволокли?

Шкипер траулера, руководивший выгрузкой, стал объяснять:

— Это ваш человек, сэръ. Когда мы проходили мимо Южной отмели, то увидели там тело, лежавшее рядом с бакеном. Причалили и взяли утопленника на борт. Оpoznать не смогли, поэтому я пошарил у него по карманам и нашел вот это письмо.

Он вручил капитану Грампасу официальный конверт с адресом: «Мистеру Д. Брауну, ферма мистера Солли, Рекалвер, графство Кент».

— Да это тот самый парень, о котором мы только что говорили, доктор! — вскричал Грампас. — Вот совпадение. Но что нам делать с телом?

— Надо сообщить следователю, — посоветовал Торндайк. — Вы все карманы обыскали? — спросил он, поворачиваясь к шкиперу.

— Нет, сэр, — ответил тот. — Я нашел письмо в первом же кармане, а по остальным шарить не стал. Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, только ваше имя и адрес для следователя.

Сообщив требуемое и выразив надежду, что следователь его не замотает, шкипер вернулся на судно и взял курс на Биллингсгейт.

— Может, вы осмотрите тело, пока Полтон показывает нам свою игрушку, — предложил капитан Грампас Торндайку.

— Без разрешения следователя я не имею права что-либо предпринимать, но ради вашего спокойствия мы с Джервисом можем провести предварительный осмотр.

— Премного благодарен. Хотелось бы знать, как бедняга встретил свою смерть.

Тело перенесли в сарай, и когда Полтон ушел, захватив с собой черный чемоданчик со своей уникальной моделью, мы приступили к осмотру.

Труп, облаченный в некое подобие морской формы, принадлежал невысокому пожилому мужчине. Погиб он, видимо, два-три дня назад, и его тело в отличие от большинства морских утопленников не было изъедено рыбами и крабами. Кости были целы, на теле отсутствовали раны и значительные повреждения, и только на затылке была разодрана кожа.

— Общий вид тела свидетельствует о том, что он утонул, хотя утверждать можно будет только после вскрытия, — заключил Торндайк, оценив все внешние признаки.

— А рану на затылке вы в расчет не принимаете? — спросил я.

— Как причину смерти? Нет. Она явно была нанесена при жизни, но удар был косым, и пострадала только кожа. Однако эта рана весьма важна по другим соображениям.

— Каким же?

Торндайк достал из кармана небольшой футляр и вытащил оттуда пинцет.

— Обратимся к обстоятельствам. Человек отплыл на маяк, но туда так и не добрался. Возникает вопрос, где он мог потеряться?

Наклонившись над трупом, Торндайк пинцетом отвел волосы вокруг раны.

— Посмотрите на белые частицы в волосах и внутри раны, Джервис. Они кое о чем нам говорят.

Я внимательно рассмотрел в лупу известковые крупинки.

— Похоже на кусочки раковин и трубочек какого-то морского червя.

— Да, это панцири морских желудей и окаменевшие трубочки известковых червей. Отсюда можно сделать очень важное заключение. Очевидно, рана была нанесена предметом, обросшим морскими желудями и известковыми червями, то есть периодически погружающимся в воду. Что же это за объект и как погибший мог удариться об него головой?

— Это мог быть нос корабля, под который попала его лодка, — предположил я.

— Не думаю, что на носу корабля можно найти известковых червей. Сочетание этих двух организмов скорее встречается на стационарных объектах, таких, как сваи или бакены. Однако я не представляю, как можно удариться головой о бакен, а буи имеют гладкую поверхность и вряд ли могут причинить такую рану. Кстати, надо проверить его карманы, хотя вряд ли причиной смерти послужило ограбление.

— Конечно, — согласился я, вынимая из кармана умершего часы. — Вот у него имелся неплохой серебряный брегет, который остановился в 12 часов 13 минут.

— Это может быть важно, — проронил Торндайк, делая заметку. — Но давайте проверим все карманы, а то, что найдем, положим обратно.

Первым осмотрели левый нижний карман бушлата; вероятно, именно его обыскал шкипер, поскольку мы обнаружили там два письма с эмблемой правления маячно-лодочной корпорации. Вернув их на место, не читая, перешли к правому карману. Его содержимое было вполне ожидаемым: вересковая трубка, кротовый кисет и несколько спичек без коробка.

— Довольно опасная привычка носить спички насыпью, да еще вместе с трубкой, — заметил я.

— Особенно такие легковоспламеняющиеся, как эти. Обратите внимание, что под головкой из красного фосфора находится сера. Они загораются от малейшего трения и трудно гасятся, что объясняет их популярность среди моряков, которые раскуривают трубки в любую непогоду.

Подняв трубку, Торндайк стал задумчиво рассматривать ее, вертя в руке и заглядывая в табачную камеру. Потом быстро перевел взгляд на лицо мертвеца и, взяв пинцет, отогнул ему губы, чтобы увидеть рот.

— Давайте посмотрим, какой табак он курил.

Я открыл мокрый кисет и показал ему темный мелкий табак.

— Похоже на махорку.

— Да, это махорка. А теперь посмотрим, что там в трубке. Она выкурена только наполовину.

Достав карманным ножом немного недокуреного табака, мы стали внимательно его изучать на листе бумаги. Это была явно не махорка: табак был черным и похожим на стружку.

— Плиточный табак, — вынес я свой вердикт, и Торндайк тотчас же со мной согласился.

В других карманах не нашлось ничего интересного, кроме складного ножа, который Торндайк открыл и скрупулезно изучил. Он был из недорогих и вряд ли мог послужить поводом для ограбления.

— А на этом ремне не висят ножны? — спросил Торндайк, указывая на узкий кожаный пояс.

Отогнув полу бушлата, я посмотрел на брюки.

— Ножны есть, но без ножа. Должно быть, он выпал.

— Довольно странно. Матросский нож, как правило, подвержен сильной тряске. Он ведь предназначен для работы со снастями на реях, так чтобы матрос мог вынуть его из ножен одной

рукой, другой держась за мачту. Такой нож безопасен в носке, поэтому в ножны входит все лезвие и половина рукоятки. У нашего утопленника был с собой складной нож, который отвечает всем требованиям к обычному ножу. Значит, можно предположить, что матросский нож он носил в качестве оружия для защиты. Остальное может показать только вскрытие. А вот и наш капитан.

Войдя в сарай, капитан Грампас сочувственно взглянул на труп.

— Нашли что-нибудь, проясняющее его исчезновение, доктор? — поинтересовался он.

— В этом деле есть пара любопытных деталей, но, как ни странно, единственно важным свидетельством можно считать лишь те слова офицера, над которыми вы так потешались, — ответил Торндайк.

— Да не может быть! — воскликнул капитан.

— Именно так. Офицер береговой охраны указал, что, отплывая, погибший набил трубку табаком из кисета. Но в его кисете махорка, а в трубке, которая у него в кармане, плиточный табак.

— А в других карманах нет плиточного табака?

— Ни кусочка. Но вполне возможно, что он имел какие-то остатки и набил ими трубку. Однако на его складном ноже нет никаких следов, а вы ведь знаете, как пачкает лезвие черный плиточный табак. Матросского ножа в ножнах нет, да и вряд ли он им кромсал табак, имея под рукой карманный нож.

— А вы уверены, что у него не было второй трубки?

— При нем была только одна, да к тому же чужая.

— Чужая? — удивился капитан. — А почему вы так решили?

Встав у огромного клетчатого буя, он изумленно уставился на Торндайка.

— По тому, как выглядит мундштук. На нем глубокие отметины от зубов, по сути, он прокушен насквозь. Человек, грызущий свою трубку, обычно обладает определенными физическими качествами и прежде всего хорошими зубами. Но погибший был практически беззубым.

Немного подумав, капитан произнес:

— Не вижу, какое это имеет значение.

— Разве? А меня наводит на кое-какие мысли. Вот человек, который в последний раз набивал трубку табаком определенного сорта. Когда его находят мертвым, в трубке совершенно другой табак. Откуда он взялся? Есть только одно объяснение: погибший с кем-то встречался.

— Похоже на правду.

— Далее, его поясной нож потерян. Возможно, это ничего не значит, но все же следует иметь данный факт в виду. Есть еще одно любопытное обстоятельство: на затылке у него рана от удара о какой-то предмет, покрытый морскими желудями и известковыми червями. В открытом море нет ни свай, ни платформ. Возникает вопрос: обо что он мог удариться?

— Ну, это проще простого. Тело ведь три дня трепало приливом...

— Речь идет не о трупе. Рана была получена еще при жизни.

— Вот черт! Ну, лодка могла наткнуться в тумане на бакен, и он ударился об него головой, хотя, честно говоря, такое объяснение весьма хромает. Но ничего другого я предложить не могу.

С минуту он хмуро смотрел на свои ботинки, потом обратился к Торндайку:

— У меня идея. Дело это, видно, непростое. Так что я сегодня же поплыву на маяк и постараюсь разобраться на месте. Как вы смотрите на то, чтобы поехать со мной в качестве консультантов? Отправляемся в одиннадцать, на маяке будем около трех, так что к вечеру вы сможете вернуться в город. Что скажете?

— Почему бы и нет, — с готовностью согласился я, предвкушая возможность проплыть по живописным местам в чудесный летний день.

— Отлично, мы тоже с вами, — поддержал меня Торндайк. — Джервис жаждет совершить морское путешествие, да и я не прочь размяться.

— Но это чисто техническая поездка, — уточнил капитан.

— Ничего подобного, — возразил Торндайк. — Это приятный морской вояж в вашем несравненном обществе.

— Да я вовсе не это имел в виду, — проворчал капитан. — Но если собираетесь остаться, пошли-

те человека за вещами, а мы завтра вечером отвезем вас обратно.

— Не будем беспокоить Полтона, — решил мой коллега. — Мы поедем на поезде из Блэкуола и заберем свои вещи сами. В одиннадцать, вы сказали?

— Около того. Если опоздаете, не страшно.

Лондонский транспорт достиг прямо-таки пугающего совершенства. Пыхтящий поезд и позвякивающая двухколесная «гондола» помогли нам пересечь город с такой скоростью, что около одиннадцати часов мы уже стояли на пристани с общим саквояжем и зеленым чемоданчиком Торндайка. У причала стоял катер, с подъемника которого свешивался полосатый цилиндрический буй. На сходнях возвышался капитан Грампас, его добродушная красная физиономия сияла от удовольствия. Буй осторожно уложили на носу, подъемник подтянули к мачте, ванты закрепили на винтовых талрепах, и катер, издав четыре ликующих гудка, развернулся, направив острый нос навстречу приливной волне.

Следующие четыре часа мы шли по Темзе, которая становилась все шире, и перед нами разворачивалась красочная панорама речных берегов. После Вулвичского плеса дым и запахи промышленных пригородов сменились свежими ароматами сельской природы. Серое нагромождение фабрик осталось позади, уступив место зелеными лугам и долинам с пятнышками пасущихся овец. У лесистых берегов стояли почтенные учебные суда, напоминая

о временах дуба и пеньки, когда высокие трехпалубные парусники, красивые и величественные, как башни из слоновой кости, еще не сдались под натиском унылых серых посудин под военно-морским флагом, опустошающих карманы британских налогоплательщиков; о временах, когда моряки были морепроходцами, а не морскими механиками.

Упорно сопротивляясь приливу, катер пробирался между бесчисленными плавательными средствами: там были баржи, каботажные парусные суда, шхуны и бриги, неуклюжие грузовые пароходы с голубыми трубами, шаткие барки с крутящимися ветряками, гигантские лайнеры, которые, казалось, чуть сплющились под собственной тяжестью. За кормой проплывали Эрит и Перфлит, Гринхит и Грайс. Трубы Нортфлита, нагромождение крыш Грейвсенда, якорные стоянки и пушки морских батарей — все осталось позади, и вскоре перед нами засветилась голубизной необъятная ширь моря.

Около половины двенадцатого нас подхватил отлив, что, судя по быстрой смене пейзажей и свежему ветерку, существенно увеличило нашу скорость передвижения.

Но на море и в небесах царило летнее спокойствие. В нежной голубизне парили кудрявые облака, суда дрейфовали с повисшими парусами, большой полосатый буй с колоколом дремал на солнце над своим неподвижным отражением в воде. Набежавшая волна от нашего катера заставила его чуть качнуться и звякнуть, после чего он опять погрузился в сон.

Вскоре впереди показался вытянутый силуэт маяка на винтовых сваях, пламенеющий в лучах полуполуденного солнца. Подплыв ближе, мы различили слово «Гедлер», написанное огромными белыми буквами, и двоих мужчин на галерее, которые разглядывали нас в подзорную трубу.

— Вы туда надолго, сэр? — спросил у капитана Грампаса шкипер. — Нам ведь надо еще установить буй и забрать с северо-восточной мели старый.

— Тогда лучше оставьте нас на маяке, а когда закончите с буями, заберете на обратном пути. Я не знаю, сколько времени мы там пробудем.

Судно подошло к маяку, с него спустили шлюпку, и пара крепких матросских рук доставила нас на место.

— Сейчас замажете свои городские костюмчики, — заметил капитан, сам одетый с иголки. — Вся грязь оботрете боками.

Мы посмотрели на металлические конструкции. Отлив обнажил сваи и лестницу, облепленные водорослями, морскими желудями и трубочками известковых червей. Однако мы были не столь неуклюжи, как думал капитан, и без труда последовали за ним вверх по скользкой лестнице. Торндайк крепко прижимал к себе зеленый чемоданчик, с которым не желал расставаться ни на минуту.

— Мы с этими джентльменами прибыли сюда в связи с гибелью зрителя Джеймса Брауна, — объявил капитан, когда мы добрались до галереи. — Кто из вас Джефрис?

— Я, сэр, — ответил высокий плотный мужчина с квадратной челюстью и нависшими бровями. Левая рука у него была перевязана.

— Что приключилось с вашей рукой? — спросил капитан.

— Порезался, когда чистил картошку. Так, пустяки, сэр.

— Вот что, Джефрис. Тело Брауна нашли на берегу, и я бы хотел задать вам несколько вопросов. Будете выступать в качестве свидетеля, так что рассказывайте все, что знаете.

Мы вошли в комнату и расположились за столом. Капитан раскрыл массивную записную книжку, а Торндайк пытливым взглядом окинул комнату, словно делая мысленную опись всего, что там находилось. Рассказ Джефриса не добавил ничего нового. Он видел, как к маяку приближалась лодка с сидящим в ней мужчиной. Потом опустился туман, и лодка исчезла из виду. Он включил туманный гонг и стал наблюдать за морем, но она больше не появилась. Это все, что он знал. По его предположению, лодка прошла мимо маяка и была отнесена в море отливом, который как раз набирал силу.

— В котором часу вы последний раз видели лодку? — спросил Торндайк.

— Около половины восьмого.

— Кто там сидел? — задал вопрос капитан.

— Не знаю, сэр. Он греб спиной ко мне.

— У него с собой имелись сумка или сундучок? — продолжал допытываться Торндайк.

— Да, сундучок был. Маленький такой, зеленый и с веревочными ручками.

— Перевязанный веревкой?

— Да, один раз, чтобы не открывалась крышка.

— Где он лежал?

— На корме, сэр.

— Как далеко находилась лодка, когда вы видели ее в последний раз?

— В полумиле от маяка.

— В полумиле? — воскликнул капитан. — Как же, черт побери, вы могли разглядеть какой-то там сундучок?

Смотритель покраснел и подозрительно покопился на Торндайка.

— У меня была подзорная труба, сэр, — хмуро пояснил он.

— Понятно. Достаточно, Джефрис. Вам придется прийти на допрос. Скажите Смигу, что я хочу с ним поговорить.

Мы с Торндайком подвинули стулья к окну, выходящему на море. Но не море и проплывающие суда привлекли внимание моего коллеги. На стене рядом с окном висела вырезанная из дерева полка с трубками. Торндайк увидел ее, когда мы входили в комнату, и временами с интересом рассматривал.

— Похоже, вы все тут заядлые курильщики, — заметил он, обращаясь к смотрителю Смигу, когда капитан закончил инструктировать сменщика.

— Да, сэр, что скрывать, любим побаловаться табачком. Живем затворниками, а табак здесь дешево обходится.

— Почему?

— Да нам его подвозят. Когда мимо идут какие-нибудь иностранцы, особенно голландцы, они подбрасывают нам плитку-другую. Мы же не на берегу, значит, пошлину платить не надо.

— Значит, в табачные лавки вы не ходите? И рассыпной табак не покупаете?

— Нет, сэр. Он плохо хранится. У нас здесь все твердое — и сухари, и табак.

— Я вижу, тут, как полагается, полка для трубок.

— Да, это я смастерил ее в свободное время. Чтобы трубки везде не валялись, да и на кубрик было похоже.

— Кто-то, видно, не слишком часто курит, — заметил Торндайк, указывая на одну из трубок, покрытую зеленой плесенью.

— Да, это трубка Парсонса, моего приятеля. Должно быть, он забыл ее, когда уезжал месяц назад. Здесь сыро, и трубки быстро плесневеют.

— А как скоро трубка покрывается плесенью, если ее не трогать?

— Зависит от погоды. Когда тепло и сыро, то через неделю. Вот трубка Барнета, того парня, что сломал ногу — на ней уже появились пятна, а ведь и трех дней не прошло, как он смотался отсюда.

— А другие трубки тоже ваши?

— Нет, сэр. Моя только одна. Там с краю трубка Джефриса, и та, что посередине, тоже, видно, его, только я ее раньше не видел.

— Вы прямо спец по трубкам, — заметил вошедший в комнату капитан. — Похоже, вы этим вопросом занимались всерьез.

— Всерьез я занимался только человеческой личностью, — объяснил Торндайк, когда смотритель ушел, — а также предметами, которые несут ее отпечаток. Трубка — это нечто очень личное. Посмотрите на полку. У каждой трубки свои особенности, которые в какой-то мере отражают привычки ее владельца. Возьмем, к примеру, трубку Джефриса, ту, которая с края. Мундштук у нее почти прокушен насквозь, табачная камера исцарапана и изрезана, а ее края разбиты и имеют сколы. Все это говорит о грубой силе и небрежном обращении. Он жует мундштук, когда курит, кое-как чистит трубку и слишком сильно ею стучит, когда выколачивает золу. И этот человек точно соответствует своей трубке: сильный, с квадратной челюстью и довольно буйного нрава.

— Да, Джефрис крепкий орешек, — согласился капитан.

— А вот трубка Смита. Табачная камера полна золы, края ее обгорели. Ее владелец любит поговорить и часто вынимает трубку изо рта, а потом раскуривает заново. Но меня прежде всего интересует та, которая посередине.

— Смит ведь сказал, что она тоже принадлежит Джефрису? — уточнил я.

— Да, но, должно быть, ошибся. Прежде всего на мундштуке нет отметин от зубов, хотя трубка старая и ничуть не похожа на трубку Джефриса.

Края чаши не повреждены, значит, с ней обращались с осторожностью. Серебряный поясок совсем почернел, а поясок на трубке Джефриса блестит, как новенький.

— Я даже не заметил, что там есть поясок, — вставил капитан. — А почему он так почернел?

Взяв трубку с полки, Торндайк внимательно к ней присмотрелся.

— Налет сульфида серебра. Видимо, в кармане имелась какая-то сера.

— Ясно, — произнес капитан и, подавив зевок, стал следить из окна за приближающимся судном. — В ней полно табака. И какова мораль сей басни?

Торндайк внимательно посмотрел на мундштук:

— Мораль сей басни такова: прежде чем набить трубку, надо ее прочистить.

И он указал на мундштук, отверстие которого было забито какой-то трухой.

— Весьма полезный совет, — сказал капитан, поднимаясь и снова зевая. — Если не возражаете, я на минутку отлучусь и посмотрю, что там за судно. Похоже, оно направляется сюда.

Взяв подозрную трубу, он вышел на галерею.

Когда капитан ушел, Торндайк раскрыл складной нож и выгреб табак из трубки к себе на ладонь.

— Да это же махорка! — воскликнул я.

— Да, — подтвердил Торндайк, возвращая табак в трубку. — Такого вы не ожидали?

— Я об этом не думал. Меня больше занимал серебряный ободок.

— Да, тоже интересно, но давайте сначала посмотрим, чем забит мундштук.

Достав из зеленого чемоданчика препаровальную иглу, Торндайк извлек из отверстия небольшой комочек. Поместив его на предметное стекло, добавил каплю глицерина и закрыл другим стеклом.

— Положите трубку обратно на полку, — попросил он меня, помещая стекло под микроскоп.

Через некоторое время Торндайк встал из-за стола и махнул рукой в сторону микроскопа:

— Посмотрите сами, Джервис.

Прильнув к окуляру и двигая предметное стекло, я стал определять состав мягкого комочка. Там присутствовал вездесущий хлопок, несколько шерстяных волокон, но самым интересным объектом были два-три крохотных волоска зигзагообразной формы, расширяющиеся на концах, подобно веслу.

— Здесь шерсть какого-то небольшого животного, но не мыши или крысы и вообще не грызуна, а какого-то насекомоядного. Да! Конечно же! Это шерсть крота.

Потрясенный своим открытием, я молча смотрел на своего коллегу.

— Да, ее ни с чем не спутаешь, что дает ключ к разгадке, — произнес он.

— Вы считаете, это трубка утопленника?

— Слишком многое на нее указывает. Рассмотрим все факты в их последовательности. На труб-

ке нет следов плесени, значит, она находилась здесь совсем недолго и может принадлежать Барнету, Смиту, Джефрису или Брауну. Трубка старая, но следы от зубов отсутствуют. Следовательно, ее курил беззубый человек. Но у Барнета, Смита и Джефриса зубы на месте, и мундштуки их трубок изгрызены, в то время как у Брауна зубов нет. Серебряный ободок имеет налет сульфида серы, а Браун вместе с трубкой носил в кармане серные спички без коробка. В канале трубки мы находим волоски крота, а у Брауна кисет был из кротовой кожи и носил он его в том же кармане, что и трубку. И наконец, у Брауна в кармане оказалась чужая трубка, которая по всем признакам принадлежит Джефрису, с табаком, который не курит Браун, поскольку в его кисете он совсем другого сорта. Если добавить к этим фактам другие, которыми мы располагаем, вывод очевиден.

— Какие другие?

— Во-первых, погибший сильно ударился головой о некий предмет, периодически находящийся под водой и обросший морскими желудями и известковыми червями. Опоры этого маяка полностью отвечают этому описанию, а ничего похожего поблизости нет. Бакены же слишком велики, чтобы причинить подобную рану. Далее, матросский нож погибшего потерян, а у Джефриса на руке ножевая рана. Согласитесь, что улик достаточно.

В этот момент в комнату ворвался капитан с подозрительной трубкой в руках.

— Наш катер тянет на буксире какую-то лодку, — сообщил он. — Похоже, это та, что пропала, так что мы сейчас узнаем что-нибудь новенькое. Собирайте свои пожитки и готовьтесь к посадке.

Мы уложили микроскоп в зеленый чемоданчик и вышли на галерею, где смотрители наблюдали за приближающимся катером: Смит с нескрываемым интересом, а побледневший Джефрис с явным беспокойством и суетливостью. Когда катер остановился у маяка, с него спустили шлюпку, и вскоре помощник капитана уже поднимался по лестнице.

— Это пропавшая лодка? — крикнул ему Грампас.

— Да, сэр, — подтвердил помощник капитана, ступая на площадку и вытирая руки о тыльную часть брюк. — Она лежала в восточной части отмели. Тут дело нечисто, сэр.

— Пахнет преступлением?

— Точно, сэр. Затычка была вынута и лежала на дне; и еще между бухтами фалиня мы нашли матросский нож — он воткнулся в кильсон, причем глубоко. Как будто упал с большой высоты.

— Странно, — проговорил капитан. — Ну, затычка могла выскочить случайно.

— Нет, сэр. Чтобы поднять нижние доски, надо сдвинуть балласт. К тому же, сэр, моряк никогда не допустит, чтобы его лодку затопило. Если что, он вставит затычку и вычерпает воду.

— Верно, — согласился капитан Грампас. — Нож очень подозрительный. Но откуда он мог

свалиться, в открытом-то море? Ножи ведь не падают с небес — к счастью. Что скажете, доктор?

— Скажу, что найден нож Брауна, и он упал с этой вот площадки.

Джефрис быстро оглянулся, весь красный от возмущения.

— Что же получается? Я ведь сказал вам, что лодка сюда не приплывала.

— Да, вы это утверждали, — согласился Торндайк. — Но объясните тот факт, что в кармане погибшего была найдена ваша трубка, а его трубка в настоящий момент находится на полке у вас в комнате?

С лица Джефриса сошла краска.

— Не знаю, о чем вы тут толкуете, — чуть запнувшись, произнес он.

— Сейчас я вам объясню. Я буду рассказывать, что произошло, а вы мне скажете, прав я или нет. Браун благополучно причалил к маяку и вместе с сундучком прошел в комнату. Набив трубку, он попытался ее раскурить, но она засорилась и не тянула. Тогда вы одолжили ему свою и даже набили ее табаком. Вскоре после этого оба вышли на площадку, и между вами вспыхнула ссора. Браун, защищаясь своим ножом, выпустил его из рук, и он упал в лодку. Потом вы столкнули противника с площадки, и тот свалился в воду, ударившись головой об одну из опор. Тогда вытащили затычку и отвязали лодку, чтобы ее унесло в море и она затонула. Сундучок тоже бросили в воду. Все это случилось приблизительно в двенадцать десять. Я прав?

Джефрис с изумлением воззрился на Торндайка, но не произнес ни слова.

— Так я прав? — повторил Торндайк.

— Разрази меня гром! — пробормотал Джефрис. — Вы что, здесь были? Говорите так, будто видели все своими глазами. Похоже, все и без меня знаете. В одном только вы не правы. Не было у нас никакой ссоры. Этот парень, Браун, почему-то сразу невзлюбил меня и не захотел здесь оставаться. Он решил слинять и вернуться на берег, а я стал его удерживать. Тогда он кинулся на меня с ножом, который я выбил у него из рук. Он потерял равновесие и свалился вниз.

— А вы не делали попыток спасти Брауна? — поинтересовался капитан.

— Как я мог, когда начинался отлив, а я один на маяке? Меня бы просто утащило в море.

— А как насчет лодки, Джефрис? Зачем вы ее потопили?

— Да я просто испугался и решил от нее избавиться, чтобы меня не заподозрили. Но я его нарочно не толкал. Это был несчастный случай, сэр, клянусь вам!

— Что ж, вполне логичное объяснение, — подытожил капитан. — Что скажете, доктор?

— В высшей степени логичное. Что касается того, насколько оно правдиво, то это уже не нам решать.

— Согласен. Но я все же вынужден передать вас полиции, Джефрис. Вы поняли меня?

— Да, сэр, я понял.

— Странное все-таки это происшествие, что случилось на маяке, — заявил капитан Грампас, когда мы полгода спустя сидели вечером за столом. — Этот Джефрис дешево отделался — всего полтора года дали.

— Да, дело загадочное, — согласился Торндайк. — За этим «несчастливым случаем» явно что-то стоит. Вероятно, они оба знали друг друга раньше.

— И я так думаю. Но для меня самое загадочное — ваше умение разложить все по полочкам. С тех пор я испытываю глубокое уважение к вересковым трубкам. Да, дело заметное. То, как вы заставили трубку рассказать нам историю убийства, для меня подобно волшебству.

— Да, — вмешался я. — Трубки умеют говорить, и не только они. Помните немецкую сказку о поющей кости? Крестьянин нашел кость убитого человека и сделал из нее дудочку. Но когда он попытался на ней играть, дудочка вдруг запела сама:

Мой брат меня жизни лишил
И косточки мои похоронил
Под зыбучими песками,
Под тяжелыми камнями.

— Замечательная сказка, — заключил Торндайк. — И с большим смыслом. Вещи, окружающие нас, могут многое рассказать о себе, но только если мы захотим к ним прислушаться.

Часть IV

РОМАН МОШЕННИКА

Глава 1

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Долгие летние сумерки уже сменялись ночной темнотой, когда на сельской дороге появился одинокий велосипедист в вечернем костюме, кое-как прикрытом плащом. Время от времени его обгоняли экипажи, автомобили и закрытые кебы из соседнего городка, в которых сидели нарядно одетые люди. Все они ехали в одном направлении — в большой особняк на краю обширного поместья, однако обстоятельства собственного визита заставляли велосипедиста все медленнее крутить педали.

В этот вечер Уиллоудейл — так назывался этот особняк — временно переживал свою былую славу. Он пустовал уже несколько месяцев, о чем свидетельствовала доска объявлений у домика привратника. Однако в этот вечер голые стены его комнат были украшены флагами и драпировками, полы натерты или покрыты коврами, повсюду звучала музыка и раздавались веселые голоса. Здесь давали бал молодые девицы Рейнсфорда,

и главной среди них была мисс Хэллиуэлл, владелица Уиллоудейла.

Это было большое событие. Особняк был роскошен, девицы многочисленны, а их кошельки весьма увесисты. Гости были людьми из общества, и среди них присутствовала сама миссис Чартер, что придавало событию особый шик, поскольку прекрасная американка считалась главной светской львицей сезона. Ее состояние исчислялось суммой, недоступной для британской арифметики, а ее бриллианты были гордостью хозяек бала, одновременно уязвляя их самолюбие.

Несмотря на все соблазны, велосипедист ехал с некоторой неохотой, а когда показали ворота поместья, слез с велосипеда и остановился в нерешительности. Предстояла весьма рискованная операция, и, хотя он был неробкого десятка, его одолевали сомнения.

Дело в том, что приглашения не было. Зачем тогда он здесь? И как рассчитывает попасть на это светское сборище? Ответ на эти вопросы был несколько болезненным.

Огастес Бейли зарабатывал на жизнь своим умом. Это банальное выражение не имеет особого смысла. Разве не все мы живем своим умом, если таковой имеется? И разве обычному жулику требуется какой-то своеобразный ум? Тем не менее Огастес Бейли жил за счет своего ума и изворотливости, хотя большого дохода они ему не приносили.

Сегодняшнюю авантюру он задумал, когда случайно подслушал разговор за соседним столом и ловко накрыл забытое приглашение картонкой меню. Огастес решил принять приглашение, которого не получал. Оно было написано на имя Джеффри Харрингтона-Бейли, и сейчас его пугала перспектива разоблачения. Заметят или нет? Огастес полагался на большое количество гостей и неопытность хозяек бала. Визитные карточки предъявлять не требовалось, однако каждого пришедшего громко представляли гостям. Но, возможно, все обойдется, и он сумеет проскочить незаметно.

Огастес медленно пошел к воротам. Неуверенность его росла. К теперешней нервозности пришивались не совсем приятные воспоминания. Когда-то он служил в пехотном полку — правда, недолго, поскольку его «таланты» пришлось не по душе собратьям-офицерам — и один раз попытался пробраться без приглашения в столь же блестящее собрание. Теперь, будучи рядовым вояком, он снова намеревается проскользнуть под чужим именем, рискуя, что его опять с позором выставят вон.

Пока он стоял в нерешительности, на дороге послышался топот копыт и яростный гудок автомобиля. У ворот показались тусклые огоньки экипажа, утонувшие в ярком свете неоновых фар. Вышедший из сторожки привратник открыл ворота, и мистер Бейли, собравшись с духом, решительно покотился по подъездной дороге.

На полпути мимо него со свистом промчался автомобиль — большой «Нейпир» с компанией молодых людей, которых было так много, что им пришлось сидеть на спинках сидений и чужих коленях. Бейли немедленно сообразил, что судьба дает ему шанс, и сильнее закрутил педалями. Оставив велосипед в пустом каретном сарае, он поспешил в гардероб. Молодые люди были уже там и радостно бросали на стойку снятые плащи и шинели. Бейли последовал их примеру, торопясь слиться с этой компанией, и совершенно не заметил, что гардеробщик положил его шляпу над чужим плащом и дал ему не тот номерок.

— Майор Пэдбери, капитан Бейкер-Джонс, капитан Спаркер, мистер Уотсон, мистер Голдсмит, мистер Смарт, мистер Харрингтон-Бейли!

Войдя с важным видом в зал в компании офицеров, Огастес почувствовал, как душа его уходит в пятки — хозяйки бала оглядывали всех входящих мужчин с нескрываемым интересом. К счастью, лакей уже громко объявлял следующих гостей.

— Миссис Чатер, полковник Грампьер!

Взоры присутствующих немедленно обратились на вновь прибывших, и Огастес, поклонившись, поспешил затеряться в толпе. Все сошло благополучно — маленькая хитрость удалась. Он скромно удалился в самую дальнюю часть зала, стараясь спрятаться за спинами гостей. В конце концов, хозяйки о нем забудут, если они вообще заметили его персону, и тогда можно будет по-

думать о деле. Огастес все еще нервничал и ждал подходящего момента, чтобы выпить, не нарушая приличий. Выглянув из-за спин толпившихся гостей, он увидел, как миссис Чатер обменивается рукопожатием с главной хозяйкой бала, и в изумлении застыл.

Огастес узнал ее с первого взгляда. У него была хорошая память на лица, а миссис Чатер было не так-то легко забыть. Он вспомнил милостивую американскую девушку, с которой танцевал на полковом балу много лет назад, когда был младшим офицером и еще не попал в ту историю с краплеными картами, которая положила конец его военной карьере. Они сразу же понравились друг другу — хорошенькая юная американка и блестящий молодой военный. Весь вечер танцевали вместе, сидели вдвоем и молили всяческую мистическую чушь, которую по неопытности принимали за философию. С тех пор они не встречались. Она промелькнула в его жизни лишь раз, и вскоре ее имя забылось. И вот теперь эта женщина здесь, все еще привлекательная, да к тому же с положением. И какие на ней бриллианты! А он всего лишь мелкий жулик, рыскающий в толпе, чтобы незаметно прикарманить кулон или расстегнувшуюся брошку.

Возможно, она тоже его узнает. Почему бы и нет? Он же ее сразу узнал. Но сейчас это совсем ни к чему. Мистер Бейли выскользнул на лужайку, чтобы размяться и покурить. Там уже прогуливался пожилой джентльмен, задумчиво поглядыва-

вая на ярко освещенные окна. Когда они поравнялись во второй раз, незнакомец остановился и произнес:

— В такую ночь лучше места не придумаешь. Внутри уже становится жарко. Но вам, вероятно, захочется потанцевать.

— Раньше я был неплохим танцором, — ответил Бейли и, увидев, с какой завистью мужчина поглядывает на его сигарету, протянул ему портсигар.

— Спасибо вам огромное! — воскликнул незнакомец, с жадностью хватая сигарету. — Господи, ну прямо добрый самаритянин. Я оставил свой портсигар в плаще, но постеснялся у вас просить, хотя просто умираю без табака.

С наслаждением затянувшись, он выпустил облачко дыма.

— Девчонки здорово постарались. Разве скажешь, что этот дом столько времени простоял пустым?

— Я только что приехал и не успел его осмотреть, — сообщил Бейли.

— Можем побродить там внутри, когда покурим, и освежиться тоже не помешает, — предложил общительный джентльмен. — Вы тут многих знаете?

— Ни единой души. Хозяйки меня никому не представили.

— Ну, это легко поправимо. Моя дочь как раз одна из хозяек бала. А мое имя Гринби. Когда мы пропустим по рюмочке, я попрошу ее найти

вам партнершу — если вы захотите чуточку развлечься.

— Да, я бы не прочь потанцевать, хотя время мое ушло. Но мы еще повоюем.

— Не сомневаюсь, — весело согласился Гринби. — Мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует. Пойдемте, промочим горло, а потом отыщем мою малышку.

Выбросив окурки, мужчины отправились в буфет. Шампанское оказалось довольно слабым, но эта проблема легко решалась за счет количества. Следуя этой стратегии и подкрепившись несколькими сэндвичами, мистер Бейли, который в последнее время сильно недоедал, почувствовал себя значительно лучше. Мисс Гринби оказалась простодушной блондиночкой лет семнадцати, которая с детской важностью играла роль хозяйки, и вскоре Бейли уже кружился в танце с миловидной дамой около тридцати.

В нем вдруг проснулись давно забытые ощущения, и это удивило его самого. В последние годы он вел самое убогое и постыдное существование, занимаясь мелким мошенничеством и балансируя на грани серьезного криминала. Порой плутовал, оставаясь в рамках закона, а иногда, когда здорово прижимало, опускался до прямого воровства. Водил компанию с такими же сомнительными личностями, как он сам, жуликами и прохвостами, играл в карты, занимал, попрошайничал, воровал и всегда, выходя из дома, подозрительно косился на «мужчин в синих мундирах».

А вот сейчас он попал в уже полузабытую, но прежде столь знакомую обстановку. Празднично украшенные комнаты, музыка, блеск драгоценностей, шуршание дорогих платьев, порядочные джентльмены и прекрасные дамы; позорное прошлое куда-то ушло, дав ему шанс скрепить нить своей жизни, так губельно оборвавшуюся много лет назад. В конце концов, он ведь принадлежит к их кругу. Все эти жалкие проходимцы, с которыми приходилось якшаться в последнее время, были всего лишь случайными попутчиками на его жизненной дороге.

Когда танец закончился, он с некоторым сожалением (которое было взаимным) передал свою даму какому-то молчаливому офицеру и уже подумывал в очередной раз навеститься в буфет, вдруг кто-то легонько прикоснулся к его плечу. Бейли быстро обернулся. Подобные прикосновения всегда его настораживали. Но вместо мужчины в штатском с характерным деревянным лицом он увидел даму. Это была миссис Чатер, несколько смущенная своей смелостью.

— Вы, вероятно, меня не узнали, — извиняющимся тоном начала она, но Огастес тут же с жаром перебил ее:

— Конечно же, узнал, хотя имени вашего не вспомню. Зато не могу забыть тот бал в Портсмуте, девушку, с которой танцевал. Я так мечтал встретить вас опять, и вот наконец это случилось.

— Как мило, что вы меня помните, — обрадовалась миссис Чатер. — Я часто вспоминала

неповторимый вечер и наши чудесные разговоры. Вы были таким приятным молодым человеком. Интересно, что стало сейчас с вами. Как же давно все было!

— Да, много воды с тех пор утекло, но когда я смотрю на вас, мне кажется, это было в прошлом сезоне.

— Фи, какой вы стали неискренний! Тогда вы мне не льстили, впрочем, в этом не было необходимости.

В голосе ее звучал мягкий упрек, но хорошенькое личико вспыхнуло от удовольствия, а в последней фразе мелькнула тень сожаления.

— Я и сейчас далек от лести, — искренне возразил Огастес. — Я узнал вас, как только вы вошли в зал, и с радостью убедился, что время над вами не властно. Ко мне оно не столь благосклонно.

— Полноте. Да что такое седина для мужчины? Всего лишь знак отличия, как корона на лацкане или шитье на манжетах. Вы ведь, наверное, уже полковник.

— Нет, — быстро ответил Огастес, чуть покраснев. — Я давно ушел в отставку.

— Ах, какая жалость! Вы должны мне рассказать о себе — но только не сейчас. Следующий танец занят, и мой кавалер уже, наверное, ищет меня. А потом мы с вами посидим и поболтаем всласть. Но я забыла ваше имя, хотя всегда вас узнаю. Ваше имя, сэр?

— Роланд. Капитан Роланд. Ну, как, вспомнили?

Но миссис Чатер так и не вспомнила.

— Шестой танец вас устроит? — спросила она, открывая свою программку, и, получив утвердительный ответ, вписала его имя. — Танцевать мы не будем, просто посидим и поговорим по душам. Вы мне расскажете о себе все-все. Интересно, что теперь думаете о свободе воли и персональной ответственности. Я помню, в то время у вас были высокие идеалы. Надеюсь, они сохранились такими и сейчас, хотя у многих со временем поблекли. Вы так не считаете?

— Боюсь, вы правы, — мрачно признал Огастес. — Жизненные перипетии стирают позолоту с имбирных пряников, и они становятся слегка облезлыми. Как, впрочем, и мы сами.

— Ну, не будьте таким пессимистом. Это взгляд разочарованного идеалиста, а я уверена, что вы не терзаетесь обманутыми надеждами. Но мне нужно бежать. Соберитесь с мыслями и не забудьте о номере шесть в моей программке.

И она с улыбкой удалилась, блистая великолепием, затмевавшим самого царя Соломона. Дружеская беседа знаменитой американской вдовы с никому не известным гостем наверняка не останется без внимания, и в других обстоятельствах Бейли не преминул бы понежиться в лучах чужой славы. Но сейчас он не искал сомнительной известности, и тот же изворотливый инстинкт, который подсказал ему убрать с глаз долой мистера Харрингтона-Бейли, заменив его капитаном Роландом, сейчас советовал ему ретироваться. Ведь

он пришел сюда с весьма определенной целью. Уже в который раз оставшись на мели, ему срочно нужны были средства к существованию. Однако все складывалось не слишком удачно. Возможностей поживиться не представлялось, или он их просто упускал. Как бы то ни было, но потайной карман, составляющий неременный атрибут его фрака, все еще был пуст. Похоже, хороший ужин и приятный вечер — вот все, что ему светит сегодня. Даже при самом безупречном поведении он остается незванным гостем, которого в любую минуту могут вышвырнуть как самозванца, а встреча с узнавшей его вдовой лишь повышает эту вероятность.

Бейли вышел на лужайку, окружавшую дом со всех четырех сторон. Там уже прогуливались другие гости, отдыхающие между танцами; струившийся из окон свет освещал их фигуры, между которыми мелькал излишне общительный мистер Гринби.

Поспешно удалившись с освещенной территории, Огастес набрел на узкую дорожку и пошел по ней к кустам, темневшим впереди. Он вышел к арке, увитой плющом и освещенной лишь парой тусклых фонарей, и, пройдя под ней, попал на тропинку, извивавшуюся среди деревьев и кустов; там было темно, и только редкие цветные фонарики, развешенные на ветках, чуть разгоняли мрак.

Здесь никого не было, к удивлению Огастеса; только потом он понял, что парочки, ищущие

уединения, вполне могли воспользоваться многочисленными пустыми комнатами заброшенного дома.

Тропинка, шедшая чуть под откос, вывела его к длинной каменной лестнице, внизу которой стояла скамейка. Тропинка перед ней выпрямлялась, вокруг все густо заросло деревьями и кустами.

Опустившись на скамью, Бейли стал обдумывать, что скажет миссис Чатер. Скамейка была встроена в ствол вяза, который частично служил ей спинкой. Прислонившись к дереву, он достал серебряный портсигар и взял сигарету. Но она так и осталась незажженной. Бейли был слишком погружен в невеселые мысли о своей неудавшейся жизни. Окунувшись в атмосферу роскоши бала с толпой холеных мужчин и утонченных женщин, невольно подумал о своей жалкой квартирке в Бермондси, затерянной среди нищеты и запустения окраин с их бесчисленными фабриками, дымящими трубами и болотным запахом реки. Контраст был ужасающим. Да, путь мошенника не усыпан розами. Эти размышления были прерваны звуком шагов и голосами, и он поднялся, желая уйти. Ему вовсе не хотелось, чтобы его застали здесь в одиночестве. Но голоса звучали уже совсем рядом: видимо, гуляющие направлялись сюда. Положив сигарету обратно в портсигар, Бейли обошел скамейку, надеясь продолжить путь, но за вязом тропинка кончалась, упираясь в заросший кустарником склон. Пока он колебал-

ся, звук приближающихся шагов на лестнице и шуршание женского платья поставили его перед выбором: либо прятаться в кустах, либо выходить навстречу. Бейли выбрал первое и спрятался за деревом, ожидая, когда пара уйдет.

Но уходить они не собирались. Женщина села на скамейку, и знакомый голос произнес:

— Я немного посижу здесь, зуб у меня болит просто адски. А вас попрошу сходить в гардероб. Вот номерок, возьмите там мою бархатную сумочку. В ней пузырек с хлороформом и немного ваты.

— Но, миссис Чатер, вы не можете остаться в одиночестве, — запротестовал ее спутник.

— Мне сейчас вовсе не требуется чье-то общество. Все, что нужно, — это хлороформ. Будьте умницей, сходите и принесите его. Вот вам номерок.

Молодой офицер торопливо ушел. Бейли, проклинавший судьбу за столь нелепый пассаж, услышал, как он поднимается по лестнице. Потом все стихло, и только временами чуть скрипела скамья под постанывающей миссис Чатер. Однако молодой человек на удивление быстро справился с заданием, и спустя несколько минут Бейли услышал, как он торопливо сбегает по ступенькам.

— Как же я вам благодарна, — приветствовала его вдова. — Вы, должно быть, бежали быстрее ветра. Откройте эту пачку и идите. Мне нужно постараться укротить свой зуб.

— Но невозможно вас здесь оставить...

— Прекрасно сможете, — перебила его миссис Чатер. — Здесь же никого не будет — следующий танец вальс. Вас, вероятно, уже ждет партнерша.

— Ну, если вы и вправду хотите побыть в одиночестве...

— Конечно, хочу, мне сейчас не до кавалеров. Идите, идите, и благодарю вас за любезность.

Пробормотав что-то невнятное, молодой офицер неохотно удалился и стал медленно подниматься по лестнице. Потом наступила тишина, нарушаемая лишь шуршанием бумаги и скрипом извлекаемой пробки. Бейли, чуть дыша, повернулся лицом к дереву, за которым стоял, и стал упрекать себя последними словами. И зачем его сюда занесло? Как теперь ретироваться незаметно? Придется ждать, пока дама уйдет.

Вдруг из-за дерева показалась рука с открытой пачкой ваты. Она положила ее на скамейку и, чуть отщипнув, скатала малюсенький шарик. Пальцы этой руки были унизаны кольцами, на запястье блеснул широкий браслет, преломляя свет фонарика, висевшего на ветке. Рука исчезла, и Бейли в задумчивости стал смотреть на вату. Вскоре рука появилась опять. На этот раз в ней был открытый флакончик, который она осторожно поставила на скамейку. И снова разноцветными искрами сверкнули драгоценности. У Бейли затряслись коленки, на лбу выступила холодная испарина.

Рука снова исчезла, и Бейли осторожно выглянул из-за дерева. Женщина откинулась

на спинку скамьи, ее голова уперлась в дерево в нескольких дюймах от его лица. Прямо перед глазами сияли драгоценные камни тиары. Посмотрев через плечо, Бейли увидел роскошную подвеску, искрившуюся на мерно вздымавшейся груди. А руки даже в слабом свете одинокого фонаря сверкали и переливались всеми цветами ювелирной радуги.

В висках у Бейли застучала кровь, сердце чуть не выпрыгивало из груди. Лицо стало липким от пота, он стиснул зубы, чтобы унять дрожь. Его охватил смертельный ужас перед мыслью, которая лишала разума и воли.

Вокруг стояла такая тишина, что дыхание женщины и скрип ее корсета казались ошеломляюще громкими. Бейли затаил дыхание, казалось, он сейчас задохнется. Внезапно издалека донеслись волшебные звуки вальса. Начался новый танец. Далекая музыка лишь подчеркивала уединенность этого места. Бейли прислушался. Он жаждал сбросить это наваждение, которое неотвратимо толкало навстречу року.

Эта женщина притягивала его и одновременно внушала ужас. Он заставлял себя не смотреть на нее — все напрасно.

Наконец он решился и осторожно, трясущейся рукой схватил вату и бесшумно потянул ее к себе. Потом дрожащими пальцами обхватил флакон и тоже утащил в темноту. Через несколько секунд флакон возвратил на место, но уже полупустой. Наступила короткая пауза. Вдали проплывали

размеренные каденции вальса, как бы попадая в такт дыханию женщины. Но здесь было тихо, как в могиле.

Бейли наклонился над скамейкой с куском ваты в руке.

Женщина сидела, откинувшись назад и сложив руки на коленях. Казалось, она дремала. Последовало быстрое движение, и на лице ее оказалась вата с хлороформом, а голова качнулась назад, к груди невидимого злоумышленника. Женщина ахнула и, вскинув руки, схватила его за рукав; последовала отчаянная борьба, жертва извивалась, сверкая роскошными украшениями. По злой иронии, все это происходило под аккомпанемент нежных звуков вальса, к которым примешивались сдавленные стоны, шуршание шелка, скрип скамьи и звон падающего пузырька.

Однако борьба была недолгой. Внезапно руки в драгоценностях бессильно упали, голова откинулась на измятую манишку нападавшего, а тело стало медленно сползать на землю. Бейли, выпустив голову жертвы, перелез через спинку скамьи и, отбросив вату, наклонился над лежавшей на траве женщиной. Все было кончено, горячка борьбы сменилась ледяным отрезвлением.

Он с ужасом смотрел на распухшее лицо и закрытые глаза, которые еще недавно смотрели на него с таким искренним расположением.

Что он наделал! Жалкое ничтожество, отринутое миром, которому эта славная женщина протянула руку дружбы. Она сохранила память о нем

в своем сердце, в то время как все остальные давно предали его забвению. А он убил ее — и с этих алых губ больше никогда не сорвется вздох.

Внезапно Бейли осознал всю непоправимость содеянного, и его охватило мучительное раскаяние. Вцепившись в волосы, он хрипло застонал от невыносимой боли, весь во власти моральных терзаний, о драгоценностях больше не вспоминал. Теперь его удел нескончаемые муки совести и постоянный страх.

Голоса на тропинке заставили его очнуться. Охваченный животным ужасом, он поднял и перенес бездыханное тело к краю тропы и столкнул вниз, в кусты. Когда оно перевернулось, с полуоткрытых губ жертвы слетел легкий вздох, и Бейли стал прислушиваться. Но никаких признаков жизни женщина не подавала, и он решил, что этот вздох был вызван перемещением тела. Какое-то время Огастес стоял в оцепенении, глядя на нечто бесформенное, наполовину скрытое кустами, потом выбрался на тропинку и посмотрел назад, но тела уже не было видно. Голоса приближались, и он быстро взбежал по каменным ступенькам.

Когда он добрался до лужайки, музыка прекратилась, и из дома потянулась публика. Несмотря на все переживания, Бейли быстро сообразил, что в таком встрепанном виде появляться на людях опасно. Обойдя лужайку, он направился в гардероб, избегая встреч с гостями. Хорошо бы заглянуть в буфет, чтобы немного выпить и успокоить-

ся, но его одолевал страх — казалось, все вокруг уже шепчутся об ужасной находке. Быстро пройдя в гардероб, Бейли протянул номерок и вытащил карманные часы. Удивленно взглянув на него, гардеробщик сочувственно спросил:

— Неважно себя чувствуете, сэр?

— Нет. Просто здесь чертовски жарко.

— Тогда вам стоит выпить шампанского перед уходом, сэр.

— Уже нет времени. Я опаздываю на поезд.

Поняв намек, гардеробщик хотел помочь ему надеть плащ, но Бейли, выхватив вещи у него из рук, перебросил плащ через руку и, нахлобучив шляпу, поспешил к каретному сараю. Отказавшись от услуг швейцара, Бейли скатал и сунул под мышку плащ, вскочил на велосипед и покатил вниз по дорожке. Развевающиеся фалды фрака придавали велосипедисту довольно комический вид.

— Вы забыли включить фару, сэр! — прокричал швейцар, но Бейли был глух ко всему, кроме шума возможной погони.

К счастью, подъездная дорожка выходила на дорогу под углом, иначе Бейли непременно врезался бы в забор. Велосипедист, катившийся под уклон, выскочил на дорогу на бешеной скорости и, охваченный паникой, крутил педали с неистовством сумасшедшего. Мчась по пустынной дороге, он все время был настороже, опасаясь услышать топот копыт или тарахтение мотора нагоняющей его машины.

Бейли эту местность изучил накануне, объехав окрестности на велосипеде, и сейчас при любом подозрительном звуке мог свернуть на боковую дорогу или тропинку. Однако позади было тихо, и ничто не говорило о том, что тело уже обнаружили.

Проехав мили три, Бейли уперся в довольно крутой холм. Пришлось слезть с велосипеда и толкать его вверх столь энергично, что до вершины он добрался совсем запыхавшимся. Перед тем как съезжать вниз, Бейли решил надеть плащ, поскольку его фрак мог вызвать подозрение. Было только половина двенадцатого, а ему предстояло проехать по улицам небольшого городка. И потом надо зажечь фару. Будет подлинной катастрофой, если его остановит дорожный патруль или местный констебль.

Засветив фару и надев плащ, Бейли снова прислушался и огляделся. С высоты холма местность была видна как на ладони. Никаких движущихся огоньков, цокающих копыт и пытящих моторов он там не отметил. Прежде чем сесть на велосипед, Бейли инстинктивно потянулся в карман за перчатками и сразу же понял, что они чужие. Там был и белый шелковый шарф, но у него-то шарф черный.

Внутри у него все оборвалось. Сунув руку во внутренний карман, он не нашел и ключа от квартиры. В кармане лежал незнакомый янтарный портсигар. Бейли оцепенел от ужаса. Ему выдали чужой плащ, а его собственный остался

в гардеробе. На лбу выступила испарина. Ключ большого значения не имел: в доме есть второй, а дверь можно открыть с помощью парочки инструментов, которые он хранил у себя в велосипедной сумке. Вопрос был в том, есть ли в оставленном плаще что-то такое, что может его выдать. Но тут он со вздохом облегчения вспомнил, что перед отъездом вывернул и проверил все карманы.

Нет, надо скорее добраться до своего дома, зажатого между рекой и заводскими корпусами. Там ему ничего не грозит, кроме ужаса перед самим собой и навязчивой картины — увешанного драгоценностями тела, лежащего за кустами.

Еще раз оглядевшись, Бейли сел на велосипед, спустился с холма и исчез в темноте.

Глава 2

АКТ МИЛОСЕРДИЯ

*(в изложении Кристофера Джервиса,
доктора медицины)*

Медики никогда не бывают свободны от своих обязанностей, и это один из недостатков их профессии. Торговец, адвокат или чиновник, закончив рабочий день, запирает стол, надевает шляпу и отправляется отдыхать, будучи уверен, что на его досуг никто не посягнет. У врача все обстоит иначе. Не важно, работает он или отдыхает, спит или бодрствует, профессиональный долг ве-

лит ему немедленно прийти на помощь всякому, кто в ней нуждается.

Согласившись сопровождать жену на бал девушек в Рейнсфорде, я пребывал в полной уверенности, что в этот вечер меня никто не побеспокоит. Так и было, пока не закончился восьмой танец. Моя партнерша, юная леди, изъяснялась на каком-то невразумительном жаргоне. Общение с ней, обходившейся для выражения своих оценок всего парой слов типа «классно» и «жуть», трудно назвать приятным. Короче, мне это быстро наскучило. В надежде, что бокал шампанского и скромный сэндвич несколько оживят разговор, я уже собрался увлечь свою даму в буфет, как вдруг почувствовал, что кто-то дергает меня за рукав. Быстро обернувшись, я увидел испуганное лицо своей жены.

— Тебя ищет мисс Хэллиуэлл. Одной из дам стало плохо. Пойдем, посмотришь, что с ней случилось.

Взяв под руку, жена повела меня на лужайку.

— Довольно странная история с миссис Чатер, богатой американской вдовой. Эдит Хэллиуэлл и майор Пэдбери нашли ее в кустах в бессознательном состоянии. Бедняжка Эдит страшно расстроена. Она не знает, что и думать.

— Ты хочешь сказать... — начал я, но в этот момент из обвитой плющом арки выбежала мисс Хэллиуэлл.

— Скорее, доктор Джервис! — воскликнула она. — У нас такой скандал. Джулиет вам рассказала?

Не дождавшись ответа, она удрученно пошла вперед по узкой тропинке вялой шаркающей походкой. Сойдя по каменным ступенькам, мы увидели скамью, а за ней узкую прямую дорожку, проложенную в виде террасы на крутом склоне. Внизу в кустах стоял человек с цветным фонариком в руке, снятым, очевидно, с дерева. Спустившись к нему, я увидел роскошно одетую женщину, лежавшую на земле. Она находилась в сознании, при моем приближении слегка пошевелилась и попыталась что-то сказать заплетаящимся языком. Мужчина, видимо майор Пэдбери, протянул мне фонарик, многозначительно подняв брови. И тут я понял, почему мисс Хэллиуэлл была так шокирована. Сначала мне тоже показалось, что женщина пьяна. Но, подойдя ближе, увидел на ее лице прямоугольное красное пятно, похожее на след от горчичника. Оно покрывало рот и нос, и я догадался, что дело тут гораздо серьезнее.

— Надо перенести ее на скамейку, — предложил я, передавая фонарик мисс Хэллиуэлл. — Посмотрим, можно ли ее нести в дом.

Мы с майором подняли бесчувственную даму и положили ее на скамью.

— Что с ней? — шепотом спросила мисс Хэллиуэлл.

— Сразу сказать трудно, но это совсем не то, чего вы опасались.

— Слава богу! — обрадовалась она. — Только скандала нам не хватало.

Взяв фонарик, я склонился над лежащей миссис Чатер. Ее внешний вид меня немало озадачил. Она выглядела как пациент, отходящий от наркоза, однако красное пятно на ее лице скорее говорило об удушении. И тут свет фонарика упал на какой-то белый предмет, лежавший на земле позади скамьи. Рассмотрев получше, я убедился, что это прямоугольный кусок ваты, по размеру точно соответствовавший пятну на лице женщины. Когда я нагнулся, чтобы его поднять, то обнаружил под скамейкой маленький пустой пузырек. На этикетке значилось: «Метилированный хлороформ». Вот почему пострадавшая казалась пьяной и еле шевелила языком. Но зачем на нее покушались? Дама была просто увешана бриллиантами, значит, это не ограбление. А сама она вряд ли стала бы травить себя хлороформом.

Оставалось перенести ее в дом и ждать, когда пациентка придет в себя. Пройдя через заросли кустарника и огород, мы с майором вошли в дом через боковую дверь и положили женщину на диван в одной из пустых комнат.

Вода и нюхательные соли быстро привели миссис Чатер в чувство, и дама рассказала, что произошло. Хлороформ и вата были ее собственные. У нее разболелся зуб, и пациентка прибегла к их помощи. Но когда она сидела на скамейке, положив рядом с собой вату и пузырек, случилось нечто неожиданное. Кто-то подошел сзади и прижал пропитанную хлороформом вату к ее лицу, и женщина сразу же потеряла сознание.

— Вы не видели этого человека? — спросил я.

— Нет, но я знаю, что он был во фраке, потому что затылком почувствовала его манишку.

— Значит, нападавший все еще здесь или уже побывал в гардеробе. Не мог же он уйти без плаща.

— Конечно, черт возьми! — воскликнул майор. — Пойду поинтересуюсь.

Он в волнении удалился. Убедившись, что миссис Чатер ничего не грозит, я последовал за ним. В гардеробе я увидел майора Пэдбери и еще двух офицеров, лихорадочно натягивающих плащи.

— Он час назад уехал на велосипеде, — сообщил майор, пытаясь попасть в рукава. — Гардеробщик говорит, что человек был малость не в себе, и это неудивительно. Мы попытаемся догнать его на машине. Не хотите поучаствовать в охоте?

— Нет, спасибо. Я должен оставаться с пострадавшей. Но вы не сомневайтесь, что это именно тот человек?

— Больше никто не уходил, только этот тип. И потом... Черт! Зачем мне дали чужой плащ!

Сорвав с себя плащ, майор сунул его удивленному гардеробщику.

— Вы уверены, сэр? — с сомнением спросил тот.

— Абсолютно. Давай пошевеливайся, старина.

— Боюсь, что ваш плащ надел тот самый джентльмен, который уехал. Они висели на одном крючке. Мне очень жаль, сэр.

Майор задохнулся от возмущения. Что толку извиняться и как теперь получить свою одежду?

— Но если незнакомец взял не свой плащ, то этот, видимо, принадлежит ему, — вмешался я.

— Ясное дело, но к чему мне его дрянной плащешко?

— Он может пригодиться для опознания преступника.

Этот довод не особенно утешил разъяренного майора, но, спеша к поджидавшей машине, он выскочил вон. Я же, велев гардеробщику припрятать плащ, вернулся к своей пациентке.

Миссис Чатер уже полностью оправилась и проявила мстительный интерес к своему обидчику, пожалев, что он не покусился на ее бриллианты, не усугубив покушение на убийство еще и грабежом. Она также выразила надежду, что полиция не будет проявлять к нему неуместную снисходительность, когда виновный наконец попадетсся.

— Кстати, доктор Джервис, — обратилась ко мне мисс Хэллиуэлл. — Мне кажется, я должна упомянуть одно любопытное обстоятельство, связанное с этим балом. Мы получили подтверждение от мистера Харрингтона-Бейли, написанное на бумаге отеля «Сесил». Но такого человека не приглашала ни одна из устроительниц.

— А вы их спрашивали?

— Дело в том, что одна из них, мисс Уотерс, внезапно уехала за границу и не оставила нам адреса. Его могла пригласить она, поэтому я решила не поднимать шум. И теперь очень об этом жа-

лею. Получается, что мы сами пригласили преступника — хотя я не представляю, зачем ему понадобилось убивать миссис Чатер.

Происшествие действительно было загадочным, и поисковая партия, вернувшаяся через час, не сообщила ничего утешительного. След от велосипедных шин вел в сторону Лондона и был различим мили две, но потом совершенно затерялся на перекрестках, и офицерам пришлось прекратить преследование и вернуться обратно.

— Видите ли, миссис Чатер, у этого типа был час форы, и за это время он успел добраться до Лондона, — виновато объяснил майор Пэдбери.

— Вы хотите сказать, что негодяй выйдет сухим из воды? — вскричала миссис Чатер, глядя на майора с плохо скрываемым презрением.

— Похоже, что так. Я бы на вашем месте узнал его приметы у тех, кто с ним общался, и обратился в Скотленд-Ярд. Возможно, там знают этого подлеца и смогут опознать по плащу.

— Ну, навряд ли, — засомневалась миссис Чатер и была совершенно права, но, поскольку ничего другого не оставалось, ей пришлось принять этот сомнительный план.

Казалось, что этим все и закончится, однако дело имело продолжение. На следующий день около полудня, когда я вяло размышлял о проблеме продолжительности жизни, а Торндайк готовился к еженедельной лекции, громкий стук в дверь сообщил нам о появлении визитеров. Нео-

хотно поднявшись — мне удалось поспать только четыре часа, — я открыл дверь, и в комнату вплыла сама миссис Чатер в сопровождении суперинтенданта полиции Миллера, державшего под мышкой бумажный сверток.

Дама была явно не в духе и не скрывала своего недовольства, однако выглядела вполне бодро, несмотря на злоключения, пережитые накануне.

— Доктор Джервис, вероятно, уже рассказал вам, что вчера вечером меня пытались убить? — начала она после знакомства с моим коллегой. — И что же? Я пришла в полицию, описала им этого негодяя и даже показала его плащ, а они говорят, что дело безнадежное. Короче, злодей может гулять на свободе, ничего не опасаясь.

— Видите ли, доктор, дама дала нам описание, под которое в Великобритании подходит каждый второй мужчина из среднего класса, и предъявила плащ без единой отличительной черты. И после этого она хочет, чтобы мы, простые полицейские, а не маги и волшебники из Скотленд-Ярда задержали его владельца, не имея ни единой улики. Поэтому я взял на себя смелость привести миссис Чатер к вам.

Коварно усмехнувшись, он положил сверток на стол.

— А чего вы хотите от меня? — невозмутимо спросил Торндайк.

— Тут все дело в плаще, сэр. В карманах была пара перчаток, шарф, коробка спичек, трамвайный билет и ключ от американского замка. Мис-

сис Чатер хочет знать, кому принадлежит это одеяние.

Торндайк с улыбкой наблюдал, как Миллер разворачивает пакет, опасно косясь на разгневанную даму.

— Благодарю за доверие, но мне кажется, вам лучше обратиться к какому-нибудь ясновидцу.

Суперинтендант вдруг резко сменил тон:

— Серьезно, сэр, вы меня очень обяжете, если взглянете на этот плащишко. Мы в полном тупике, а дело надо расследовать. Прямо не знаю, с какой стороны к нему подойти. Улик никаких. Но от вас же ничего не ускользает, все это знают. Может, вы обнаружите что-нибудь такое, что я проглядел. Какую-нибудь зацепку, чтобы знать, с чего начать. К примеру, исследуйте его под микроскопом.

Торндайк размышлял, внимательно глядя на плащ. Я видел, что дело его заинтересовало, и когда просьбу Миллера горячо поддержала дама, вопрос был решен.

— Хорошо, — в конце концов согласился он. — Оставьте мне плащ на пару часов, и я его посмотрю. Не уверен, что мы что-нибудь узнаем, но в любом случае осмотр не повредит. Приходите в два часа. К этому времени я буду готов сообщить вам о неудаче.

Проводив посетителей, Торндайк возвратился к столу и с усмешкой взглянул на плащ и большой конверт с содержимым карманов.

— А что скажет мой ученый собрат? — спросил он, взглянув на меня.

— Я бы начал с трамвайного билета, а потом, следуя вполне разумному предложению Миллера, посмотрел пыль под микроскопом.

— А я думаю начать с плаща. Трамвайный билет может ввести нас в заблуждение. Ведь на трамвай можно сесть где угодно, а пыль на одежде может указать нам на какой-то определенный район.

— Согласен, но это будет очень приблизительно.

— Верно, и все же, Джервис, значение пыли у нас явно недооценивается, на что мне приходилось неоднократно указывать, — заявил Торндайк, забирая плащ и конверт в лабораторию. — Невооруженным глазом многого не заметишь. Возьмем, к примеру, пыль на столе. На вид она везде одинакова — серая безликая субстанция. Но под микроскопом эта серая масса превращается в узнаваемые фрагменты определенных веществ, которые легко распознать. Но вы все это знаете и без меня.

— Я вполне признаю значение пыли как улики, но только не во всех случаях. Пыль с плаща неизвестного человека вряд ли поможет его найти.

— Боюсь, вы правы, — согласился Торндайк, кладя плащ на лабораторный стол. — Но если Полтон разрешит нам воспользоваться своим патентованным пылесборником, у нас есть шанс кое-что прояснить.

Небольшой аппаратик, о котором упомянул мой коллега, был изобретением нашего гениального ассистента и представлял собой нечто вроде

пылесоса. Однако он имел некую особенность: всасываемая пыль попадала на лоток с предметным стеклом.

Установив пылесборник на лабораторном столе, гордый изобретатель поместил на лоток смоченное водой стекло и включил насос, а Торндайк приложил насадку к воротнику плаща. Потом предметное стекло убрали, заменив его новым, и точно так же собрали пыль с правого рукава. Повторив эту процедуру шесть раз, мы набрали пыль с различных частей плаща и стали рассматривать ее под микроскопом. Я сразу же заметил, что в пыли присутствует нечто необычное. Состав ее был довольно стандартным: фрагменты шерсти, хлопка и других волокон, встречающихся в одежде и мебельной обивке; частицы соломы, шелухи, волос, минеральные ингредиенты — в общем, все то, что характерно для одежной пыли. Но помимо этого там находилось изрядное количество веществ растительного происхождения и в особенности гранул крахмала.

Взглянув на Торндайка, я увидел, что он скрупулезно записывает все, что видит под микроскопом. Я поспешил последовать его примеру, и какое-то время мы усердно трудились молча. Наконец мой коллега оторвался от микроскопа и стал читать свой список.

— В высшей степени интересная коллекция, Джервис. А вы заметили что-нибудь необычное?

— У меня здесь какая-то кунсткамера. Известняк с рейнсфордской дороги, что вполне естест-

венно. А еще разные крахмалы, и прежде всего пшеничный и рисовый, причем рисового больше; фрагменты разных семян, частицы косточек, желтая масса, похожая на куркуму, черный перец, красный стручковый перец и пара частиц графита.

— Графит! — воскликнул Торндайк. — Я его не обнаружил, зато нашел следы какао, зерна крахмала, хмель — фрагмент листа и несколько щетинок. Можно посмотреть графит?

Я протянул ему предметное стекло, которое он стал рассматривать с живым интересом.

— Да, это, несомненно, графит, не меньше шести частиц. Вы поняли, почему мы взяли пыль с разных частей плаща? Видите, как это важно?

— Да, это фабричная пыль, по которой мы сможем установить район, но дальше вряд ли продвинемся.

— Не забывайте, что у нас в руках волшебная палочка.

Я вопросительно поднял брови.

— Ключ от американского замка. Если сумеем достаточно точно вычислить место, Миллер может пройти с ним по входным дверям.

— Но как же мы сможем его определить? Сомневаюсь, что у нас получится.

— Стоит попытаться. Некоторые вещества присутствуют на всем плаще, а другие, такие как графит, только местами, надо установить, где именно, и проанализировать их распределение.

Торндайк схематически изобразил плащ на листке бумаги, обозначив буквами каждую

из его частей. Этими же буквами он пометил предметные стекла, что давало возможность соотнести их с участками плаща. Потом мы снова заехали за микроскопы, пополняя списки найденными субстанциями. После часа напряженной работы все стекла были исследованы, и мы сравнили наши списки.

— Результат изысканий таков, — стал подытоживать Торндайк. — Вся внешняя и внутренняя поверхность плаща равномерно покрыта следующими веществами: рисовый крахмал в значительном количестве, пшеничный крахмал в чуть меньшем, понемногу крахмала имбиря, красного стручкового перца и корицы; лубяные волокна корицы, оболочки семян, каменистые клетки красного перца, корицы, кассии и черного перца, а также пигменты имбиря, а не куркумы. Ко всему этому на правом плече и рукаве имеются следы какао и хмеля, а на спине в районе лопаток несколько частиц графита. Таковы фактические данные. И какие же выводы отсюда следуют? Имейте в виду, что это не просто поверхностная пыль — она накапливалась месяцами и въелась в ткань от регулярной чистки щеткой. Такую пыль может извлечь только вакуумный аппарат.

— Очевидно, что пыль, которой покрыт весь плащ, попала на него там, где он обычно висит. Частицы графита его владелец подцепил со спинки сиденья, а какао и хмель — проходя мимо каких-то фабрик, хотя мне неясно, почему они только на правой стороне.

— Это зависит от времени и одновременно проливает свет на привычки нашего друга. По дороге из дома он проходит мимо фабрик, которые находятся справа, а когда идет домой, они оказываются слева, но к этому времени уже не работают. Однако для нас более важна первая группа вещей, поскольку по ней можно определить местонахождение его жилища. Он явно не рабочий и не служит на фабрике. Итак, рисовый и пшеничный крахмал и специи предполагают наличие рисовой и мукомольной фабрики и производства колониальных товаров. Полтон, вы не принесете нам почтовый указатель?

Перелистав страницы раздела «Промышленные предприятия», Торндайк сообщил:

— В Лондоне четыре рисовые фабрики, самая крупная из которых располагается в Докхеде. Теперь посмотрим, что там со специями.

Перевернув несколько страниц, он сообщил:

— В Лондоне шесть фабрик, производящих специи. Одна из них, «Томас Уильямс и компания», тоже находится в Докхеде. Теперь перейдем к мукомольным предприятиям. Здесь их несколько, но только одно находится рядом с рисовой фабрикой и производством специй. Это мукомольня Сета Тейлора в Докхеде.

— Вот это уже интересно, — заметил я.

— И не просто интересно. Как видите, в Докхеде обнаружилось сочетание производств, которые дают нам именно ту пыль, которой покрыт плащ, причем подобной комбинации нет больше

нигде в Лондоне. Графит, какао и хмель лишь подтверждают наше предположение. Все они происходят от соседних фабрик. Трамвай, пересекающий Докхед, проходит по Роуэл-роуд, где находится графитная фабрика «Пирс Дафф и компания», и туда вполне могут занестись частицы графита. На Гоут-стрит, к востоку от трамвайной линии, имеется шоколадная фабрика Пейна. А к западу, на Саутворк-стрит, есть несколько складов хмеля. Однако все это лишь предположения. Самое главное — рис, мука и специи, которые безоговорочно указывают на Докхед.

— А в Докхеде есть частные дома?

— Надо посмотреть в справочнике улиц. Ключ от американского замка указывает на наличие квартиры, а ее с единственным жильцом, имеющим привычки нашего незнакомого друга, уже вполне можно вычислить.

Пробежав глазами перечень домов, Торндайк повернулся ко мне со словами:

— Если все, что мы установили, всего лишь цепь случайных совпадений, то вот вам еще одно. В южной части Докхеда рядом с фабрикой специй и напротив рисовой фабрики находится многоквартирный дом для рабочих «Хановер-хаус». Он полностью отвечает условиям. Плащ, висящий в одной из квартир при открытых окнах (а в это время года их часто открывают), будет покрываться пылью, которую мы обнаружили. Разумеется, такие же условия могут быть и в других жилищах, но все говорит в пользу рабочего квартала. И это

все, что мы можем сейчас сказать, причем без особой уверенности. Возможно, наши умозаключения в корне неверны. Но шанс, что этот ключ подойдет к одной из квартир Докхеда, чрезвычайно высок, и есть вероятность, что она находится в «Хановер-хаусе». А удостовериться в этом придется Миллеру.

— Может, стоит взглянуть на трамвайный билет? — предложил я.

— Господи, про билет-то я совсем забыл! Обязательно посмотрим.

Высыпав содержимое конверта на лабораторный стол, Торндайк поднял мятую бумажку и, взглянув на нее, передал мне. Билет был прокомпостирован от Тоули-стрит до Докхеда.

— Еще одно совпадение, — заметил Торндайк. — А вот и Миллер к нам стучится.

Действительно, это был суперинтендант. А вскоре шум мотора возвестил о приезде миссис Чатер. Мы встретили ее у открытой двери.

— Так что вы скажете, доктор Торндайк? — воскликнула она, входя.

— У меня есть предложение. Если детектив отправится в Докхед, прихватив с собой этот ключ, возможно, в многоквартирном доме «Хановер-хаус» найдется дверь, к которой он подойдет.

— Черт! — воскликнул Миллер. — Простите, мадам, но казалось, что я вытряхнул из этого плаща все, что мог. Что же я проглядел, сэр? Там было какое-то письмо?

— Вы проглядели пыль, Миллер, только и всего.

— Пыль! — воскликнул детектив, сделав круглые глаза. — Но я, как вам известно, не волшебник, а простой полицейский.

Подняв ключ, он спросил:

— Вы будете участвовать в развязке, сэр?

— Конечно, будет, — вмешалась миссис Чаттер. — И доктор Джервис тоже, чтобы опознать преступника. Теперь он у нас в руках и не выкрутится.

Торндайк сухо улыбнулся:

— Мы, конечно, поедем, миссис Чаттер, если вы этого желаете, однако имейте в виду, что наши поиски могут не увенчаться успехом. Возможно, мы ошиблись в расчетах, и результат будет неутешительным. Мне самому интересно, каков будет финал. Но даже если мы разыщем злоумышленника, против него фактически нет улик. Только то, что он присутствовал на балу и поспешно уехал.

Смерив моего коллегу неодобрительным взглядом, миссис Чаттер подобрала юбки и вышла из комнаты. Здравомыслие — черта, которая неизменно вызывает раздражение у женщин.

Переехав через Блекфрирский мост, мы свернули на Тули-стрит, ведущую к Бермондси. Добравшись до Докхеда, мы с Торндайком и детектив продолжили путь пешком, а наша клиентка, опустив густую вуаль, последовала за нами на машине. Подойдя к причалу, Торндайк остановился и обратил мое внимание на белый налет, видимый на соседних зданиях и палубах барж, груженных

мешками с мукой и рисом. Затем, перейдя дорогу, он указал на деревянный фонарь над крышей фабрики специй, покрытый серовато-желтой пылью.

— Вот так промышленность содействует правосудию, — поучительно произнес мой друг. — Во всяком случае, будем на это надеяться.

Миллер тем временем скрылся в полуподвале здания. Когда мы вошли в подъезд, он уже шел нам навстречу.

— Внизу ничего похожего нет, — сообщил он. — Попробуем на других этажах.

На первом этаже его также постигла неудача, и он быстро побежал наверх. Но и на следующей площадке ничего интересного не обнаружилось — там были лишь рядовые замки с защелкой и задвижкой.

— Кого вы ищете? — спросил чумазый пролетарий, высунувшийся из двери одной из квартир.

— Магса, — не моргнув глазом, ответил Миллер.

— Не знаю такого. Наверное, он живет выше.

Туда мы и пошли, но с каждой двери на нас с удручающей монотонностью смотрели одни и те же замочные скважины. Я несколько сник, а когда и четвертый этаж не принес ничего нового, мое уныние переросло в досаду. Попасть пальцем в небо всегда немного обидно.

— Надеюсь, вы не ошиблись, сэр? — проговорил Миллер, вытирая пот со лба.

— Очень может быть, — невозмутимо ответил Торндайк. — Я предложил поискать здесь только в качестве эксперимента.

Полицейский недовольно хмыкнул. Он, как, впрочем, и я, привык расценивать эксперименты Торндайка как нечто вполне обоснованное.

— Если мы не найдем злоумышленника, миссис Чатер совсем обозлится, — проворчал он. — Она ведь считает, что его песенка спета.

Миллер задержался у лестницы, еще раз оглядывая площадку, и вдруг схватил Торндайка за рукав. Указав на дверь в самом дальнем углу, он торжественно прошептал:

— Американский замок!

Подкравшись на цыпочках к двери, Миллер злорадно уставился на латунный кружок. Мы молча последовали за ним. Приложив плоский ключ к извилистой замочной скважине, он легко воткнул его по самое колечко. Детектив с торжествующей улыбкой оглянулся на нас и молча вытащил ключ.

— Вы все-таки достали его, сэръ, — прошептал он. — Но мистера нет дома. Вероятно, он здесь еще не появлялся.

— Почему вы так думаете?

Миллер махнул рукой в сторону двери:

— Все в целости и сохранности. Даже краска на двери не поцарапана. У него ведь теперь нет ключа, а американский замок голыми руками не возьмешь. Пришлось бы его ломать, а он, как видите, целый.

Шагнув к двери, Торндайк слегка приподнял клапан, прикрывающий прорезь для почты, и заглянул в квартиру.

— Почтового ящика у него нет. Мой дорогой Миллер, я открою эту дверь за пять минут с помощью проволоки и куска просмоленного шпагата.

Миллер покачал головой и усмехнулся:

— Я рад, что вы не грабитель, сэр. Такой нам был бы не по зубам. Давайте посигналим даме.

Выйдя на галерею, я посмотрел вниз на ожидавшую нас машину. Миссис Чатер напряженно смотрела на здание, а небольшая толпа, собравшаяся вокруг авто, глазела на нее. Я вытер лицо платком — заранее обговоренный сигнал, — и она, выскочив из машины, уже через минуту оказалась на площадке, вся красная и запыхавшаяся, но в полной боевой готовности.

— Мы нашли его квартиру, мадам и собираемся туда войти, — сообщил Миллер. — Надеюсь, вы не собираетесь применять насилие, — добавил он, заметив в ее глазах кровожадный огонек.

— Естественно, нет. В Соединенных Штатах дамы не мстят за оскорбление сами. Американские мужчины давно бы повесили негодяя на спинке его собственной кровати.

— Мы не американцы, мадам, — сухо ответил детектив. — Мы законопослушные англичане и к тому же слуги закона. Эти джентльмены — адвокаты, а я офицер полиции.

Осторожно повернув ключ в замке, он открыл дверь, и мы все последовали за ним в гостиную.

— Я же говорил, что он тут еще не появлялся, — сказал Миллер, тихо закрывая дверь.

Похоже, он был прав. Во всяком случае, квартира была пуста, и мы беспрепятственно приступили к осмотру. Зрелище было довольно жалким, и по мере того, как мы проходили по убогим комнатенкам, меня охватывало чувство жалости к этому несчастному, в чье логово мы так бесцеремонно вторглись. Даже его преступление уже не казалось столь чудовищным. На всем лежала печать нищеты. Убогая гостиная с голым полом, единственным стулом и крохотным дощатым столом не имела даже занавесок на окнах. Тщательно выскобленная корка от сыра безмолвно свидетельствовала о полуголодном существовании. О том же говорил и открытый буфет с пустой хлебницей, чайницей со следами чайной пыли, чисто вылизанной банкой из-под варенья и высохшей коркой хлеба. В квартире не набралось бы еды и для одной-единственной мыши с хорошим аппетитом.

В спальне была та же картина с небольшими вариациями. Продавленная кровать с соломенным матрасом и дешевым джутовым ковриком вместо одеяла и два ящика из-под апельсинов — один служил туалетным столиком, на другом стоял жестяной таз для умывания. На гвозде висел хороший модный костюм, правда весьма поношенный. Другой был аккуратно сложен на полу и прикрыт газетой. Явным диссонансом выглядел серебряный портсигар на «туалетном столике».

— Почему же он голодает, если может заложить серебряный портсигар? — удивился я.

— Нельзя закладывать орудия труда, — пояснил Миллер.

Миссис Чатер, смотревшая вокруг с немым изумлением богатой женщины, впервые столкнувшейся со столь вопиющей нищетой, повернулась к суперинтенданту.

— Это явно не он! — воскликнула она. — Вы, вероятно, ошиблись. Такой бедняк вряд ли мог попасть в Уиллоудейл.

Торндайк приподнял газету. Под ней оказался аккуратно сложенный фрак с рубашкой, воротничком и галстуком. Развернув рубашку, он указал на измятую манишку. Поднеся ее к глазам, он снял с фальшивой бриллиантовой запонки женский волос.

— Весьма красноречивая деталь, — заметил Торндайк, держа волос двумя пальцами.

Миссис Чатер была того же мнения. Ее лицо не выражало более ни жалости, ни сочувствия, а глаза вновь мстительно засверкали.

— Пусть только придет, — угрожающе проговорила она. — Хоть здесь и немногим лучше тюрьмы, но все же пусть посидит за решеткой.

— Да, — согласился детектив. — При таком житье он вряд ли почувствует большую разницу. Тихо! Слышите?

Мы безмолвно застыли. В замке повернулся ключ, и в квартиру вошел мужчина. Не замечая нас, прошел мимо спальни и, устало волоча ноги, отправился на кухню. Мы услышали, как он открыл кран и, набрав воды, проследовал в гостиную.

— Идем, — скомандовал Миллер.

Подойдя к гостиной, детектив распахнул дверь, и мы увидели сидящего за столом подозреваемого. Перед ним лежал ломоть серого хлеба и стоял стакан воды. Чуть приподнявшись со стула, он, побелевший от страха, уставился на Миллера.

В этот момент, чуть оттолкнув меня, в комнату влетела миссис Чатер, и лицо мужчины вдруг настолько исказилось, что я невольно взглянул на нашу клиентку. Застыв как вкопанная, она чрезвычайно побледнела, словно не смея верить своим глазам.

Эта драматическая сцена была прервана детективом, который невозмутимо объявил:

— Полиция. Вы арестованы...

Его прервал истерический смех миссис Чатер, и Миллер удивленно взглянул на нее.

— Постойте! — дрожащим голосом воскликнула она — Тут какая-то ошибка. Здесь не тот человек. Это же капитан Роланд, мой старинный приятель.

— Сожалею, что он ваш приятель, потому что придется выступить против него в суде.

— Ничего подобного. Говорю же еще раз, это не он.

Потерев переносицу, суперинтендант недовольно посмотрел на свою клиентку:

— Я правильно понял, мадам, что вы отказываетесь преследовать его в судебном порядке?

— Вы хотите, чтобы я подавала в суд на друзей, которые ни в чем не виноваты? Конечно, я отказываюсь.

Суперинтендант взглянул на Торндайка, но лицо моего коллеги было непроницаемым и бесстрастным, как часовой циферблат.

— Значит, мы потратили время впустую, — сухо произнес Миллер, взглянув на часы. — Всего хорошего, мадам.

— Я очень сожалею, что напрасно вас побеспокоила.

— Да, мне тоже жаль, — буркнул детектив и, бросив на стол ключ, вышел из комнаты.

Когда за ним захлопнулась входная дверь, подозреваемый в замешательстве опустился на стул и, уронив голову на руки, разразился рыданиями. Смотреть на это было тяжело, и мы с Торндайком повернулись, чтобы уйти. Однако миссис Чатер жестом попросила нас остаться. Подойдя к мужчине, она притронулась к его руке.

— Почему вы это сделали? — с мягким упреком спросила дама.

Выпрямившись, он скорбно махнул рукой на пустой буфет:

— Черт попутал. У меня не было ни гроша, а эти проклятые бриллианты ввели в соблазн — протяни руку и бери. Просто нашло какое-то затмение.

— Но почему же не взяли? Почему?

— Не знаю. Наваждение прошло, а когда я увидел вас лежащей без чувств... О боже! Ну, почему вы не выдали меня полиции?

Мужчина вновь уронил голову и зарыдал. Миссис Чатер склонилась над ним. В ее прекрасных серых глазах застыли слезы.

— Признайтесь, почему вы все-таки не взяли бриллианты? Вам ведь ничего не мешало?

— А к чему они мне? Я думал, вы умерли, и для меня все потеряло смысл.

— Как видите, не умерла, — с грустной улыбкой сказала миссис Чатер. — И прекрасно себя чувствую, насколько это возможно в моем преклонном возрасте. Дайте мне ваш адрес. Я напишу и постараюсь помочь советом.

Вынув из кармана потертый футляр для визиток, собеседник извлек оттуда несколько карточек и с ловкостью игрока пустил их веером по столу. Торндайк чуть заметно улыбнулся.

— Мое имя Огастес Бейли, — сообщил мужчина.

Взяв одну из карточек, он огрызком карандаша нацарапал на ней свой адрес.

— Благодарю вас, — произнесла миссис Чатер, чуть задержавшись у стола. — А теперь нам пора идти. Прощайте, мистер Бейли. Завтра я напишу вам — и попрошу: не пренебрегайте советами старого друга.

Я открыл перед ней дверь и, когда она вышла, бросил взгляд назад. Бейли все так же сидел, обхватив себя руками и беззвучно рыдая, а перед ним на столе блестела небольшая горстка золота.

— Вы, вероятно, считаете меня сентиментальной дурочкой, доктор, — сказала миссис Чатер, когда Торндайк усаживал ее в машину.

Взглянув на нее с необычной для него теплотой, мой друг тихо ответил:

— «Блаженны милостивые», разве не так сказано в Святом Писании?

Часть V

ТЕНЬ ТЮРЕМНОГО ПРОШЛОГО

Глава 1

ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ

Среди маленьких жизненных удовольствий я отдаю предпочтение чувству комфорта, когда вечером, испытав все тяготы промозглой зимней погоды, попадаешь в уютное жилище, где горит камин и мягко светит настольная лампа. Именно такое ощущение я испытал в отвратительный ноябрьский вечер, когда пришел в нашу квартиру в Тампле, где мой друг сидел у огня в домашних тапочках и курил трубку. Напротив него стояло пустое кресло, явно предназначенное для меня.

Сбросив мокрое пальто, я вопросительно посмотрел на коллегу, державшего в руке письмо, которое, судя по всему, сулило нам новое дело.

— Думаю, стоит ли мне заниматься этим случаем, — сказал он в ответ на мой вопросительный взгляд. — Вот, прочитайте. Хочу услышать ваше мнение.

Он протянул мне письмо, и я стал читать его вслух:

— «Сэр, нахожусь в чрезвычайно затруднительном положении. Меня хотят арестовать по обвинению в преступлении, которого я не совершал. Могу ли надеяться на вашу помощь и защиту? Посыльный будет ждать вашего ответа».

— Естественно, я согласился, — вздохнул Торндайк. — А что еще оставалось делать? Но если его не задержу, как имел неосторожность пообещать, подозреваемый может скрыться и тогда меня обвинят в попустительстве.

— Риск, конечно, есть. А когда проситель придет?

— Должен был быть пять минут назад. А вот и он.

На лестнице послышались осторожные шаги, и в дверь тихонько постучали. Торндайк пошел открывать массивную дубовую дверь.

— Доктор Торндайк? — послышался дрожащий задыхающийся голос.

— Да, входите. Это вы прислали мне письмо с посыльным?

— Я, сэр.

Войдя в дверь, мужчина застыл на пороге.

— Это мой коллега, доктор Джервис. Не бойтесь, он...

— Я его знаю, — с облегчением перебил Торндайка визитер. — Видел вас вдвоем, да и вы меня тоже встречали, хотя вряд ли запомнили.

— Фрэнк Белфилд? — с улыбкой спросил Торндайк.

Мужчина даже рот раскрыл от удивления. В глазах его мелькнуло беспокойство.

— Должен заметить, что, будучи в таком сложном положении, вы подвергаете себя совершенно неоправданному риску. Этот парик и фальшивая борода, эти очки, в которых ничего не видно, способны вызвать подозрения у любого полицейского. Для человека, разыскиваемого полицией, весьма неразумно иметь опереточную внешность.

Мистер Белфилд со стоном опустился на стул и, сняв очки, озадаченно уставился на нас с Торндайком.

— А теперь расскажите о своем деле, — предложил Торндайк. — Вы утверждаете, что невиновны?

— Клянусь вам, доктор. Иначе не явился бы сюда, уж можете мне поверить. Это ведь вы упекли меня в тюрьму, когда я считал, что выкрутился. Вам бесполезно втирать очки, что уж говорить.

— Если вы действительно невиновны, постараюсь помочь. В противном случае лучше держаться от меня подальше.

— Да, знаю. Только, боюсь, вы мне не поверите.

— Постараюсь быть объективным.

— Хорошо, если так. Вы знаете, сэр, что я был вором и расплатился за это сполна. То дельце, на котором меня застукали, было последним. Моя спасительница — женщина — самая лучшая в мире. Она сказала, что выйдет за меня, когда я освобожусь, пообещаю завязать с воровством и вести честную жизнь. И сдержала свое слово, и я тоже. Жена нашла мне работу клерка на складе, и с тех пор честно зарабатываю деньги и вообще стал порядочным. Жизнь вроде бы наладилась,

а сегодня утром все вдруг рассыпалось, как карточный домик.

— И что же случилось сегодня утром? — поинтересовался Торндайк.

— Я шел на работу и рядом с полицейским участком увидел объявление «Разыскивается преступник» и рядом фотографию. Остановился, чтобы посмотреть, и можете представить, как меня долбануло, когда увидел свою собственную физиономию с именем и приметам. Не дочитав до конца, я помчался домой и все рассказал жене. Она побежала в участок и все толком разведала. Господь всемогущий! И в чем, вы думаете, меня обвиняют, сэр?

Белфилд сделал паузу и сдавленно произнес:

— Убийство в Кемберуэлле!

Торндайк тихо присвистнул.

— Жена знает, что я никого не убивал, потому что был дома весь вечер и всю ночь. Но кто ей поверит? Родственники ведь не могут подтверждать алиби.

— Боюсь, что нет. А других свидетелей у вас нет?

— Ни единой души. Мы весь вечер были одни.

— Но если вы невиновны — а я предполагаю, что это так, — не должно быть никаких улик. Знаете, почему подозрение пало именно на вас?

— Понятия не имею. В газетах пишут, что у полиции есть улики, а какие — не сообщают. Может, кто-то оговорил меня...

Его прервал громкий стук в дверь. Побледнев, мужчина вскочил со стула, и на лице заблестела испарина.

— Сейчас посмотрим, кто это. А вы, Белфилд, посидите пока в кабинете. Ключ с внутренней стороны, — распорядился Торндайк.

Скрывшись в кабинете, беглец поспешно повернул ключ в замке. Открывая входную дверь, Торндайк бросил на меня многозначительный взгляд, который я понял, только когда наш гость вошел в комнату. Это был не кто иной, как суперинтендант Миллер из Скотленд-Ярда.

— Я зашел, чтобы просить вас об одолжении, — сообщил он в своей обычной полушутливой манере. — Добрый вечер, доктор Джервис. Говорят, штудируете юриспруденцию? Хотите стать судмедэкспертом и посягнуть на лавры доктора Торндайка?

— Надеюсь, лавры доктора Торндайка останутся при нем еще надолго, хотя он так добр, что выделил мне уголок в своей квартире. Но что это вы нам притащили?

Пока я говорил, суперинтендант развязывал сверток, из которого он вынул мужскую рубашку, прежде, вероятно, белую, а сейчас безнадежно посеревшую от грязи.

— Мне бы хотелось знать, что это такое, человеческая кровь или что-то еще? — проговорил Миллер, указывая на коричневатое пятно на рукаве рубашки. — Посмотрите, сэр, как по-вашему.

— Вы мне льстите, Миллер, — улыбнулся Торндайк. — Но я ведь не ясновидящий целитель, которому достаточно взглянуть на язык, чтобы сказать, сколько ступенек пересчитал пациент, скатившись с лестницы. Я должен все тщательно изучить. Когда вам нужен ответ?

— Желательно сегодня вечером.

— Можно я вырежу кусочек, чтобы посмотреть его под микроскопом?

— Лучше не надо.

— Ну, хорошо. Ответ будет готов через час.

— Благодарю вас, доктор.

Детектив уже взялся за шляпу, когда Торндайк вдруг произнес:

— Кстати, хотел бы с вами кое о чем переговорить. Это касается убийства в Кемберуэлле. Насколько я понял, у вас имеются весомые улики?

— Улики! — пренебрежительно фыркнул суперинтендант. — Да мы сразу же вычислили убийцу, вот только он сбежал.

— И кто же это?

С сомнением взглянув на Торндайка, детектив неохотно произнес:

— Думаю, не будет большого вреда, если я скажу, тем более что вы и без меня узнаете... Это Белфилд, известный вор и мошенник.

— А какие против него улики?

Суперинтендант опять замаялся, но потом все же продолжил:

— Дело яснее ясного, все просто, как стакан виски, — заявил он, глядя, как Торндайк достает

графин, сифон и стакан. — Этот дурень оставил свою пятерню на оконном стекле, причем все пальцы отпечатались в лучшем виде. Мы вырезали кусок стекла и отправили в отдел дактилоскопии. Они порылись в своей картотеке, и вот вам, пожалуйста, мистер Белфилд с его отпечатками и фотографией.

— Отпечатки пальцев на стекле были идентичны тем, что хранились в картотеке?

— Один в один.

Торндайк задумался. Миллер, прищурившись, наблюдал за ним поверх наполненного стакана.

— Похоже, собираетесь защищать Белфилда в суде, — предположил он.

— Пока только в общих чертах рассматриваю дело.

— Предполагаю, вы уже знаете, где скрывается этот негодяй.

— Мне пока не сообщили его адрес. Я лишь собираюсь провести предварительное расследование. И здесь мы с вами, Миллер, в одной упряжке. Цель у нас одна, и нам нечего делить. Хотите задержать преступника, так ведь?

— Естественно. И преступник этот — Белфилд. Чем мы можем вам помочь, доктор?

— Мне надо взглянуть на кусок стекла с отпечатками и на фотографию дактилокарты. И еще осмотреть комнату, где произошло убийство, — надеюсь, вы ее заперли?

— Да, у нас есть ключи. Правда, это против правил. Но раз вы всегда играете честно, мы мо-

жем инструкцию слегка обойти. Хорошо, через час принесу вам стекло и отпечатки из картотеки. Но оставить не смогу, я за них отвечаю. А сейчас мне пора идти. Нет, спасибо, больше ни капли.

Взяв шляпу, детектив вышел — живое воплощение бдительности и энергичности.

Не успела за ним закрыться дверь, как Торндайк сменил невозмутимое спокойствие на лихорадочную деятельность. Нажав на звонок в лабораторию, находившуюся наверху, он бегло проинструктировал меня.

— Исследуйте это пятно, Джервис, только не смачивайте, а я пока займусь Белфилдом. Соскребите чуть-чуть в каплю теплого соляного раствора.

Я быстро достал микроскоп и поставил на стол необходимые инструменты и реактивы. В это время в замке повернулся ключ, и в комнату вошел наш бесценный помощник Полтон, как всегда скромный и молчаливый.

— Полтон, будьте любезны, принесите набор для снятия отпечатков пальцев и подготовьте к девяти часам фотоаппарат. Мистер Миллер принесет кое-какие документы.

Когда ассистент ушел, Торндайк постучал в дверь кабинета:

— Все спокойно, Белфилд. Можете выходить.

Щелкнул замок, и на пороге появился наш скорбный пленник в своем нелепом театральном гриме.

— Я должен взять у вас отпечатки пальцев и сравнить их с теми, которые полиция обнаружила на стекле, — объявил Торндайк.

— Отпечатки! Надеюсь, там не считают, что они мои? — с тревогой спросил Белфилд.

— Считают. Полицейские сравнили их с теми, что получены в тюрьме, и обнаружили совпадение.

— Господи, — прошептал Белфилд, опускаясь на стул. Он весь дрожал и, казалось, вот-вот лишится чувств. — Это какая-то ужасная ошибка. Но разве можно перепутать отпечатки пальцев?

— Послушайте, Белфилд, вы были в этом доме в тот вечер? Врать мне совершенно бессмысленно.

— Да не был я там, сэр, богом клянусь!

— Значит, это не ваши отпечатки.

В это время в комнату вошел Полтон с объемистым ящиком в руках. Взяв у него ящик, Торндайк водрузил его на стол.

— Расскажите мне все, что вам известно об этом деле, — сказал он, выкладывая содержимое ящика.

— Да ничего я не знаю, разве что...

— Что? — переспросил Торндайк, оторвав взгляд от медной пластинки, на которую он выдавил из тюбика немного штемпельной краски.

— Самого убитого. Это Колдуэлл, бывший скупщик краденого.

— Так он скупал краденое? — заинтересовался Торндайк.

— Да, и, похоже, был стукачом. Любил совать нос не в свое дело.

— А о вас он что-нибудь слышал?

— Не больше того, что знала полиция.

Взяв ролик, Торндайк раскатал штемпельную краску по поверхности пластинки. Потом положил на край стола белую карточку и, прижав указательный палец Белфилда сначала к краске, а потом к бумаге, получил четкий отпечаток. Ту же процедуру он повторил со всеми остальными пальцами руки, несколько раз продублировав каждый отпечаток.

— Шрам на указательном пальце, — заметил Торндайк, поднося руку Белфилда к свету. — Как вас угораздило?

— Проткнул консервным ножом, да еще грязь попала. Нарывало несколько недель, и доктор Сэмпсон уже собирался отрезать мне палец.

— Как давно это случилось?

— Около года назад.

Торндайк записал дату пореза рядом с отпечатком пальца и, снова намазав пластинку, положил на стол карточки покрупнее.

— Я хочу сделать отпечатки всех пальцев сразу, — пояснил он.

— В тюрьме катали только четыре пальца вместе, а большой делали отдельно.

— Знаю, но мне нужно сделать такой же отпечаток, как на оконном стекле.

Сняв несколько отпечатков пятерни, он посмотрел на часы и стал убирать свое хозяйство обратно в ящик. При этом задумчиво поглядывал на по-

дозреваемого, который с несчастным видом вытирал платком пальцы.

— Белфилд, вы поклялись мне, что невиновны и ведете честную жизнь. Я верю на слово, но через несколько минут буду знать наверняка.

— Благослови вас господь, сэр! — просветлев лицом, воскликнул Белфилд.

— А теперь лучше вернитесь в кабинет. Суперинтендант Миллер может появиться в любую минуту.

Белфилд юркнул в кабинет и запер за собой дверь. А Торндайк, вернув ящик в лабораторию и убрав отпечатки в стол, подошел поинтересоваться моими успехами. Мне удалось наскрести крошечные фрагменты засохшего пятна, и теперь я рассматривал их под микроскопом, предварительно смочив капелькой соляного раствора.

— Ну, что там у вас, Джервис? — поинтересовался мой коллега.

— Овальные кровяные тельца с четко выраженными ядрами.

— Хорошая новость для какого-то бедняги. Вы их измеряли?

Я сообщил ему цифры.

Торндайк снял с полки справочник и нашел таблицу гистологических показателей.

— Похоже, это кровь фазана или обычной курицы.

Посмотрев в окуляр, он проверил мои измерения микрометром. В это время раздался громкий

стук в дверь и на пороге возник суперинтендант Миллер.

— Вижу, вы трудитесь над моей проблемой, доктор, — произнес он, взглянув на микроскоп. — Ну и что скажете об этом пятне?

— Это кровь птицы, вероятно фазана, а может быть, курицы.

Миллер стукнул себя по бедрам:

— Разрази меня гром! Да вы просто маг и волшебник, доктор. Парень утверждает, что испачкался кровью раненого фазана, и здесь, с ходу, это установили. Сделана моя работа, сэр, я вам весьма признателен и тоже выполнил наш уговор.

Вынув из сумки деревянную рамку и синий конверт, он осторожно положил их на стол.

— Вот, сэр, здесь автограф мистера Белфилда и отпечатки его пальцев для сравнения.

Торндайк стал изучать вещественное доказательство. Кусок оконного стекла с отпечатком был прикрыт чистым стеклом и заключен в рамку. Положив на стол лист белой бумаги, Торндайк молча держал над ним рамку, о чем-то размышляя. Потом на его лице появилось хорошо знакомое мне выражение. Обойдя вокруг стола, я заглянул к нему через плечо и увидел на стекле четкий отпечаток пятерни.

Изучив рамку, Торндайк вынул из кармана замшевый мешочек с мощным увеличительным стеклом и стал снова рассматривать отпечатки, уделив особое внимание указательному пальцу.

— Вряд ли вы сможете придаться к этим отпечаткам, доктор, — произнес Миллер. — Они такие четкие, словно он их оставил нарочно.

— Вы правы, — загадочно улыбнулся Торндайк. — Такое впечатление, что их сделали специально. И стекло такое чистое, словно его протерли, прежде чем сделать отпечаток.

Суперинтендант подозрительно покосился на Торндайка, но тот по-прежнему был непроницаемым.

Тщательно исследовав стекло, Торндайк вынул из конверта листок с тюремными отпечатками пальцев и сравнил их с теми, что были на стекле. После чего пристально посмотрел на детектива.

— Думаю, что могу вам кое-что подсказать.

— Правда, сэр? Что же именно?

— Вы на ложном пути.

Суперинтендант чуть слышно фыркнул, выразить свои чувства громче не давала присущая ему вежливость. Так он выразил свой протест, который через секунду изложил словесно:

— Надеюсь, вы не хотите сказать, что отпечатки на стекле оставил кто-то другой?

— Уверен, что Фрэнк Белфилд их не оставлял.

— Но вы согласны, что отпечатки, снятые в тюрьме, принадлежат ему?

— Ничуть в этом не сомневаюсь.

— Однако мистер Синглтон из отдела дактилоскопии, который сравнивал их с отпечатками на стекле, утверждает, что они совершенно иден-

тичны. Я тоже их смотрел и пришел к тому же выводу.

— Я согласен, что они идентичны, именно поэтому на стекле их оставил не Белфилд.

Суперинтендант снова фыркнул — на этот раз чуть громче — и, сморщив лоб, посмотрел на Торндайка.

— Зачем вы морочите мне голову, сэр? — сухо спросил он.

— Упаси бог! Это не менее опасно, чем щеко-тать дикобраза, — с учтивой улыбкой ответил Торндайк.

Детектив был полностью сбит с толку.

— Не зная вас, сэр, счел бы, что слышу несусветную чушь. Потрудитесь объяснить, что вы имеете в виду.

— Если я сумею доказать, что отпечатки на оконном стекле оставлены не Белфилдом, вы не будете выписывать ордер на его арест?

— А вы как думаете? Неужели мы позволим развалить обвинение в суде, как это было с делом Хорнби? Кстати, там тоже речь шла об отпечатках пальцев, — вдруг вспомнил суперинтендант и почему-то задумался.

— Вот вы вечно жалуетесь, что я утаиваю информацию, а потом устраиваю сюрпризы в суде. Однако сейчас я готов ею поделиться, и если мне удастся доказать, что предъявляемая улика несостоятельна, надеюсь, беднягу Белфилда не будут преследовать.

Суперинтендант неопределенно хмыкнул.

— Этот отпечаток довольно интересен, — заявил Торндайк, беря в руки рамку со стеклом. — Одна из его особенностей, по-видимому, ускользнула от внимания мистера Синглтона, да и вашего тоже. Посмотрите на большой палец.

Суперинтендант взглянул на стекло, потом перевел взгляд на дактилокарту.

— Не вижу никакой разницы. Они полностью совпадают.

— В том-то и дело. А совпадать они не должны. Отпечаток большого пальца был снят отдельно. Знаете, почему? А потому, что снять отпечатки всех пяти пальцев одновременно практически невозможно. Большой палец немного повернут относительно других пальцев, и когда ладонь лежит на плоской поверхности, например на оконном стекле, он касается ее лишь частично. А здесь, — он постучал по куску стекла, — все пять пальцев отпечатались целиком, что в принципе невозможно. Попробуйте положить свою ладонь так, чтобы все пальцы располагались в одной плоскости, и вы увидите, что большой палец будет сопротивляться.

Положив пятерню на стол, детектив немедленно убедился в правоте моего коллеги.

— Ну и что это доказывает?

— Только то, что отпечаток большого пальца появился на стекле отдельно от остальных. Он явно был добавлен позже, и это доказывает, что отпечаток всей пятерни остался на стекле не случайно, а был сфабрикован с определенной целью.

— Я что-то не улавливаю, — проговорил Миллер, озадаченно почесав затылок. — Вы говорите, что отпечаток на стекле в точности совпадает с дактилокартой Белфилда и поэтому не может ему принадлежать. Ерунда какая-то получается.

— И тем не менее это факт. Одни отпечатки сделаны в тюрьме шесть лет назад. — Торндайк потряс дактилокарту. — А другие, — он указал на стекло, — оставлены на этой неделе. Они полностью совпадают. Разве не так?

— Согласен, доктор, — подтвердил суперинтендант.

— Прекрасно. А теперь предположим, что за последний год папиллярный рисунок на одном из пальцев Белфилда заметно изменился.

— А разве это возможно?

— Не только возможно, но и вполне реально. Сейчас я вам покажу.

Торндайк вынул из стола снятые им отпечатки пальцев Белфилда и положил их перед детективом.

— Обратите внимание на отпечаток указательного пальца. Я сделал целую дюжину снимков и на каждом видна белая полоска, пересекающая бороздки. Это шрам, который является неотъемлемой частью отпечатка. Но на стекле ничего подобного нет — там бороздки совершенно целые, какими они были до пореза. Значит, Белфилд не оставлял отпечатков на оконном стекле.

— А он точно порезался?

— Вне всякого сомнения. На указательном пальце имеется шрам, и, кроме того, я могу пред-

ставить свидетельство врача, который лечил Бел-филду руку.

Детектив почесал затылок и наморщил лоб.

— Да, та еще головоломка, — проворчал он. — Все, что вы сказали, звучит, конечно, убедительно, но как тогда быть с отпечатками на стекле? Их же нельзя получить без пальцев?

— Очень даже можно.

— Никогда не поверю, пока не увижу собственными глазами.

— Сейчас увидите. Вы, видимо, забыли дело Хорнби, «Дело о кровавом отпечатке пальца», как окрестили его в газетах.

— Что-то слышал, но подробностей не знаю.

— Хорошо, я покажу вам памятный сувенир, оставшийся от этого дела.

Открыв шкаф, Торндайк вынул оттуда небольшой ящичек с этикеткой «Хорнби», в котором оказался сложенный лист бумаги, маленькая книжечка в красной обложке и что-то похожее на большую самшитовую пешку.

— В этой книжечке, своего рода справочнике, собраны различные отпечатки пальцев. Вам, вероятно, знакомы такие альбомы.

Суперинтендант кивнул, бросив презрительный взгляд на книжицу.

— Пока доктор Джервис ищет нужный отпечаток, я сбегаю в лабораторию за штемпельной подушечкой.

Торндайк вручил мне книжечку, и я не без трепета стал переворачивать страницы — это был тот

самый альбомчик, благодаря которому я познакомился со своей женой. Листая страницы, я не переставал удивляться разнообразию рисунков кожи на пальцах. Наконец я обнаружил два отпечатка больших пальцев, на левом из которых был виден след от шрама. Под ними была надпись «Рубен Хорнби». В этот момент в комнату вернулся Торндайк и, положив на стол штемпельную подушечку, сел и обратился к Миллеру:

— Итак, перед вами два отпечатка больших пальцев джентльмена по имени Рубен Хорнби. Взгляните на левый — там очень характерная отметина.

— Да, такую ни с чем не спутаешь.

— А теперь посмотрите сюда.

Вынув из ящичка листок бумаги, Торндайк передал его детективу. На листке было что-то написано карандашом и имелись два пятна крови и очень отчетливый отпечаток окровавленного большого пальца.

— Что вы скажете об этом оттиске?

— Это левый большой палец Рубена Хорнби.

— А вот и нет. Этот отпечаток был сделан неким изобретательным джентльменом по имени Уолтер Хорнби (которого вы преследовали на Олд-Бейли и потеряли на Ладгейт-хилл).

— И как же? — недоверчиво спросил суперинтендант.

— Вот таким образом.

Взяв с подставки самшитовую «пешку», Торндайк приложил ее плоское основание к штемпель-

ной подушечке, а потом прижал к обратной стороне визитки. На карточке появился очень четкий отпечаток большого пальца.

— Вот это да! — вскричал детектив, недоверчиво разглядывая карточку. — Это подрывает основы криминальной дактилоскопии. Могу я поинтересоваться, сэр, как изготовили такую штуку? Ведь это ваших рук дело?

— Да, мы создали ее здесь, используя технику фотогравировки. Иными словами, сфотографировали отпечаток большого пальца мистера Хорнби, напечатали снимок на хроможелатиновой пластинке, проявили в горячей воде, и получилось вот это. — Торндайк дотронулся до рельефного основания штемпеля. — Такой же результат можно получить и другими способами, например с помощью копирки и литографского камня. Уверяю вас, Миллер, нет ничего проще, чем подделать отпечаток пальца, причем столь искусно, что сам злоумышленник не отличит свою подделку от оригинала, даже когда положит их рядом.

— Сдаюсь, — проворчал суперинтендант. — Вы убедили, доктор. Полагаю, теперь, когда с Белфилда подозрения сняты, ваш интерес к этому делу иссякнет?

— С профессиональной точки зрения — да, однако я намерен повозиться с ним просто из любопытства. Мне интересно, что за искусник здесь поработал.

Лицо Миллера просветлело.

— Гарантирую любую помощь. Отпечатки мы с Синглтоном вам уже предоставили. Чем еще могу быть полезен?

— Мне бы хотелось взглянуть на комнату, где произошло убийство.

— Вы ее увидите. Завтра в десять часов вам удобно?

Торндайк выразил полную готовность, и суперинтендант удалился в весьма приподнятом настроении.

Не успели мы закрыть за ним дверь, как в нее нетерпеливо постучали, и на пороге появилась скромно одетая женщина под густой вуалью. Быстро пройдя мимо меня в комнату, она грозно спросила:

— Где мой муж?

Потом подошла вплотную к Торндайку и разразилась гневной тирадой:

— Что сделали с моим мужем, сэр? Вы обещали защиту, а потом выдали его полиции? Я только что столкнулась на лестнице с полицейской ищейкой.

— Ваш супруг, миссис Белфилд, находится здесь, и ему ничего не грозит, — успокоил ее Торндайк. — Он заперся вот в этой комнате.

Миссис Белфилд подбежала к кабинету и забарабанила в дверь:

— Ты здесь, Фрэнк?

Ключ повернулся, дверь распахнулась, и на пороге возник бледный измученный Белфилд.

— Долго же вы продержали меня здесь, сэр.

— Мне не сразу удалось доказать суперинтенданту Миллеру, что он идет по ложному следу. Но тем не менее я преуспел, и теперь, Белфилд, вы свободны. Обвинение с вас снято.

Белфилд удивленно застыл, а его жена бросилась к нему на шею и залилась слезами.

— Но как вы узнали, что я невиновен, сэр? — озадаченно спросил он.

— Это — секреты ремесла. Мои поздравления, идите домой, ужинайте и отдыхайте.

Обменявшись рукопожатиями с визитерами и тщетно пытаясь уклониться от поцелуев миссис Белфилд, Торндайк проводил их до двери.

— Славная мужественная женщина, — заметил он, возвратившись в комнату. — Чуть не вцепилась мне в физиономию. Клянусь, я разыщу того негодяя, который попытался разрушить ее счастье.

Глава 2

КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ

Дело, о котором я собираюсь рассказать, является весьма поучительным, ибо иллюстрирует то непреложное правило следствия, на котором так упорно настаивает Торндайк, — все факты, имеющие хоть какое-то отношение к происшествию, должны быть тщательно, беспристрастно собраны и изучены, какими бы банальными и не относящимися к делу они ни казались. Однако не буду забежать вперед и предоставлю моему ученому другу са-

тому отстаивать свою точку зрения. Я же просто веду хронику событий. Итак, начну по порядку.

Переночевав в нашей квартире на Кингс-Бенч-уок, — что я обычно делаю два-три раза в неделю, — спустился в гостиную, где ассистент Торндайка Полтон накрывал на стол, а мой коллега с измерительным циркулем в руках колдовал над двумя фотографиями отпечатков пальцев. Приветливо улыбнувшись, он отложил циркуль и сел за обеденный стол.

— Сегодня я еду на место преступления в связи с убийством Колдуэлла. Надеюсь, вы составите мне компанию?

— Всегда готов, но мне практически ничего не известно об этом деле. Не могли бы описать его в нескольких словах?

Торндайк выглядел очень серьезным, но в глазах у него прыгали чертики.

— Старая история о вороне и лисице. Хитроумный преступный замысел, мой ученый друг.

— Кому, как не вам, знать об этом, хорошо знакомому с криминальной публикой.

— Очень жаль, что вы себя недооцениваете, — иронично улыбнулся Торндайк. — Но ближе к делу. Факты вкратце таковы. Убитый, Колдуэлл, занимался скупкой краденого и, вероятно, был полицейским осведомителем, вел довольно замкнутую жизнь в компании пожилой экономки. Неделю назад эта женщина пошла навестить замужнюю дочь и осталась у нее на ночь. Вернувшись на следующее утро, она обнаружила своего хозяина ле-

жащим на полу в кабинете в луже крови. Полицейский врач установил, что он умер двенадцать часов назад. После удара сзади тяжелым предметом: лежавший на полу воровской ломик точно соответствовал размеру раны. Убитый был в халате, на полу валялся подсвечник, в комнате горела газовая лампа. Окно кабинета вскрыто упомянутой фомкой, а на клумбе виднелись отчетливые следы. Полиция считает, что Колдуэлл готовился ко сну, когда услышал, что в кабинете открывается окно. Он пошел туда, и грабитель, прятавшийся за дверью, сразу же нанес ему удар. На оконном стекле обнаружен отпечаток пятерни, который, как вам известно, был приписан бывшему заключенному по имени Белфилд. Вы знаете, что я сумел доказать, что этот отпечаток фальшивый и сфабрикован с помощью резинового или желатинового штампа. Таково это дело в общих чертах.

Закончив завтрак, мы стали готовиться к походу на место преступления. Торндайк положил в карман какие-то диковинные инструменты, вроде тех, которыми пользуются геологи, убрал фотографии, и мы отправились на набережную Виктории.

— У полиции нет других улик, кроме этих фальшивых отпечатков на стекле? — поинтересовался я, когда мы шли по улице.

— Боюсь, что нет. Хотя могли бы быть, если бы они внимательнее изучили собранный материал. Сегодня утром я выяснил одну интересную деталь: злоумышленник использовал два штампа — один для большого пальца, другой для всех

остальных — и скопировал отпечатки с официальной дактилоскопической карточки.

— Как же это выяснили?

— Очень просто. Как вы помните, мистер Синглтон прислал мне через Миллера две фотографии: отпечаток на стекле и дактилоскопическую карточку Белфилда. Я их сравнил, точно измерил и пришел к выводу, что они полностью идентичны. На стекле воспроизведены не только мелкие дефекты официальных отпечатков, но и положение всех четырех пальцев, совпадающее с точностью до сотой доли дюйма.

— Вы предполагаете, что убийство совершил кто-то связанный с дактилоскопическим отделом Скотленд-Ярда?

— Вряд ли. Скорее всего некто, имевший доступ к отпечаткам. Очевидно, произошла утечка информации.

Когда мы добрались до небольшого домика, где произошло убийство, дверь нам открыла пожилая женщина. Суперинтендант Миллер был уже здесь и приветствовал нас в холле.

— Мы подготовились к вашему приходу, доктор, — сообщил он, — и навели порядок. Здесь все было перевернуто.

Он провел нас в небольшой скудно обставленный кабинет, где произошла трагедия. О преступлении напоминало темное пятно на ковре и квадратная дыра в оконном стекле. На столе, покрытом газетой, лежал довольно странный набор предметов. Там были серебряные ложки, часы,

не слишком дорогие ювелирные изделия, из которых были вынуты камни, и воровская фомка.

— Не знаю, зачем Колдуэлл хранил всю эту дребедень, — произнес суперинтендант. — Здесь вещи, похищенные в результате шести разных ограблений, причем ни одно из них не было раскрыто.

Торндайк без особого интереса осмотрел их. Он был явно раздосадован, что комнату привели в порядок.

— Вы не в курсе, что было похищено?

— Понятия не имею. Мы даже не знаем, открывал ли убийца сейф. Ключи лежали на письменном столе, так что он мог без труда там покопаться. Не знаю, почему он не взял эти вещицы. Все это мы нашли в сейфе.

— Вы сняли отпечатки с ломика?

Суперинтендант густо покраснел.

— Да, — пробурчал он. — Но перед этим его успела захватать полдюжина идиотов, прикладывая к окну. Так что на нем не было ничего, кроме отпечатков их проклятых лап.

— Окно, как я полагаю, не взломано?

— Нет, — ответил Миллер, с некоторым удивлением взглянув на Торндайка. — Это была инсценировка, как, впрочем, и следы на клумбе. Должно быть, преступник надел ботинки убитого и прошелся в них по земле. Маловероятно, что Колдуэлл сам там наследил.

— Вы не нашли какого-нибудь письма или телеграммы?

— Записка, где назначалась встреча в девять вечера в день убийства. Ни подписи, ни адреса, а почерк явно изменен.

— Еще какие-нибудь улики обнаружили?

— Да, сэр. В сейфе мы еще нашли вот это.

Миллер стал развязывать небольшой сверток, многозначительно поглядывая на Торндайка. В нем оказались кое-какие драгоценности и еще один сверток, сделанный из носового платка и перевязанный тесьмой. Когда детектив развернул его, там обнаружили шесть серебряных ложек с выгравированным вензелем, две солонки и золотой медальон с монограммой. Еще в свертке находился листок почтовой бумаги, на котором измененным почерком было написано: «Вот вещи, о которых я тебе говорил. Ф. Б.»

Но нас с Торндайком прежде всего заинтересовал платок (грязный и с двумя пятнышками крови). С четким штампом на его уголке: «Ф. Белфилд».

Торндайк с Миллером переглянулись.

— Знаю я, о чем вы думаете, — улыбнулся последний.

— Об этом можно догадаться, и не стоит делать вид, что у вас другое мнение.

— Но если платок тоже подстава, то пусть Белфилд это докажет. Здесь пахнет не одним делом. Эти ложки, солонки и медальон были украдены на Уинчмор-хилл, и мы весьма интересуемся джентльменом, который совершил ограбление.

— Не сомневаюсь, но платок вряд ли вам поможет. Опытный адвокат, такой, например, как ми-

стер Энсти, моментально отметет подобную улику. Уверяю вас, Миллер, этот платок в любом случае не может считаться весомым доказательством, а вот для расследования он просто бесценен. Предлагаю отдать его мне, а я уж найду, что с ним сделать.

Суперинтендант с неохотой согласился:

— Ладно, доктор. Можете взять его на пару дней. А ложки и все остальное вам не требуется?

— Нет. Только платок и записка, которая в нем была.

Оба предмета были помещены в жестяную коробочку, которую Торндайк всегда носил с собой, и, распрощавшись с обескураженным детективом, мы покинули место преступления.

— Очень неудачный поход, — подытожил Торндайк на обратном пути. — Жаль, что я не успел осмотреть комнату, пока там ничего не тронули.

— Но что-то новое вы все же узнали?

— Лишь убедился в правильности своего предположения. Колдуэлл был скупщиком краденого и полицейским осведомителем. Он сообщал полиции полезную информацию, а они, со своей стороны, не задавали ему лишних вопросов. Но стукачи склонны к шантажу, и весьма вероятно, что какой-то жулик, которого Колдуэлл слишком сильно прижал, пришел к нему в дом, когда не было экономки, и стукнул по голове. Преступление было спланировано заранее, и злоумышленник намеревался убить сразу двух зайцев. Он принес с собой штемпели, чтобы сфабриковать отпечатки на стекле, и подложил в сейф этот платок и часть вещей, похищенных

при ограблениях, которыми так озабочен Миллер. Надеюсь, вы обратили внимание, что все эти предметы не слишком ценные и легкоузнаваемые.

— Да, я заметил. Он явно хотел повесить на Белфилда и ограбления, и убийство.

— Абсолютно верно. Вам понятна позиция Миллера. Белфилд — синица в руках, а тот, другой, пока лишь журавль в небе. Поэтому за Белфилдом надо следить и доказывать его виновность. А если он неповинен, пусть подтверждает свою правоту.

— И что вы собираетесь делать?

— Вызову Белфилда телеграммой. Возможно, он прояснит ситуацию с платком и направит нас по верному следу. В котором часу у вас консультация?

— В половине первого, и вот как раз мой автобус. Постараюсь вернуться к обеду.

Поднявшись наверх, я посмотрел в окно на своего друга, ритмичной походкой идущего по тротуару. Он казался погруженным в свои мысли, однако от его внимания не ускользало ничего, что происходило вокруг. Моя консультация не затянулась, и я успел вернуться к обеду. Войдя, я сразу заметил, что настроение Торндайка изменилось — он был весел и оживлен, так происходило всегда, когда ему удавалось добиться успеха в каком-нибудь сложном и запутанном деле. Однако не спешил делиться своими достижениями и явно хотел отвлечься.

— Как вы смотрите на то, чтобы немного развеяться, Джервис? — весело спросил мой коллега. — Сегодня такой чудесный день, и мы не слишком

загружены работой. Пойдемте в зоопарк? У них появился великолепный шимпанзе и несколько экземпляров редкой рыбы. Идем?

— С удовольствием. Покатаемся на слоне, угостим медведя булочками и вообще родимся заново, как феникс из пепла.

Но когда часом позже мы прогуливались по зоопарку, я заподозрил, что наша увеселительная поездка имеет некую скрытую цель, поскольку ни шимпанзе, ни диковинная рыба Торндайка не заинтересовали. Его сразу же потянуло к вольерам, где обитали ламы и верблюды.

— Внимание, Джервис, — произнес он, когда мимо нас провели облезлого верблюда под седлом. — Взгляните на этот корабль пустыни с пассажирской палубой между горбами и признаками ревматоидного артрита тазобедренного сустава по правому борту. Пойдем посмотрим на него, пока он не вошел в док.

Мы пошли по боковой дорожке, чтобы перехватить верблюда по дороге в его стойло.

— Интересно проследить, как животные, обладающие определенными качествами, — лошади, северные олени и верблюды, — были приспособлены к нуждам человека, — продолжал рассуждать Торндайк. — Подумать о той роли, которую сыграли в истории верблюды: в древней и в современной торговле, в распространении культуры, в войнах и завоеваниях. Да, верблюд замечательное животное, хотя данный экземпляр выглядит довольно жалко.

Верблюды, казалось, поняли, что о нем отозвались неуважительно: проходя мимо Торндайка, он презрительно показал зубы и отвернулся.

— Ваш подопечный уже немолод, — заметил Торндайк, обращаясь к его поводырю.

— Да, сэр. Он стареет, и этого уже не скроешь.

— С этими животными, наверное, много возни? — продолжал Торндайк, шагая рядом с поводырем.

— Вы правы, сэр. Характер у них отвратный.

— Да, я слышал, но все же верблюды и ламы очень заняты. Вы не знаете, можно ли купить их фотографии?

— Да, в кассе есть кое-что, но далеко не все. Если вы хотите, весь набор ловко делает парень из верблюжатника. Только сейчас его нет.

— А как его зовут? Я хочу заказать у него фотографии.

— Джозеф Вудторп, сэр. Он вам любых наснимает. Спасибо, до свидания, сэр.

Опустив в карман неожиданные чаевые, мужчина повел своего подопечного в вольер.

Интерес Торндайка к верблюдам тотчас же увял, и он предоставил мне возможность выбирать маршрут, проявляя равный интерес ко всем обитателям зоопарка — от насекомых до слонов и наслаждаясь отдыхом с энтузиазмом школьника. При этом не упускал случая поднять с земли любое перышко или клочок шерсти, заворачивал в бумагу и, надписав, укладывал в свою жестяную коробочку.

— Никогда не знаешь, что может пригодиться, — объяснил он, когда мы отошли от вольера страуса. — Вот, к примеру, перышко казуара или шерсть оленя-вапити. При определенных обстоятельствах они помогут найти преступника или спасти невиновного. Такое часто случается.

— У вас, вероятно, целая коллекция перьев и шерсти, — предположил я.

— Возможно, самая большая в мире. И совершенно уникальная — ведь туда входят образчики пыли и земли из самых разных мест и промышленных предприятий, волокна, пищевые продукты и лекарства.

— Она помогает вам в работе?

— Постоянно. Обращаясь к своим образцам, я получаю самые неожиданные улики, и практика показывает, что микроскоп — это спасительный якорь судмедэксперта.

— Помнится, вы собирались послать телеграмму Белфилду. Отправили?

— Да. Я попросил его прийти в половине девятого вечера и привести с собой жену. Надо разобраться с этим загадочным платком.

— Думаете, он скажет вам правду?

— Не берусь судить. Но вряд ли станет валять дурака. Я со своими методами явно пользуюсь у него авторитетом.

После ужина Торндайк извлек из кармана жестяную коробочку и стал сортировать свой «улов», одновременно инструктируя Полтона, как поступить с каждым образцом. Волоски и мелкие пе-

рышки следовало оформить как объекты для микроскопического исследования, а более крупные перья положить в отдельные пакетики и убрать в соответствующие коробки. Стоя у окна, я невольно прислушивался к разговору, получая массу ценных сведений относительно препарирования и хранения образцов, и восхищался обширными познаниями моего коллеги и четкостью его инструкций. Внезапно я вздрогнул, увидев, как к нашему дому приближается знакомая фигура.

— Вот тебе раз! — воскликнул я. — Ничего себе накладочка!

— Что такое? — обеспокоенно спросил Торндайк, оторвавшись от своих образчиков.

— К нам идет суперинтендант Миллер. А уже двадцать минут девятого.

Торндайк рассмеялся:

— Пикантная ситуация. Вот Белфилд перепугается. Но ничего страшного. Я даже рад, что он пришел.

Через минуту раздался энергичный стук в дверь, и в комнату вошел несколько смущенный Миллер.

— Прошу прощения за беспокойство, — начал он извиняющимся тоном.

— Пустяки, — успокоил его Торндайк, невозмутимо пряча перо казуара в конверт. — Всегда к вашим услугам. Полтон, виски с содовой для суперинтенданта.

— Видите ли, сэр, наши подняли шум из-за этого платка. Они возмущаются, что я отдал его

вам вместе с запиской, вместо того чтобы сразу использовать как вещественное доказательство.

— У меня в этом не было сомнения.

— Я тоже другого не ожидал, сэр. Короче, они потребовали немедленно забрать улики. Надеюсь, вы не будете на меня в обиде, сэр.

— Нисколько. По моей просьбе Белфилд должен появиться здесь с минуты на минуту. Как только даст мне соответствующие объяснения, немедленно верну вам платок. Он мне больше не понадобится.

— Собираетесь показать его Белфилду? — возмущенно воскликнул детектив.

— Обязательно.

— Вы не должны этого делать, сэр, не имеете права. Я этого не позволю.

— Вот что, Миллер, — начал Торндайк, грозя детективу пальцем, — сейчас я работаю на вас, и попросил бы мне не мешать. Оставьте свои неуместные протесты. Сегодня вечером получите не только платок и записку, но, возможно, имя и адрес человека, совершившего убийство и эти нераскрытые ограбления.

— Серьезно, сэр? — воскликнул изумленный детектив. — Ну, вы моментально действуете.

В это время послышался осторожный стук в дверь.

— А вот и Белфилд собственной персоной.

Это была действительно чета Белфилд, страшно растерявшаяся при виде нашего гостя.

— Не пугайтесь, Белфилд, — с несколько зловещим радушием приветствовал его Миллер. — Я пришел не за вами.

Бывший заключенный несколько приободрился.

— Суперинтендант зашел совсем по другому делу, — поспешил успокоить его Торндайк. — Но пусть послушает, как обстоят дела. Посмотрите на этот платок и скажите мне, ваш или нет. Не бойтесь говорить правду.

Вынув платок из шкафа, он разложил его на столе. Я заметил, что одно из пятен крови было аккуратно вырезано. Увидев на уголке штамп со своим именем, Белфилд побледнел как полотно.

— Похоже, что мой, — хрипло произнес он, трясущимися руками поднимая платок. — Что скажешь, Лиз? — добавил он, протягивая его жене.

Миссис Белфилд внимательно осмотрела штамп и кромку.

— Это точно твой, Фрэнк. Тот самый, который подменили в прачечной. Видите ли, сэр, — повернулась она к Торндайку, — полгода назад я купила ему шесть новых носовых платков и проштамповала их самодельным штампом. А потом оказалось, что на одном из них штампа нет. Я сказала об этом прачке, но она не смогла ничего объяснить. Но раз наш платок потеряли, я проштамповала тот, который получила вместо него.

— Как давно это случилось?

— Я заметила подмену пару месяцев назад.

— И больше вам ничего не известно?

— Нет, сэр. А ты что-нибудь знаешь, Фрэнк?

Ее супруг мрачно покачал головой, и Торндайк отправил платок обратно в шкаф.

— А теперь я хочу спросить о другом. Когда вы сидели в тюрьме, там был тюремный надзиратель или помощник надзирателя по имени Вудторп. Помните такого?

— Да, сэр. Прекрасно помню, это как раз он...

— Знаю, — перебил его Торндайк. — Вы с ним виделись, когда вышли из тюрьмы?

— Да, сэр, один раз. Это было в пасхальный понедельник. Я встретил его в зоопарке, он теперь смотрит за верблюдами. Он покатал моего сынишку на верблюде и вообще старался нам угодить.

— А что-нибудь еще тогда произошло?

— Да, сэр. Верблюд был с норовом, брыкнулся, угодив ногой в столб, напоролся на гвоздь и рассадил шкуру. Вудторп вытащил платок, чтобы перевязать рану, но такой грязный, что я предложил ему свой, совсем чистый. Он его взял и перевязал верблюду ногу, а потом и говорит: «Я его постираю и пошлю тебе, только скажи свой адрес». Но я отказался, сказав, что могу забрать платок на обратном пути. Через час снова подошел к верблюжатнику, и Вудторп отдал мне его. Он был аккуратно сложен, но не постиран.

— Вы удостоверились, что платок ваш?

— Нет, сэр, я просто сунул его в карман.

— А потом?

— Придя домой, бросил в корзину с грязным бельем.

— Это все, что вы знаете?

— Да, сэр.

— Прекрасно, Белфилд, достаточно. У вас нет причин для беспокойства. Скоро вы узнаете, кто убил Колдуэлла, если, конечно, читаете газеты.

Чета Белфилд воспрянула духом и отбыла в самом приподнятом настроении. Когда они ушли, Торндайк вручил суперинтенданту платок и записку со словами:

— Я очень доволен, Миллер. Все выстраивается в одну цепочку. Два месяца назад жена впервые заметила подмену платка, а на Пасху, после которой прошло чуть больше двух месяцев, произошел этот случай в зоологическом саду.

— Все это прекрасно, сэр, но нам приходится верить им на слово, — возразил суперинтендант.

— Не совсем так. Имеется неопровержимое доказательство. Вы заметили, что я вырезал из платка кусочек с пятнышком крови?

— Весьма сожалею об этом. Нашим такое вряд ли понравится.

— Сейчас я вам его предъявлю, и доктор Джервис выскажет свое мнение.

Торндайк принес микроскоп:

— Скажите, Джервис, что, по-вашему, на предметном стекле?

Посмотрев в окуляр, я увидел крошечный кусочек ткани со следами крови.

— Похоже на птичью кровь, но я не могу разглядеть ядер.

Взглянув еще раз, я воскликнул:

— Да это же кровь верблюда!

— Неужели, доктор? — заволновался Миллер, подавшись вперед.

— Так оно и есть, — подтвердил Торндайк. — Я обнаружил ее сегодня днем, когда вернулся домой. Здесь не может быть ошибки. Видите ли, кровяные тельца млекопитающих имеют круглую форму. Единственным исключением является верблюд, у которого они овальные.

— Значит, Вудторп как-то связан с убийством Колдуэлла! — воскликнул Миллер.

— И весьма тесно. Вы забыли об отпечатках на стекле.

— А они-то здесь при чем? — озадаченно спросил детектив.

— Их сфабриковали с помощью двух печатей, изготовленных на основе фотографий дактилокарт. Я легко могу подтвердить данный факт.

— Предположим, это так. Ну и что?

Вынув из шкафа фотографию, Торндайк передал ее Миллеру:

— Вот фото дактилокарты, которую вы любезно мне предоставили. Что написано внизу?

— «Отпечатки сняты Джозефом Вудторпом, надзирателем тюрьмы Холловей», — громко прочитал детектив.

Впившись взглядом в фотографию, он воскликнул:

— Черт побери! Не успеешь и глазом моргнуть, а у вас уже все в ажуре, доктор. Завтра утром ми-

стер Вудторп окажется за решеткой. Но как он это провернул?

— Он мог снять лишние отпечатки и оставить себе дактилокарту. Заключение в таких вещах не разбираются. Однако Вудторп поступил по-другому. Сфотографировал дактилокарту прежде, чем ее отослать. Для опытного фотографа это пустяк, а у меня есть все основания предполагать, что он весьма искусен. Уверен, что во время обыска вы найдете у него фотоаппарат и снимки.

— Доктор, вы не перестаете нас удивлять. Однако я должен идти, чтобы выписать ордер на арест. Спокойной ночи, сэр, и примите самую искреннюю благодарность.

Когда суперинтендант ушел, мы какое-то время сидели молча. Наконец Торндайк заговорил:

— Любое дело, Джервис, каким бы простым оно ни казалось на первый взгляд, преподает нам поистине бесценный урок, который должны четко усвоить. Факт становится уликой только после тщательного изучения. Очевидная истина, однако на практике ею часто пренебрегают. Возьмите это расследование. Когда сегодня утром я покинул дом Колдуэлла, в моем распоряжении имелись следующие факты. Человек, убивший Колдуэлла, прямо или косвенно связан с дактилоскопическим отделом и, судя по всему, опытный фотограф. Вероятно, это он совершил ограбления на Уинчмор-хилл и в других местах, знал Колдуэлла, имел с ним какие-то дела и, вероятно, подвергался шантажу. Вот и все.

Как видите, негусто. Был еще подброшенный платок со штампом имени Белфилда, но ведь резиновую печать может сделать кто угодно. Я не сомневался, что это подстава, но доказательств у меня не имелось. Платок был запачкан кровью человека или животного, хотя на первый взгляд казалось, что это не важно. И все же я сказал себе: установлен неоспоримый факт — наличие крови, чья бы она ни была. Оставалось определить, какое значение может иметь данное сведение для расследования. Придя домой, исследовал пятно под микроскопом, и оказалось, что это кровь верблюда. Так малозначительный факт превратился в серьезную улику. Остальное было делом техники. Под дактилокартой в качестве исполнителя значился Вудторп. Передо мной стояла задача найти всех лондонских верблюдов, выяснить имена людей, работающих с ними, и определить, нет ли среди них фотографа. Естественно, что первым делом я отправился в зоопарк и сразу же вышел на Джозефа Вудторпа. Поэтому я не устаю повторять: никогда не сбрасывайте со счетов факты, не изучив их досконально.

Однако в суде все это не прозвучало — Торндайк даже не был вызван в качестве свидетеля. При обыске у Вудторпа нашли такое количество улик (включая два штампа с отпечатками пальцев, в точности соответствующие описанию Торндайка, и несколько фотографий дактилокарт), что его вина была с легкостью доказана, и вскоре в обществе стало одной одиозной фигурой меньше.

СОДЕРЖАНИЕ

Поющие кости

Перевод Н. С. Ломановой

Предисловие..... 7

Часть I

ДЕЛО ОСКАРА БРОДСКОГО

Глава 1. МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 9

Глава 2. МЕХАНИЗМ РАССЛЕДОВАНИЯ30

Часть II

ПРЕСТУПНЫЙ ТАЛАНТ

Глава 1. УБИЙСТВО МИСТЕРА ПРАТТА70

Глава 2. СЫЩИК ПРОТИВ ИЩЕЕК.....99

Часть III

ЭХО МЯТЕЖА

Глава 1. СМЕРТЬ НА МАЯКЕ..... 123

Глава 2. ПОЮЩИЕ КОСТИ 141

Часть IV

РОМАН МОШЕННИКА

Глава 1. НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ..... 168

Глава 2. АКТ МИЛОСЕРДИЯ..... 187

Часть V

ТЕНЬ ТЮРЕМНОГО ПРОШЛОГО

Глава 1. ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ	212
Глава 2. КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ	232

Тайны Д'Эрбле

Перевод Л. Г. Мордуховича

Глава 1. ВСТРЕЧА У ЛЕСНОГО ОЗЕРА	253
Глава 2. БЕСЕДА С ДОКТОРОМ ТОРНДАЙКОМ ..	266
Глава 3. НЕОЖИДАННАЯ СЕНСАЦИЯ	274
Глава 4. ПАЦИЕНТ БЕНДЕЛОУ	289
Глава 5. НАХОДКИ ИНСПЕКТОРА Фоллетта	297
Глава 6. ВИЗИТ К МЭРИОН Д'ЭРБЛЕ	307
Глава 7. ТОРНДАЙК БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО	318
Глава 8. КОНЧИНА САЙМОНА БЕНДЕЛОУ	330
Глава 9. СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ	340
Глава 10. НАПАДЕНИЕ НА МЭРИОН	351
Глава 11. МУЖЧИНЫ С ОРУЖИЕМ	363
Глава 12. ВОЛНУЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ	372
Глава 13. ЧУДОМ УЦЕЛЕЛ	381
Глава 14. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ	393
Глава 15. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОРНДАЙКА	405
Глава 16. СЮРПРИЗ ДЛЯ МИЛЛЕРА	417
Глава 17. ЧЕРЕДА НЕОЖИДАННОСТЕЙ	429
Глава 18. ФИНАЛ	442
Глава 19. ТОРНДАЙК РАСПУТЫВАЕТ КЛУБОК	457

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фримен Ричард О.

**ПОЮЩИЕ КОСТИ
ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ**

Сборник

Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *К. Семёнов, Л. Михеева*
Корректоры *М. Мазалова, Г. Москаленко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic
«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.09.2015. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 2500 экз. Заказ №1405.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

«ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА»

В серии вышли:

1. *Найо Марш.* «СМЕРТЬ В БЕЛОМ ГАЛУСТУКЕ.
РУКА В ПЕРЧАТКЕ»
2. *Джорджет Хейер.* «ТАК УБИВАТЬ НЕЧЕСТНО!
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КИНЖАЛ»
3. *Жаклин Уинспир.* «МЕЙСИ ДОББС. ОДНОГО ПОЛЯ
ЯГОДЫ»
4. *Найо Марш.* «УБИЙСТВО В ЧАСТНОЙ КЛИНИКЕ.
СМЕРТЬ В ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ»
5. *Энтони Гилберт.* «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО.
НЕ ВХОДИ В ЭТУ ДВЕРЬ!»
6. *Сирил Хейр.* «ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ. КОГДА ДУЕТ ВЕТЕР»
7. *Николас Блейк.* «ГОЛОВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.
МИНУТА НА УБИЙСТВО»
8. *Энтони Беркли.* «СУД И ОШИБКА. ОСТОРОЖНО: ЯД!»
9. *Патриция Вентворт.* «ВМЕШАТЕЛЬСТВО МИСС
СИЛЬВЕР. КОГДА ЧАСЫ ПРОБЬЮТ
ДВЕНАДЦАТЬ»
10. *Найо Марш.* «УБИЙЦА, ВАШ ВЫХОД! ПРЕМЬЕРА»
11. *Патрисия Мойес.* «УБИЙСТВО ОТ-КУТЮР.
КТО ПОДАРИЛ ЕЙ СМЕРТЬ?»
12. *Жаклин Уинспир.* «ПРОСТИТЕЛЬНАЯ ЛОЖЬ.
ВЕСТНИК ИСТИНЫ»
13. *Джорджет Хейер.* «ЗАЧЕМ УБИВАТЬ ДВОРЕЦКОГО?
ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК»
14. *Энтони Гилберт.* «УБИЙСТВО В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК.
ДЛИННАЯ ТЕНЬ СМЕРТИ»
15. *Глэдис Митчелл.* «УБИЙСТВА В СОЛТМАРШЕ.
УБИЙСТВО В ОПЕРЕ»
16. *Агата Кристи.* «БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА.
СМЕРТЬ ЛОРДА ЭДЖВЕРА.
УБИЙСТВО В МЕСОПОТАМИИ»
17. *Найо Марш.* «СЕМЕЙКА ЛАМПРИ. ТАНЦУЮЩИЙ ЛАКЕЙ»
18. *Джон Ле Карре.* «ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ.
УБИЙСТВО ПО-ДЖЕНТЛЬМЕНСКИ»

19. *Николас Блейк*. «СМЕРТЕЛЬНЫЙ РОЗЫГРЫШ.
КОНЕЦ ГЛАВЫ»
20. *Патриция Вентворт*. «Ключ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
СТРАННИЦЫ»
21. *Джорджет Хейер*. «НАЙДЕН МЕРТВЫМ. ТУПОЕ ОРУЖИЕ»
22. *Агата Кристи*. «Каникулы в Лимстоке» (МАРПЛ)
23. *Сирил Хейр*. «САМОУБИЙСТВО ИСКЛЮЧАЕТСЯ.
СМЕРТЬ В АРЕНДУ»
24. *Найо Марш*. «ПРЕЛЮДИЯ К УБИЙСТВУ. СМЕРТЬ В БАРЕ»
25. *Джозефина Белл*. «СМЕРТЬ НА КАНИКУЛАХ.
УБИЙСТВО В БОЛЬНИЦЕ»
26. *Эдмунд Криспин*. «ДЕЛО О ЗОЛОТОЙ МУШКЕ.
УБИЙСТВО В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК»
27. *Майкл Иннес*. «СМЕРТЬ В АПАРТАМЕНТАХ РЕКТОРА.
ГАМЛЕТ, ОТОМСТИ!»
28. *Френсис Айлз (Э.Беркли)*. «УМЫШЛЕННАЯ ЗЛОБА.
ЗАМУЖЕМ ЗА СМЕРТЬЮ»
29. *Джозеф С. Флетчер*. «УБИЙСТВО В МИДДЛ-ТЕМПЛ.
ТАЙНЫ РАЙЧЕСТЕРА»

Планируются к выпуску:

30. *Кристианна Брэнд*. «НЕ ТЕРЯЙ ГОЛОВЫ.
ЗЕЛЕНый – ЦВЕТ ОПАСНОСТИ»
31. *Жаклин Уинспир*. «СРЕДИ БЕЗУМИЯ.
НЕЗАВЕРШЕННАЯ МЕСТЬ»
32. *Николас Блейк*. «ТРЕБУЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.
БРЕННА ЗЕМНАЯ ПЛОТЬ»
33. *Найо Марш*. «СМЕРТЬ В ЭКСТАЗЕ.
УБИЙСТВО В СТИЛЕ ВИНТАЖ»
34. *Патриция Вентворт*. «ПРИЮТ ПАЛОМНИКА.
В САМОМ КОНЦЕ»
35. *Николас Блейк*. «УБИЙСТВО НА ПИВОВАРНЕ.
ЧУДОВИЩЕ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ»
36. *Этель Лина Уайт*. «КОЛЕСО КРУТИТСЯ.
КТО-ТО ДОЛЖЕН ПОБЕРЕЧЬСЯ»

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Доктор Торндайк, созданный Ричардом О. Фрименом, — известный эксперт-криминалист, «коллега и конкурент» Шерлока Холмса. Истории о приключениях доктора Торндайка неоднократно экранизировались, а в британском сериале «Соперники Шерлока Холмса» ему посвящено несколько эпизодов.

«Поющие кости»

В знаменитом сборнике рассказов «Поющие кости» доктор Торндайк расследует таинственные и запутанные преступления: кражу крупной партии бриллиантов, загадочное убийство управляющего поместьем, дела о шантаже, мошенничестве и другие.

«Тайны Д'Эрбле»

Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряется в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование. А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

«Детективы Ричарда Фримена необыкновенно увлекательны, он — лучший в своем жанре».

Реймонд Чандлер

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-089472-7

9 785170 894727